

Государственный университет им. Шота Руставели

Лейла Диасамидзе

**Тексттипологическая интерпретация жанра «анекдот»
(на материале английского, его американского варианта и
грузинского языков)**

Специальность: общее языкознание

На соискание академической степени
доктора филологических наук

Научный руководитель:
профессор
доктор филологических наук
Давид Зурабович Гоциридзе

2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	стр.8
I глава. Анекдот как типовая разновидность текста.....	19
1.1. Место анекдота в типологической классификации текстов.....	21
1.2. Особенности анекдота как речевого жанра.....	23
1.3. Анекдот и его языковая структура.	29
1.4. Особенности лингвистического юмора в британских, американских и грузинских анекдотах.....	42
1.5. Роль каламбура в вербальном юморе.....	60
Выводы	64
II глава. Социология анекдота и его свойства воздействующего текста	
2.1. Основные характеристики анекдота и типы мессиджей.....	65
2.2. Анекдот в качестве мессиджа андроцентричного общества.....	81
2.3. Специфическая форма коммуникации в анекдоте: роли адресанта и адресата при передаче юмористического текста.....	85
2.4. Этнический и «колониальный» юмор как одна из возможных позиций адресанта	92
Выводы	99
III глава. Анекдот и национально-культурная картина мира	
3.1. Аксиологическая картина мира в постфольклоре.....	101
3.2. Специфика построения анекдотного текста: взаимозависимость длин реплик в анекдотах постфольклора.....	105
3.3. Анекдоты-интернационализмы и бродячие сюжеты в британском, американском и грузинском постфольклоре.....	110
3.4. Общие и частные закономерности порождения анекдотного текста так называемого «черного юмора» в британской, американской и грузинской лингвокультурах.....	116

Выводы.....	126
Заключение.....	127
Библиография	131

А н н о т а ц и я

Диссертационная работа на тему: **«Тексттипологическая интерпретация жанра «анекдот» (на материале английского, его американского варианта и грузинского языков)** посвящена вопросам исследования типологии текстов жанра «анекдот». Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав с соответствующими выводами, заключения и библиографии. В первой главе исследования **«Анекдот как типовая разновидность текста»** рассматривается место анекдота в типологической классификации текстов, языковая структура и особенности лингвистического юмора в трех корпусах текстов. Во второй главе **«Социология анекдота и его свойства воздействующего текста»** анализируются основные характеристики анекдота как воздействующего текста и типы содержащихся в нем латентных мессиджей, а также обсуждаются аспекты этнического и «колониального» юмора. Третья глава **«Анекдот и национально-культурная картина мира»** рассматривает аксиологическую картину мира в постфольклоре, специфику построения анекдотного текста в исследуемых языках, а также особенности бродячих анекдотов в британском, американском и грузинском постфольклоре. Дается также характеристика закономерностей «черного» юмора и анализ его особенностей в изучаемых лингвокультурных социумах.

Тексты жанра «анекдот» были рассмотрены с ранее не исследованных ракурсов, а именно – с точки зрения содержащихся в них латентных инвариантных мессиджей и в качестве артефактов андроцентричного общества, а также с точки зрения создания абстрактной конструкции – «древа юмора», позволяющего многомерное сравнение лингвокультурных социумов в аспекте данного жанра. Новизна работы состоит также в разработке структурного анализа, позволяющего определить предпочтения и мертвую зону формальной и содержательной сторон текстов.

Вышесказанное позволяет говорить об освоении новыми методами и на новом материале структурно-семантического пространства исследуемого жанра. Таким образом, произошло заполнение лакун, позволяющее осветить самое продуктивное явление современного постфольклора и выявить лингвокультурную дифференциацию и универсалии трех различных социумов на обширном лингвистическом материале.

A n n o t a t i o n

Dissertational work "Text-typological Interpretation of a Joke Genre" (on the material of British English, American English and Georgian language) is devoted to the research of text typology of a joke genre. The dissertation consists of an introduction, three chapters with corresponding conclusions, final conclusions and bibliography. In the first chapter "Joke as the Typical Text Variety" a place of a joke in the typological classification of texts is considered, as well as the language structure and features of linguistic humour in the three bodies of texts. The second chapter "Sociology of Joke and Its Properties as Influencing Text" gives the analysis of the basic characteristics of jokes as influencing texts and the types of latent messages that are involved in them. The aspects of ethnic and colonial humour are also discussed.

The third chapter "Joke and a National Cultural Picture of the World" considers an axiological picture of the world in postfolklore, specificity of structure of joke texts and peculiarities of nomadic jokes in the British, American and Georgian bodies of texts. The chapter also gives the characteristics of the so-called "black/dark" humour and provides the analysis of its features in the studied linguocultural societies.

Texts of a joke genre have been researched from new perspectives, namely from the viewpoint of latent messages, and as artefacts of androcentric society. The thesis applies new methodology of research with building tri-dimensional "tree of humour" of the three cultures under the study: British, American, and Georgian. The novelty of work also consists in the development of the structural analysis, allowing to determine preferences and a dead zone of the formal and substantial aspects of texts.

The aforesaid allows us to speak about the studying of structural-semantic space of a joke genre through new methods and on a basis of new material. Thus, there was a filling the lacunas, allowing to cover the most productive phenomenon of modern postfolklore and to reveal linguocultural differentiation and universals of the three various societies on extensive linguistic material.

ანოტაცია

სადისერტაციო ნამუშევარი თემაზე „ანეკდოტის“ ჟანრის ტექსტტიპოლოგიური ინტერპრეტაცია“ (ინგლისური, მისი ამერიკული ვარიანტისა და ქართული ენების მასალაზე), ეძღვნება „ანეკდოტის“ ჟანრის ტექსტის ტიპოლოგიის კვლევას. დისერტაცია შედგება შესავალის და სამი საძიებო თავისაგან, რომლებსაც დაერთვის შესაბამისი დასკვნები. მოცემულია ძირითადი დასკვნა და ბიბლიოგრაფია.

კვლევის პირველ თავში მოცემულია „ანეკდოტი როგორც ტექსტის ტიპობრივი ნაირსახეობა“ განიხილება ადგილი ტექსტების ტიპოლოგიურ კლასიფიკაციაში სამ ტექსტობრივ კორპუსში, ეთმობა ლინგვისტური იუმორის ტექსტების ენობრივი სტრუქტურა და თავისებურებები.

მეორე თავში „ანეკდოტების სოციოლოგია და მისი ზემოქმედი ტექსტის თვისებები“ გაანალიზებულია ანეკდოტის როგორც ზემოქმედი ტექსტის ძირითადი მახასიათებლები, ასევე მასში შემავალი ლატენტური მესიჯების ტიპები. განხილულია „კოლონიალური“ და ეთნიკური იუმორის ასპექტები.

მესამე თავი „ანეკდოტი და სამყაროს ნაციონალურ-კულტურული სურათი“ განიხილავს პოსტფოლკლორში სამყაროს აქსიოლოგიურ სურათს, გამოსაკვლევ ენებში ანეკდოტური ტექსტების აგების სპეციფიკას, აგრეთვე ბრიტანულ, ამერიკულ და ქართულ პოსტფოლკლორში „მოხეტიალე“ ანეკდოტების თავისებურებებს. მოცემულია „შავი“ იუმორის დახასიათება, მისი კანონზომიერება და თავისებურებათა ანალიზი შემსწავლელ ლინგვოკულტურულ სოციუმებში.

„ანეკდოტის“ ჟანრის ტექსტები განხილული იყო ადრე გამოუკვლეველი რაკუსით, სახელდობრ იმ თვალსაზრისით, რომ ნათლად გამოკვეთილიყო მათში შემავალი ლატენტური, ინვარიანტული მესიჯები, აგრეთვე როგორც ანდროცენტრული საზოგადოების არტეფაქტები და აბსტრაქტული კონსტრუქციის - „იუმორის ხის“ შექმნის თვალსაზრისით, რომელიც საშუალებას გვაძლევს მოცემული ჟანრის ასპექტში მოვახდინოთ ლინგვოკულტურული სოციუმების მრავალ-განზომილებიანი შედარება.

ნაშრომის სიახლე მდგომარეობს სტრუქტურული ანალიზის შემუშავებაში, რომელიც საშუალებას გვაძლევს განისაზღვროს ტექსტების შინაარსობრივი და ფორმალური მხარეების პრეფერენციები და მკვდარი ზონა.

ზემოთ თქმული საშუალებას გვაზღვევს ვისაუბროთ გამოსაკვლევ კანონის სტრუქტურულ-სემანტიკური სივრცის ათვისებაზე ახალი მეთოდებისა და ახალი მასალის გამოყენებით. ამრიგად, მოხდა ლაკუნების შევსება რომელიც იძლევა შესაძლებლობას გაშუქდეს თანამედროვე პოსტფოლკლორის ყველაზე პროდუქტიული მოვლენა და ვრცელ ლინგვისტურ მასალებზე დაყრდნობით გამოვლინდეს სამი სხვადასხვა სოციუმის უნივერსალები და ლინგვოკულტურული დიფერენციაცია.

Введение

Во второй половине XX века в рамках антропоцентрической парадигмы язык стал рассматриваться в качестве продукта культуры, ее важной составной части. Появились новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики, язык стал важнейшим фактором формирования культурного кода нации. В русле этого направления активизировались исследования разных социолингвистических типов дискурса, а именно: институционального, бытийного, прагмалингвистического. К последнему относятся юмористический дискурс, представленный специфическими типами текстов, погруженных в ситуацию смехового общения.

Типичным жанром юмористического дискурса является анекдот, который имеет специфическую форму и содержание, особую тональность и интенции. Однако, несмотря на растущий интерес к юмористическому типу дискурса, на данном этапе он является наименее изученным в силу своей сложности и многоаспектности.

В последние годы не без основания говорят о появлении новой отрасли – смеховой индустрии. Появилась также новая наука человековедения – теория смеха, призванная изучать технологию порождения комического эффекта, а также реальные продукты остроумия, в частности, анекдоты. Полагают, что они представляют собой наиболее яркую форму проявления постфольклора и являются «основным комическим жанром современной культуры» (Слышкин 2007: 455).

В современном литературоведении анекдотами считаются небольшие устные/письменные шуточные рассказы самого различного содержания с неожиданно остроумной концовкой. Анекдот распространен в современном городском фольклоре и рождается как народный отклик на события жизни, охватывая все ее стороны, от быта до большой политики. Анекдоты относятся к особому виду устного народного творчества, их особое отличие состоит в образности, краткости, остроте, а также актуальности в лишь определенный временной отрезок. За его пределами он перестает восприниматься как собственно анекдот, нуждаясь в соответствующем предисловии с комментариями (БЭ 1975 т.т. 2, 12).

Значительно возросший интерес к проблеме нашел отражение в ряде исследований различного масштаба (Арошидзе 2009, Архипова 2003, Бергсон 2002, Бореев 1970, Верещагин, Костомаров 2005, Голубков 2007, Гоциридзе 2005, Гришаева 1998, Дземидок 1974, Дмитриев 1996, Земская 1959, Карасик 2001, Кулинич 1999, Курганов 2001, Седов 1998, Слышкин, 2007, Сретенский 1926, Стернин 2007, Тюпа 1995, Чиркова 1997, Шмелёва, Шмелёв 2002, Щурина, 1999, Auboin 1948, Boham 1987, Colins-Swahey 1961, Jünger 1948, Mercier 1962, Plessner 1950, Raskin 1985 и др).

Интерпретация текста обозначает процесс его восприятия, следовательно, тексттипологическая интерпретация будет означать восприятие текста с точки зрения его типологии. Совершенно очевидно, что текст, относящийся к жанру «анекдот», будет обладать своей спецификой.

Однако прежде необходимо определиться с характеристикой текста вообще. Большое внимание этому вопросу было уделено в работах отечественных и зарубежных лингвистов (М.В.Арошидзе, И.В.Арнольд, М.М.Бахтин, Э.Бенвенист, В.В.Виноградов, И.Р.Гальперин, М.А.Гвенцадзе, Д.З.Гоциридзе, А.Греймас, А.И.Домашнев, Р.Енукидзе, О.Л.Каменская, М.Кверезели-Копадзе, Р.А.Комахидзе, Л.А.Орнатская, А.Ф.Папина, А.М.Пешковский, Н.С.Поспелов, З.Я.Тураева, З.С.Хэррис и др.).

Существующий разноречивый определений текста объясняется в работе Д.З.Гоциридзе различными подходами в решении следующих вопросов: 1. критерии рассмотрения текста, как особого феномена; 2. границы данного понятия, их определение; 3. выработка основ классификации фактического материала (Д.Гоциридзе 1988: 34).

Многими учеными отмечается тот факт, что изучение юмора, как категории комического, становится отдельным самостоятельным предметом исследования. Если ранее по традиции комическое занимало умы философов и лингвистов, то ныне в орбиту исследования феномена комического включилось множество других дисциплин – психология, лингвистика текста, социология, коммуникативная лингвистика, семантика (Иванова, Ениколопов 2007: 651).

Для современной науки актуальность междисциплинарных исследований очевидна и не вызывает сомнений (Матевосян 2007: 6), поскольку разнообразие анекдотических текстов, как и многообразие самой жизни не могут быть сведены к одной интерпретации, а также рассмотрено под углом зрения единственной науки. Этим объясняется то, что изучением комического, как одного из важнейших концептов культуры, еще со времен Аристотеля занимаются науки, так или иначе имеющие отношение к антропоцентрической парадигме: лингвистика текста, лингвокультурология, психо- и социология, фольклористика и другие. Лингвистические теории юмора представлены в трудах М.Аптера, Н.Д.Арутюновой, А.С.Архиповой, С.Аттардо, М.М.Бахтина, А.Бергсона, Н.Д.Голева, С.Н.Ениколопова, Е.М.Ивановой, М.С.Кагана, В.И.Карасика, Е.Курганова, Г.Кязимова, А.Лука, В.Я.Проппа, В.Раскина, Л.Н.Столович, С.М.Шишкова, Е.Я. и А.Д. Шмелевых и других исследователей.

Отметим появление разного рода тематических объединений: Международное общество изучения юмора (International Society for Humor Studies), Американская ассоциация по изучению юмора (American Humor Studies Association), а также научная периодика, в частности: Humor International Journal of Humor Research. Регулярно проводятся заседания

круглого стола философского общества Санкт-Петербурга, посвященные проблемам комического и механизмам его создания, а также на уровне национальных Академий наук, - РАН, Ассоциации социологов Украины при НАН Украины и др). Отметим, в том, что касается грузинского юмора, его комплексное изучение на теоретическом уровне до сих пор не предпринималось ни в качестве предмета исследования, ни в сопоставительном плане. Проведенное нами сравнительное исследование нескольких лингвокультур представляет интерес еще и потому, что благодаря глобализации и другим социальным процессам, Грузия, как и другие лингвосоциумы, живет в режиме ретрансляции различных культур и, в частности, англоязычной. Эти процессы происходят также на уровне бытового сознания, к которому апеллируют анекдоты.

Таким образом, сопоставляются артефакты постфольклора относительно единой этнической общности (британцев и американцев) и неродственного им грузинского этноса. В соответствии с этнографической классификацией, их языки относятся к различным разрядам, так как носители обладают различным культурным достоянием. Создание юмористической картины мира представляет собой определенную ценность, как фрагмент общей мозаики картины мира и, в частности, британского, американского и грузинского лингвокультурных социумов. Вслед за Р.Комахидзе и Д.Гоциридзе мы полагаем, что исследование языковых феноменов наиболее целесообразно не только «для выявления механизмов, транслирующих этнические константы», но также для изучения картины мира в целом с помощью языка, как способа осмысления мира, тесно связанного с соответствующей культурой (Гоциридзе, Комахидзе 2008: 43).

Как справедливо заметил Ю.М.Лотман, «анекдот одновременно зеркало быта и зеркало юмора; он рассказывает, как люди живут и что им смешно» (Лотман 1997: 460). Более того, культура и фольклор, в том числе, - это тот стержень, на котором зиждется национальное самосознание. Существует также мнение, что анекдот, как феномен культуры, должен быть рассмотрен с позиции теории систем, которая предполагает сочетание трех аспектов его анализа: генетически-исторического, действенно-функционального и структурно-композиционного. С первой, генетически-исторической точки зрения, будем рассматривать анекдот как порождение городской культуры, ибо «формирование города как социокультурного феномена сопровождается складыванием городского фольклора» (Прохоренко 2002: 99). При этом в своей устной традиции это средство анонимного выражения определенного образа, неподвластного официозу народного мнения. Тем самым анекдот являет собой феномен массового сознания, переключаящим докультурные элементы повседневности в рефлексивное поле культуры (*idem*). Рассматривая анекдот, как некий базовый познавательный инструмент, мы получаем очень важный и интересный ключ

к пониманию того, как развивается культура. Более того, «в известном смысле современная литература вышла из анекдота и из анекдота сформировалась европейская современная литература. Из анекдота произошел не просто современный анекдот, а нечто гораздо более серьезное и значительное, которое из деловой, очень функциональной и жестко-практичной городской культуры возникает и существует в устной форме» (Сунягин 2002: 43- 45). Исследователь имеет в виду не только собственно сам анекдот, но и околокультурное пространство, рассматриваемое прежде как нечто банально-прозаическое, без претензий на культурную ценность. Можно также предположить, что это тексты, в которых мир мужчин – большей частью городской интеллигенции, - моделирует свои проблемы. И в этом смысле было бы несправедливо игнорировать эвристические возможности анекдота, которые как и любое лингвокультурное явление, не только фиксирует и констатирует то, что происходит в обществе, но и обладает прогностическими возможностями, как и любой воздействующий текст.

Говоря о теориях юмора, необходимо прежде всего упомянуть психологическую теорию юмора, сформулированную Р.Уайр и Дж.Коллинз (Wyer, Collins 1992), согласно которой переосмысление или реинтерпретация «юмористического события» (термин Long, Graesser 1988) способствует снижению значимости его черт: ситуации, персонажа и т.п. Разработкой психологического направления теории юмора в различной степени также принимали участие (Apter 1982, Attardo 1994, Mindess et al. 1985, Suls 1983; Иванова, Ениколопов, Максимова 2005).

У Бергсона общая характеристика комического находит смешное именно в проявлении механического вместо живого, привычки рассудка вместо движения жизненной силы. Концепция смешного, выдвинутая Бергсоном, состоит в проявлении механичности живого (см. об этом: Шишков 2002: 145). Нам представляется косность механического характера основной, но не единственной составляющей комического, многогранного по своей природе. Однако следует признать, что проявления комического и механичный, коснозастывший характер живого находятся в причинно-следственной зависимости. Юмор, как одно из проявлений категории комического, будучи неотделимым и уникальным свойством человека, помогает ему оставаться таковым и противостоять шошификации, т.е. превращения в вещь или предмет со всей механической атрибутикой. Смех призван: 1) ломать закосневшие стереотипы и представления, 2) выполнять защитную функцию, 3) приносить relax, снимая напряжение болевых точек бытия, репертуар которых универсален, как универсален биологически сам человек, независимо от расовой и прочих принадлежностей.

Термин «анекдот» с некоторыми оговорками соотносится с английским *joke*, подразделяющимся, в свою очередь, на различные типы: *numskull tale*, *blason ethnic slurs*, *Shaggy Dog Story* (Архипова <http://www.ruthenia.ru/folklore/arhipova1.htm>). При этом отмечается, что сам термин *anecdote* в англоязычной литературе понимается как тип нарратива, рассказываемого от третьего или первого лица; он родственен шутке, сказке-анекдоту или легенде. В зарубежных работах, посвященных данному вопросу, не различаются шутка как речевой жанр и анекдот – как фольклорный жанр. Разница между ними заключается в правдивости именно исторического анекдота и вымышленном характере *joke*.

К вышеперечисленному перечню циклов анекдотов можно добавить еще около десятка встреченных нами (см. далее таблицу № 2). Англоязычная научная литература, в том числе американская фольклористика, в основном фиксируют свое внимание на изучении: 1) «этнических циклов» анекдотов (Ben-Amos 1973, Davies 1990, 1986, Dundes 1975, Barrik 1964, 1970); 2) так называемых абсурдных анекдотов, обозначаемых термином *Shaggy Dog Story*, возникших из цикла историй о собаках, дословно «о пуделях» (Brunvand 1963); 3) антисоветские анекдоты, в том числе сталинского периода (Draitser 1994, Kurti 1988, Nilsen 1990, Thurston 1991, Yurchark 1997), 4) а также «*Elephant joke cycle*» («детские шуточки») в виде диалога из двух или четырех реплик. Всплеск их появления и изучения приходится на 60-80-е годы прошлого столетия и объясняется бегством в мир детства с его эмоциональной и социальной защищенностью (Abrahams 1964, Cray 1964, Cray, Herzog 1967, Dundes 1963) (*idem*).

Во второй половине XX века была сделана попытка определения принципов классификации и построения анекдотов. Перечисляются три способа классификации текстов жанра анекдот: 1. Это тематическая классификация Легмана (Legman 1975); 2) построенная по мотивно-сюжетному принципу сказок Аарне-Томпсона (Aarne 1930, Brunvand 1963); 3) по структурному сходству с загадками (Abrahams 1975) 4) и одинаковому метатекстовому вводу, т.е. зачину (Sutton-Smith 1960). Общий вывод по состоянию работ о структуре анекдота состоит в том, что таких работ в XX веке оказалось не так уж много, основной упор делается на «фиксирование новых текстов или на объяснение социальных феноменов, способствующих возникновению анекдота» (Архипова, *idem*).

Несмотря на общепризнанную искрометность и парадоксальность грузинского юмора, на материале грузинского языка тексты жанра «анекдот» в настоящее время почти не разработаны. Известно лишь несколько работ середины прошлого века, в которых частично рассматривается вопрос о коротких грузинских юмористических историях, то есть

анекдотах (А.Цанава 1960, А.Глонти 1957, А.Кутелия 1958, М.Чиковани 1955, Дж.Ногаидели 1936, Г.Кикнадзе 1953).

В качестве **предмета** исследования рассматриваются базовые жанровые характеристики коротких текстов юмористического содержания, их структурная и семантическая инвариантность, ценностные характеристики в сравнительно-сопоставительном плане на материале современных английского, его американского варианта и грузинского языков.

Любой текст содержит не только информацию, передаваемую составляющими его языковыми единицами: иными словами, текст включает явно, эксплицитно и неявно, имплицитно выраженную информацию. Эта информация связана не только с денотатом, но и определенными фоновыми знаниями: подтекстом, пресуппозициями, контекстом и пр. Все это преднамеренно заложено в тексте адресантом, как отмечает М.В.Арошидзе (Арошидзе 2009: 48). Исходя из этого, вводимое нами понятие мессиджа, то есть посылы, является конкретизированной имплицитной информацией, притом исчисляемой, заключенной в текстах жанра анекдот. Определение таких мессиджей-посылов, с одной стороны, отражает объективную эмпирическую реальность, а с другой эти послания являются удобным инструментом для построения сравнительной модели комического в разных языках. Таким образом, под мессиджем мы понимаем свернутую, имплицитно выраженную информацию-посыл, передаваемую через воздействующий на адресат текст, содержание которой не вытекает непосредственно из текста анекдота. Наличие имплицитной субноминальной информации объясняется известной асимметричностью и дуализмом языкового знака, о которых говорил еще Ф.де Соссюр (Saussure 1949: 50).

Предлагаемая нами классификация анекдотов, как коротких юмористических текстов, построена на принципиально ином подходе, основанном на вычленении инвариантов их глубинной семантической структуры, - оценочных мессиджей, передаваемых от рассказчика слушателю, когда вербализуется одно содержание, а подразумевается нечто иное, глобально инвариантное, соответствующее более высокому уровню абстракции и потому исчисляемое в пределах полутора десятков таких мессиджей-посланий, противопоставленных бесконечному множеству сюжетов, персонажей и тематики.

Поэтому в нашей работе выдвигается **гипотеза** о том, что глубинная смысловая структура анекдота содержит определенное количество исчисляемых мессиджей-посылов адресанта в анекдоте, как воздействующем тексте. Мессиджи являются когнитивными схемами интерпретации анекдотного текста. Техника комизма состоит в двуплановом восприятии единого плана выражения, при котором столкновение двух смыслов производит эффект неоправданного ожидания, в котором многие исследователи видят суть комического (см., напр.: Земская 2007: 649; Waszakova 2004). В основу работы также положена гипотеза

о том, что для британской, американской и грузинской лингвокультур характерны как универсальные, так и национально-специфические черты в области современного городского постфольклора.

Интерпретация, не подкрепленная фактами, остается лишь чистой игрой разума, поэтому мы в своей работе использовали так называемый феноменологический подход, основанный на изучении большого массива фактического материала: тысячи британских, тысячи американских и тысячи грузинских текстов жанра «анекдот». Поскольку основа любой модели – феноменология, изучение феномена и опыт, то абстрагирование на основе изучения опыта приводит к понятию модели (а у нас – «древа юмора»), как теоретическому обобщению. В основе любых моделей лежит наше представление о содержании явлений, которое формируется коллективным опытом этноса. Принятое нами экспериментальное начало позволяет нам сформулировать некоторую систему мысленных посылов – мессиджей, как посылов, имплицитно содержащихся в тексте анекдота. Описанный подход к построению моделей является феноменологическим, что означает, что в основе модели лежит опытное изучение феномена – явления (Пуанкаре 1990: 45).

Вышесказанное послужило нам основанием для выбора настоящей темы исследования.

Основной **целью** диссертации является комплексное лингвокультурологическое исследование структурных и семантических черт, определяющих общее и особенное в коротких фольклорных юмористических текстах жанра «анекдот» современного постфольклора. Кроме того, предусматривается интерпретация лингвосоциокультурного аспекта типологии коротких юмористических текстов, которые являются продуктом различных современных культурных социумов и анализ механизма создания комического эффекта в текстах жанра «анекдот» в различных аспектах и культурах.

Решение следующего ряда задач способствовало достижению поставленной цели: 1. Определение места анекдота в типологической классификации текстов. 2. Выявление и сопоставление основных характеристик анекдота, как воздействующего текста постфольклора. 3. Рассмотрение специфики коммуникации с точки зрения ролей адресанта и адресата. 4. Выявление соотношений проявления комического в представленных культурах. 5. Определение роли анекдотов в аксиологической картине мира национальных культур Великобритании, США и Грузии.

Актуальность предпринятого исследования объясняется следующими моментами:

1. Изучение этнокультурной специфики речевой деятельности в коротких юмористических текстах способствует установлению этнокультурных типов указанного дискурса и заполнению лакун в лингвоаксиологических и национальных картинах мира в области постфольклора.

2. Лингвокультурологический характер исследования является одной из центральных сфер современной филологической науки.

3. Общая теория анекдота – относительно молодая отрасль науки о тексте, ровесница XXI века, чем объясняется необходимость теоретической разработки вопросов типологии текстов, в частности, избранного нами жанра «анекдот» в сравнительном плане.

4. Одно из характерных явлений культуры XX и начала XXI века, анекдот является не только самым продуктивным, но и единственно возможным жанром постфольклора.

Таким образом, актуальность выбора темы определяется, с одной стороны, ролью постфольклора в отражении национального характера и картины мира, в том числе, лингвоаксиологической, а с другой стороны, - необходимостью теоретической разработки вопросов типологии текстов вообще и избранного нами жанра, в частности.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в разработке нового подхода к тексттипологической интерпретации жанра «анекдот». Материалы и выводы исследования могут быть привлечены при дальнейшей разработке вопросов, связанных с тексттипологической интерпретацией постфольклора в германских и картвельских языках. Материалы и результаты работы могут быть использованы в курсах типологии, социолингвистики, культурологи, в спецкурсах по английскому и грузинскому фольклору, практике преподавания исследуемых языков, а также научно-практической деятельности студентов.

Объектом исследования являются короткие юмористические тексты жанра «анекдот» в современном английском языке, его американском варианте и грузинском языке.

В качестве **предмета** исследования рассматриваются 1) базовые жанровые характеристики анекдота; 2) их структурные и семантические инварианты; 3) ценностные характеристики имплицитной информации текстов анекдотов.

Материалом исследованию послужили три тысячи единиц текстов британских, американских и грузинских анекдотов современного городского постфольклора. Источником британских, американских и грузинских анекдотов нам послужили Интернет-сайты, материалы специальных периодических изданий, а также наши собственные записи грузинских текстов анекдотов.

Научная новизна работы состоит в том, 1) что изучаемая проблема до сих пор не становилась предметом комплексного исследования на материале указанных лингвокультур; 2) в ходе исследования была применена новая методика исследования с построением трехмерного «древа юмора» трех культур с помощью выявленных мессиджей и выявлением количественных характеристик текстовых реплик; 3) в ходе работы были

получены новые результаты текстипологической характеристики различных лингвокультурных социумов.

Общая методология исследования зависела от поставленной цели исследования и заключается в интердисциплинарном подходе к изучению проблемы с привлечением данных лингвистики, социолингвистики, психологии, культурологии. Сопоставительный метод позволил найти общее и специфичное, свойственные лингвокультурам языков различных разрядов. Был использован также феноменологический подход и методы функционального количественного анализа. В связи с поставленными задачами в работе использовалась методика сопоставительного анализа. Количественный метод позволил определить и сопоставить объемы текстов исследуемых языков по интересующим нас параметрам. Отметим, что методика сопоставительной текстипологической интерпретации постфольклора различных лингвокультур, относится к числу неразработанных вопросов культурологии и фольклористики. Предложенная нами методика основывается на положении о том, что лингвокультурологическое исследование неизбежно включает элементы субъективного истолкования анализируемой действительности (в любой интерпретации, в том числе и научной, есть элемент субъективного) (Карасик 2002: 106).

Объем и структура работы

Материал диссертации изложен на 147 страницах компьютерного текста, включающего введение, три исследовательские главы, заключение, библиографию (245 наименований). В первой главе исследования **«Анекдот как типовая разновидность текста»** рассматривается место анекдота в типологической классификации текстов, языковая структура и особенности лингвистического юмора в трех корпусах текстов. Во второй главе **«Социология анекдота и его свойства воздействующего текста»** анализируются основные характеристики анекдота как воздействующего текста и типы содержащихся в нем латентных мессиджей, а также обсуждаются аспекты этнического и «колониального» юмора. Третья глава **«Анекдот и национально-культурная картина мира»** рассматривает аксиологическую картину мира в постфольклоре, специфику построения анекдотного текста в исследуемых языках, а также особенности бродячих анекдотов в британском, американском и грузинском постфольклоре. Дается также характеристика закономерностей «черного» юмора и анализ его особенностей в изучаемых лингвокультурных социумах. В заключении подводятся итоги исследования и делаются конкретные выводы.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 18 работ. Результаты исследования докладывались и обсуждались на пяти международных научных

лингвистических конференциях: “Crossroads in Cultural Studies” (Париж 2012), «Русский язык: система и функционирование (Батуми 2007), «Инновационные аспекты исследования культуры, археологии, этнологии, лингвистики стран Черноморского бассейна» (Батуми 2007), «Гуманитарные науки в информационном сообществе (Батуми 2009), «Язык и культура» (Кутаиси 2010), «Инновационные аспекты исследования культуры, истории, антропологии и лингвистики (Батуми 2010), на I научной конференции докторантов Государственного университета им. Шота Руставели, а также на научно-теоретических конференциях университета им. Шота Руставели (2007, 2008, 2010 гг.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Несмотря на пространственную удаленность и многовековое самостоятельное развитие исследуемые лингвокультурные социумы в проявлении комического обладают несомненными универсалиями, источник которых лежит в общечеловеческих ценностях.

2. Текст анекдота, несмотря на развлекательную направленность, несет определенную имплицитно присутствующую дидактическую нагрузку, что позволяет считать его воздействующим типом текста.

3. Изучение текстовых единиц жанра «анекдот» позволяет установить национально-специфическую аксиологическую картину мира.

4. Исследование внешних и глубинных структур текстов исследуемого жанра указывает на их значительное сходство как в лингвокультурах внутри этнической общности, так и между отдельными этносами.

5. Специфика заключается в преобладании относительно закрытого списка мессиджей, на которые приходится пик популярности в исследуемых лингвокультурных социумах; в частности, для грузинского языка это не этнические, а межрегиональные пункты мессиджей, далее следуют гендерные и профессиональные оценочные мессиджи и т.п. В целом различие состоит не в качественном отношении, а в количественной частоте встречаемости выделенных мессиджей.

6. В своих выводах мы основываемся на том, что современный городской «анонимный» постфольклор является порождением андроцентричного общества и служит целям репродуцирования ассиметричной картины патриархального общества, где роль трикстеров традиционно закреплена за одной частью гендера.

В итоге проведенного исследования были получены следующие **результаты:**

1. Мессиджи являются посылами, имплицитно присутствующими в каждом из рассматриваемых текстов; они актуализируют определенную сему категории оценки, в зависимости от концептов, соотнесенных с определёнными абстрактными или конкретными понятиями. Расклад сем категории оценки вполне прогнозируем в силу

особенностей фольклорных текстов. При этом он свидетельствует о том, что анекдот, как жанровая разновидность англоязычной коммуникации, служит своей основной функции – служить средством психологической защиты и передачи имплицитно выраженной дидактической информации и установок. Эта информация касается в большей мере морально-этической оценки в британских и грузинских и в меньшей степени в американских текстах жанра «анекдот».

2. Фольклорные тексты, в том числе короткие юмористические истории современного городского постфольклора не только аккумулируют морально-нравственные нормы и традиции этноса, но и текстуально овнешняют коммуникативные привычки и сценарии определенного социума. Это явление поддается исчислению и количественному анализу.

Таким образом, к параметрам прагматической ситуации и коммуникативным национально-культурным компонентам можно отнести также сопоставление коммуникации говорящего и реципиента в плане объема текста, предъявляемого адресантом и определяемого общим количеством и длиной реплик.

Культурно обусловленная модель поведения способна диктовать поведенческий сценарий коммуникантов при передаче смехового текста. Например, в коммуникативные привычки адресантов американских фольклорных текстов не входит испытание долготерпения адресата многорепликовыми анекдотами, чего не скажешь об артефактах британских трикстеров.

3. Существуют определенные предпосылки к так называемому эффекту песочных часов, при котором возможна свободная циркуляция анекдотов и их отнесение к потенциально бродячим анекдотам в ареале англофонии. К ним относятся: 1. культурно-историческая общность; 2. языковая общность; 3. усредненно-приближенный уровень бытийного сознания; 4. поликультурная социальная адекватность. При этом количественные расхождения в их употреблении не оказывают влияния на возможность их циркуляции.

4. Согласно фактическому материалу, американский черный юмор лидирует в общем корпусе исследованных коротких фольклорных юмористических текстов. При этом американский чёрный юмор носит ярко выраженную некрофильную окраску и представляет собой средство демонстрации силы и агрессивного отношения. С этой точки зрения британский юмор этимологически более близок к традиционному пониманию юмора. Грузинскому, как и британскому черному юмору более свойственна биофильная направленность, выполняющая в основном защитную функцию.

Глава I. Анекдот как типовая разновидность текста

Жанр анекдота всегда привлекал внимание выдающихся философов и лингвистов, которые считали, что анекдот – один из самых древних жанров фольклора (Лотман 1997: 461). А.Ф.Лосев в «Диалектике мифа» писал: «Действительно, только очень абстрактное представление об анекдоте или вообще о человеческом высказывании может приводить к выводу, что это просто слова и слова. Это – часто кошмарные слова, а действие их мифично и магично» (Лосев 1990: 466). Иными словами, тексты жанра передают нелицеприятные реалии повседневности и содержат нечто такое, что позволяет считать их текстами, воздействующими не только на рекреативную компетенцию адресата-реципиента.

С изобретением книгопечатания этимологический смысл анекдота (от греч. *anekdotoj*, т.е. «неизданный», «неопубликованный») вошел в противоречие с его современным литературным бытованием. Среди многочисленных серий книг, сборников и брошюр показательно издание восьмитомной «Антологии мирового анекдота» (Киев, 1994-1995). Есть мнение, что литературное существование несколько не изменило природу анекдота. Предмет анекдота – быт бытия, которое демонстрируется в анекдоте как небылица. И в то же время, «жизненность анекдота обусловлена анекдотизмом самой жизни, избыливающей анекдотическими ситуациями; поэтому лучшие анекдоты – это те, которые придумывает сама жизнь, предлагая усвоить свои ценности в юмористическом ключе» (Столович 2002: 49).

Существует множество определений анекдота, как фольклорного жанра, начиная с Краткой литературной энциклопедии, где анекдот понимается, как «небольшой устный шуточный рассказ самого различного содержания с неожиданной и остроумной концовкой» (Анекдот 1962: 233; Анекдот 1970: 26). Говоря о жанровых особенностях анекдота, Е.Я. и А.Д.Шмелевы отмечают, что особое значение термина «анекдот» лексикализуется в 20-30-е годы прошлого века, как «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка (Шмелева, Шмелев 2002: 20). При этом одним из принципиально важных условий рассказывания анекдота в коммуникативном акте подчеркивают конфиденциальный характер общения, предполагающий взаимопонимание, либо субъективную уверенность в его наличии, а зачастую желание снять психологический барьер в общении (Шишков 2002: 140)

В Грузию понятие «анекдот» пришло в 19 веке из Франции, где сам термин зафиксирован в 1751 в лексикографических источниках (Petit Robert 1981: 68), по

одноименному названию сборника, имевшего хождение в стране еще в конце 17 века. Первоначально сам термин означал короткий рассказ о любопытном происшествии, цель которого – показать изнанку, закулисную сторону вещей и человеческой психологии: это длительно скрывающиеся мелкие детали, согласно Вольтеру (Nachette 2000: 76). Акцент на обнаружение в анекдотах многозначительной детали, решительно все меняющей, характерен по сию пору для определения этой лаконичной истории.

Текст, являясь ключевым понятием антропоцентрической парадигмы гуманитарной культуры XX века, по определению В.Руднева, автора «Словаря культуры XX века», представляет собой «последовательность осмысленных высказываний, передающих информацию, которая объединена общей темой и обладает свойствами связности и цельности» (Руднев 1997). Отметим, что сама этимология термина «текст» (< textus lat.) – сплетение, структура, связное изложение) приближает к пониманию его главной характеристики – связности, как основной предпосылки целостности текста. В современной лингвистике трудно найти другой термин, который был бы столь же употребителен, но и столь же неоднозначен, как термин «текст» (Филиппов 2003: 61). Например, Н.С.Валгина определяет текст, как коммуникативную единицу высшего порядка и речевое произведение, основными признаками которого в информационном, структурном и коммуникативном плане являются связность и цельность (Валгина 2003: 5-7). Определение текста и его типология далеки от разрешения и даже более того, попыткам ученых однозначно определить понятие текста и его основных категорий препятствует терминологический хаос. Проблема определения текста вообще и, в частности, применительно к исследованию такого жанра как анекдот, с одной стороны, является по сию пору предметом изучения нескольких дисциплин и, в первую очередь, лингвистики текста. С другой стороны, жанрово-текстуальная характеристика различных типов текста интересует литературоведение, а также психолингвистику как науку, изучающую воздействие текста на его адресата или реципиента, как отмечает профессор Р.А.Комахидзе (Комахидзе 1995: 4-14). Кроме вышеупомянутых свойств текста ученый выделяет также другие его универсальные свойства: членимость, модальность, завершенность, а также имплицитность и информативность (там же).

Принципы типологизации текстов (Гвенцадзе 1986: 4-5, Гоциридзе, Квезерели-Копадзе 2000: 6, Филиппов 2003: 183) зависят от их информационной обеспеченности; передавая и сохраняя информацию, текст является продуктом своей эпохи, артефактом культуры, отражая духовную и психическую жизнь индивида (Арошидзе 2003: 4). Поскольку еще не выработаны единые критерии определения текста и типовая методика, автор считает необходимым исследование большого массива текстов разных жанров (там же). За основу

рабочего определения текста мы примем определение, данное в работах Д.З.Гоциридзе: «Текст, являясь важнейшей единицей коммуникации, представляет собой структурно-семантическое единство, все части которого связаны общей коммуникативной целью и универсальными текстовыми категориями (цельность, связность, членимость, модальность, информативность)» (Д.З.Гоциридзе 1988: 34).

Разветвленная этимология термина «текст» находит отзвук в таком фольклорном жанре художественного текста, как «анекдот». Его текст содержит переплетение, как минимум двух типов информации, с одной стороны, - о вымышленных объектах, а с другой – информационно-образный посыл, оперирующий константами, свойственными различным эпохам и социумам.

Информация текста анекдота может считываться с различной долей успеха, зависящей не столь от интенций адресанта, сколько от рекреативной компетенции реципиента, обладающего необходимой суммой фоновых знаний. Однако задача такого типа текстов очевидна – развлекать слушателя, предлагая ему созданную человеком реальность во имя развлечения и отвлечения от грустных моментов реальности. Этим объясняется общность тематики и инварианты скрытых посылов или мессиджей анекдотов, с завидным постоянством кочующих в «бродячих» и «бородатых» анекдотах с точки зрения синхронии и диахронии. Таким образом, говоря об отношении текста к реальности и наоборот, подчеркнем, что «реальность – это текст, написанный Богом, а текст – это реальность, созданная человеком» (Руднев, *idem*). Иными словами, реальность, созданная человеком в занимательных юмористических историях, так или иначе, отражает реальность окружающего мира, служа от нее индивидууму своеобразным психологическим щитом.

1.1. Место анекдота в типологической классификации текстов

Анекдот, как жанровое обозначение, традиционно относится к устному творчеству городского фольклора (жанр 1972, Auboin 1948, Junger 1948, Plessner 1950). Вслед за профессором Д.З.Гоциридзе, полагаем, что единицы устной словесности также обладают текстовым статусом и в качестве письменных текстов являются носителями культуры и коллективного сознания (Гоциридзе 1988; Гоциридзе, Квезерели – Копадзе 2000: 4). Такой тип текстов, рассчитанных на многократное воспроизведение, традиционно относят к фольклору (Рождественский; 1979, 19). При этом воспроизведение текста жанра «анекдот», как и любого текста, тесно связано с функционированием явления, преследующего определенную цель, а именно, - передать определенную концептуальную информацию (Комахидзе 1995: 53-57). Тип информации, передаваемый жанром «анекдот» принципиально иной формы, нежели другого устного сообщения, а текстуальное

пространство жанра подвержено искусственному отбору политического и идеологического порядка.

Особенностью воспроизведения текста изучаемого жанра является также его относительно свободное воспроизведение за счет невербальных способов коммуникации (интонационные, мимические, язык жестов и пр.) - то, что обычно называют репродуцированием. С этой точки зрения такие тексты могут быть отнесены к «необращаемым», согласно терминологии профессора Д.З.Гоциридзе, выделяющего отдельную категорию обращаемости текстов. Необращаемые тексты ориентированы на передачу информации, моноадресатны и направлены на «индивидуальное потребление информации, при этом явление носит не абсолютный, но относительный характер» (Гоциридзе 1988: 82).

Особенность репродукции текста жанра «анекдот» состоит также в том, что он представляет собой послание, предназначенное для массовой аудитории, независимо от социальной, интеллектуальной и национальной принадлежности последней. Особенно ярко это видно на примере так называемых «бродячих анекдотов», речь о которых пойдет далее. В то же время этот жанр, за исключением текстов, содержащих идеологический посыл, транслируется в основном не по каналам масс-медиа, а в ситуациях близкого, доверительного общения, они «моноадресатны», то есть предназначены для индивидуального потребления информации (*idem*) в силу специфики целей своего воздействия, а именно: привести адресата в состояние благодушного веселья. Жанровое содержание текста анекдота предполагает не отображение реальных фактов непосредственной действительности, а карнавалено перевернутую, по Бахтину, систему ценностей, а также наличие общих фоновых знаний, что а priori сужает канал действия этого жанра. Основные характеристики текста, такие как когерентность (связность), цельность, модальность и др. также присущи текстам исследуемого жанра. В силу своего эмоционального воздействия, тексты этого жанра обладают и супплетивной характеристикой, а именно, - способностью быть эффективным средством и инструментом воздействия на реципиента, что само по себе входит в сферу изучения других смежных наук – социолингвистики и психолингвистики.

Фольклорный текст, как и художественный, является продуктом определенного культурно обусловленного социума и это позволяет согласиться с определением текста, рассматривающим его в плоскости межкультурной коммуникации и межкультурных контактов: «... текст представляет собой культурно-исторический феномен, который функционирует в определенной национальной среде, отражает присущие данной лингвокультурной общности стереотипы и элементы массовой культуры, содержит

большой объем фоновой информации, которая ориентирована на определенного слушателя и требует прагматической адаптации при функционировании в межкультурной среде» (Д.Доборджгинидзе 2008: 157).

Как известно, текст осмысливается в функционально-типологических категориях, в значительной мере зависящих от участия коммуникантов в его создании или восприятии. Адресант в процессе коммуникации транслирует текст, обладающий устойчивой типологической характеристикой, а именно: зачины, стереотипные герои, легко перечисляемые в закрытом списке ситуации. Текст анекдота является по своей сути и назначению коммуникативной единицей «в квадрате», так как он репрезентирует коммуникацию стереотипных героев в типовой ситуации; парадоксальность коллизии является мотивирующим фактором в его трансляции.

В отличие от «художественных» текстов, рассчитанных на многократное восприятие и декодирование, текстообразование жанра «анекдот» осуществляется по специфическим законам этого жанра, диктуемым основной целью – сообщением новой информации. Информационные свойства текста жанра «анекдот» – новизна, прагматичность, в значительной мере зависят от реципиента. Это означает, что реципиент, или потенциальный слушатель, должен обладать рекреативной компетенцией, иными словами, чувством юмора, необходимыми фоновыми знаниями и, что не менее важно, должен присутствовать момент первичности поступающей информации. В случае повтора информации, с точки зрения прагматики текста, информативность презентуемого текста равна нулю, что является источником коммуникативного сбоя.

1.2. Особенности анекдота как текста речевого жанра

Вопрос о жанре, как сложном соответствии определенных художественных форм передаваемому содержанию, проблематичный, когда речь идет о произведениях художественной литературы, становится тем более непростым по отношению к фольклору, а «сама попытка фольклористов отказаться от жанрового подхода весьма показательна» (Вельмезова 2007: 499).

Предметом нашего исследования являются артефакты первичных речевых жанров, которые определяют как типы устного диалога различного характера, в том числе фамильярного, семейно-бытового, общественно-политического. При этом под речевым жанром мы понимаем «относительно устойчивые типы высказываний, объединенные тематическим содержанием, языковым стилем и композицией» (Бахтин 1979: 40).

Анекдот, как одно из характерных явлений культуры XX века, продолжает оставаться самым продуктивным жанром постфольклора, будучи «единственно возможным в наше

время видом фольклора» (Каган 2002: 6-8). В качестве характерологической характеристики жанра «анекдот» ученый называет черты, объединяющие его с фольклором как формой крестьянского творчества, однако это модифицирование специфическое явление чисто городской культуры. Городской фольклор создается и функционирует в иной социокультурной среде – среде демократической городской интеллигенции. Именно этот пласт лингвокультурного социума определяет содержание, жанровое своеобразие и национальную специфику анекдота (там же). Жанр «анекдот» ученый структурирует на три жанровые сферы, порожденные мирозерцанием интеллигенции и ее основными интересами. В отличие от крестьянского фольклора, где главный предмет изображения – повседневная жизнь народа, а в сказках – фантазии об идеальной жизни, в отличие от «смеховой культуры», где предметом изображения были религиозные мифы, в анекдоте представлены основные интересы интеллигенции, как коллективного анонимного автора. К выделяемым жанровым сферам автор относит политическую, этическую и эротическую. Отметим, что указанные сферы соответствуют общепринятой аксиологической картине мира, отражающей ценностные концепты, в которой доминируют нравственно-этические категории. Этой доминанте, как показал количественный анализ текстов изучаемого жанра, действительно, уделяется основное внимание в изучаемых текстах лингвокультурных социумов.

Следует учитывать и такой фактор в изучении анекдотов, как историческая динамика «жанровых сфер» в диахронии, обусловленная порождающими их социальными условиями. Так, количественная представленность и циркуляция «политических» анекдотов коррелирует с активностью карательных органов в подцензурном обществе. Свобода слова и печати создает эффект «открытых дверей», в которые нет надобности стучать, так как постфольклором уже выполняется социальный заказ. Что касается нравственно-этической проблематики, то она актуальна в любое время и в любом обществе. Это не означает ее клонированность и тотальную «бродячесть» сюжетов. При всем теоретическом интересе, представляемом «бродячими анекдотами», их доля ничтожно мала и исчисляется долями процента, как показало проведенное исследование. Причину этого мы усматриваем в национально-специфических нюансах и деталях, с одной стороны, способствующих созданию комического эффекта в родном лингвокультурном социуме, а с другой стороны, создающих коммуникативный сбой при отсутствии общих фоновых знаний участников коммуникативного акта (Верещагин, Костомаров 1973: 17). Меняющаяся все многозначительная специфическая деталь по-прежнему остается актуальной для этого жанра.

Проведенный анализ фактического материала позволяет согласиться с утверждением о том, что этическая проблематика - наиболее обширная и наиболее стойкая, поскольку «предметом художественного анализа являются человеческие отношения во всем многообразии их конкретных форм, стержень же их - нравственные принципы взаимоотношений людей» (Каган 2002: 12).

Таким образом, анекдот – это устный речевой жанр городского фольклора, бытующий как форма смеховой культуры и обладающий некоторыми стереотипными чертами, в частности, стереотипностью формы и сюжетной композиции. Они «воспроизводятся в любых социокультурных условиях, хотя смысл анекдота может меняться вслед за актуализацией того или иного вида ценностно-смысловой направленности смеха» (Панкова 2002: 249).

Среди общих черт анекдота с фольклорными формами, автор называет, во-первых, анонимность (так как в обоих случаях отсутствует авторски закрепленный текст), а во-вторых, устную форму творчества. Рассказ анекдота должен быть при этом ситуационно адекватен, т.е. рассказан «к месту». Третья общая черта анекдота, которая роднит этот жанр с другими фольклорными формами, состоит в том, что он представляет собой синтез словесного и исполнительского видов искусства устной речи. В общей традиции народной «смеховой культуры» происходит «выворачивание наизнанку» общепринятых ценностей и осознание их относительности (Бахтин 1979: 41).

Как способ критического отношения к существующему миропорядку, анекдот выражает «духовную победу идеала над отрицаемой им реальностью» (Каган 2002: 7). Его художественная ценность заключается в способности вызвать улыбку или смех как показатели эмоционального удовлетворения осознанного превосходства над реальностью носителя духовного идеала (*idem*). В связи с этим представляется не случайным тот факт, что грубый и примитивный юмор наименее популярен и количественно наименее представлен во всех трех корпусах исследованных нами текстов: в таких анекдотах отсутствует дуализм стереотипного мира с общечеловеческими идеалами и мира грубой реальности с его смещенными ориентирами. При их парадоксальном столкновении высекается искра юмора, чего не происходит при простой констатации нелепостей или несуразностей. Обычно же мы присутствуем при так называемом «эффекте би-фонии», при котором на одну и ту же лексико-грамматическую конструкцию накладываются два смысловых пространства; они вступают в распрю, оказавшись в ситуации «очной ставки». (Соколов 2002: 123).

Цель коммуникации определяет жанр любого связного текста, в том числе и короткого юмористического. Прежде всего, необходимо учитывать, что основная функция любого

типа связного текста, - это коммуникативная функция. В зависимости от состава коммуникантов, связные тексты относят к монологам или диалогам «агентов и клиентов» (Слышкин 2000: 45).

Анекдот является относительно новой малой жанровой формой, поддерживаемой устным и письменным/печатным информационными каналами. И хотя процесс сложения новых жанровых форм имеет трудноуловимое начало (С.Ю.Неклюдов <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm>), тем не менее, представляется возможным приблизительно говорить о времени зарождения городского фольклора, коллективным анонимным автором которой считается среда городской интеллигенции. Совершенно новый материал современного фольклора по традиции именуют пост-фольклором. Как и любая народная культура, постфольклор принадлежит к «холодным» (по Леви-Строссу), т.е. воспроизводящим предшествующие структуры, сохраняя при этом некую «общую смысловую зону» (Lévi-Strauss 1995:23).

Консерватизмом фольклора объясняется устойчивая организация типовой структурной и содержательной характеристики текстов исследуемого жанра. Явление повторяемости структурной и содержательной стороны анекдотного текста в литературе по изучаемому вопросу называют стереотипностью или клишированностью. Чаще всего рассматривается формальная сторона построения текста и тогда говорят о клишированной структуре анекдота (Шмелева, Шмелев 2002). Интерес к содержательной стороне, зависящей от затронутых тем и сюжетов, проявляется в основном в составлении тематических реестров постоянно обновляющегося корпуса анекдотов. Действительно, такие списки-каталоги существуют во многих вариантах. К примеру, существует сорок тематических перечислений американских анекдотов на Internet-сайте Lollerpedia, category «Jokerbook» от «A» до «Y»: Anti-humor, Blonde, Borgism, Chemistry, Computer, Do it, How To eat, How do you make, In Soviet Russia, Insult, Jew/Jewish, Knock knock, Lawyer, Michael Jackson, Microsoft, Mother-in-law, Musician, Nosepicking, Politics, Pun, Radio Yerevan, Real life humour, Shaggy dog, The Aristocrats, Tomato jokes, etc. Другой реестр из сайта funny-jokes-portal.com сообщает иные тематические серии: office jokes, people jokes, ethnic jokes, international jokes, insult jokes, event jokes, religion jokes, funny riddles, etc. При этом нетрудно заметить, что списки существенно разнятся. Что касается тематики грузинских анекдотов, то на основании фактического материала, ее можно обобщить в следующем списке: «медицинские», офисные, этнические, гендерные, юридические, из жизни полицейских, в ресторане, баре, детские, школьные, о животных, о спорте, новые грузины, новые русские, транспорт, интернациональные и т.д. Список можно продолжить, так как тематика неисчерпаема, как сама жизнь. Переменным величинам тем соответствуют определенные

константы – общечеловеческие универсалии категории морально-нравственной оценки. Семантика таких констант, «не может быть предъявлена, как непосредственная данность, в отличие от манифестирующей текст линейной последовательности знаков. Семантика фольклорного текста существует как бы «за текстом», скорее «вне его», чем «внутри него» (Неклюдов 2005: 25). Как показало исследование, независимо от этнокультурной принадлежности социума, список таких констант в фольклорном тексте анекдотов ограничен и универсален. Поскольку они содержатся в тексте, исходящем от адресанта и «отсылаются» адресату текста, мы называем их имплицитными мессиджами, т.е. посылками, содержащими в скрытой форме оценку. Открытое назидание в эксплицитно выраженной форме нехарактерно для современного постфольклора; ниша занимается анекдотами, так ли иначе содержащими морально-нравственный посыл.

В самом общем смысле слова, основная функция анекдота – снятие бинарной оппозиции сильного и слабого, мужчины и женщины, власти и народа, денег и безденежья, жизни и смерти, угнетающего и угнетенного, профессионала и любителя. Эти оппозиции воплощаются в текстах, содержащих короткие послы-мессиджи, в которых отнятые, непрожитые или угнетенные социальные и психологические потребности обретают критически-юмористический сценарий, в своей глубинной имплицитной сути отсылающий к морально-нравственным идеалам. «Анекдот относится к числу механизмов, связанных с той специальной инстанцией в культуре, которая исполняет роль «хранителя» строго определенного набора ценностей, без которых существование природы и культуры невозможно» (Прохоренко 2002: 103).

В ходе исследования нами обнаружены не только типичные и повторяющиеся от текста и тексту формы и сюжетные композиции, но и определенный набор мессиджей, - посылов, восходящих к коллективному бессознательному. Анекдоты могут быть ключом к своего рода «коллективному бессознательному» в них отрабатываются социальные архетипы – образцы той или иной прослойки общества, а юмор «является сильнейшим оружием, владеющим полем бессознательного и способным к созданию мощных коллективных образов» (Шишков 2002: 142 - 145). Мессиджи носят универсальный аксиологический характер и отличаются повторяемостью (см. далее табл. № 3).

Согласно этимологии этого слова, мы понимаем под мессиджем послание, несущее информацию, как мысль, закодированную в дискурсе ее отправителя. Любое послание подразумевает адресанта-отправителя и адресата и выполняет функции: а) средства передачи юмористического содержания текста, б) глубинной мысли, мессиджа, с) воздействия на эмоциональное состояние адресата.

Мессидж воздействует скорее в качестве сигнала о неблагополучии в одной из сфер человеческого бытия: весь регистр мессиджей в циркулирующих анекдотах реализуется в пределах понятной всем людям системы координат.

Мессидж подразумевает участие в коммуникативном акте, требующее определенного ответа или реакции. Если послание имплицитно и многократно воспроизводимо, оно способно воздействовать на подсознание, минуя стадию рефлексии. Можно рассматривать мессидж как некую зашифрованную информацию о состоянии мира и отношениях в социуме. Не требуя ответа, он действует как источник формирования отношения и убеждений. На двойственную природу плана содержания текста указывали многие исследователи. Так, в работе Т.Б.Радбиль, посвященной природе комического, обращается внимание на то, что обязательным условием комического является возникновение «двоемирия»: на фоне «нормального» стереотипного мира возникает другой, со смещенными ориентирами. Такое комическое «двоемирие» обеспечивает панорамность, емкость и многомерность в тексте модуса комического в противовес одноплановым модусам лирического, патетического или героического (Радбиль 2007: 687, 694).

Нет сомнения, что изучаемые короткие юмористические истории, кроме своей поверхностной функции фатического общения, содержат также информацию о состоянии окружающего мира, социума и человеческих отношений. От конкретного адресата анекдота-послания не требуется иного ответа, кроме оценки и соответствующей реакции.

Иногда говорят о стереотипном постоянно воспроизводимом идеально-типичном инструментальном образовании, благодаря которому можно систематизировать и схематизировать обширное смысловое поле анекдота (Панкова 2002: 242-249). Характеристика конкретных видов анекдота, перечисленных в работе исследователя Л.Панковой, применима также к нашим абстрактным образованиям-мессиджам, с той разницей, что классификация ученого делается с позиции исследователя, а наша – с позиции смыслового глубинного посыла текста адресанта как участника коммуникативного акта. Мессиджи адресанта актуализируют семантико-аксиологическую смысловую направленность в соответствии с социокультурными условиями и идеалами этноса. Их повторяемость служит сигналом колоссального единства человеческой культуры в его архетипических основах. Реестр выделенных нами мессиджей текстов жанра «анекдот» может рассматриваться, как совокупность апелляций к определенным лингвокультурным концептам, существующим в коллективном сознании. Говоря о формировании и структуре концепта, Г.Г.Слышкин не случайно выделяет в обоих случаях определяющую роль культурно-ценностных элементов и доминант, полученных в результате «редукции

опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами» (Слышкин 2000: 38).

Полагают, что ценностный элемент доминирует в структуре концепта, включающего также понятийный и образные элементы (Карасик 1996). Это означает, что мессиджи можно отнести к доминирующему ценностному элементу более широкого концепта-оценочного в пределах общечеловеческой системы координат бытия, а именно: восприятие окружающего мира, морально-этические и прагматические установки, философские мировоззрения.

Говоря о специфической форме анекдота как жанра, исследователи отмечают наличие некой инвариантной структуры, позволяющей в пределах жанра отличить удачный анекдот от совсем плохого или посредственного. Такой главной фундаментальной чертой анекдота является его краткость, отмечаемая всеми без исключения учеными, интересующимися данными проблемами. Говорят о том, что чем анекдот короче, тем в большей степени он соответствует жанровой специфике» (Каган 2002: 16).

Интересно отметить, что понятие о пропускной способности, возникшее в технике, вполне может быть применено к тем «линиям связи», по которым каждый живой организм получает информацию от своих чувств. Авторы работы указывают, что «время, требуемое для усвоения центральной нервной системой какой-либо информации, прямо пропорционально количеству этой информации» (Яглом 1973: 318). Продолжая эту мысль, можно сказать, что, если анекдот представляет собой идеал текста по соблюдению основных характеристик текста (Raskin 1985), то максимально представленный в корпусе трех тысяч анекдотов двухрепликовый анекдот в виде вопросно-ответного единства можно было бы назвать «идеалом идеального текста», в наибольшей степени соответствующим требованиям цельности и связности, – основным требованиям, предъявляемым к тексту вообще.

1.3. Анекдот и его языковая структура

Структурные и семантические специфические признаки анекдота были рассмотрены в работах Е.Я. и А.Д.Шмелевых (Шмелев, Шмелева 1999, 2002), В.И.Карасика (Карасик 1996, 1997), В.В.Дементьева (Дементьев 2000), К.Ф.Седова (Седов 1998), Г.Г.Слышкина (Слышкин 1999, 2000, 2001, 2002) и других исследователей.

Говоря о структуре текста жанра «анекдот», исследователи прежде всего обращают внимание на его жестко заданную структуру. Чаще отмечают двухчастную структуру – «более длинный зачин, затем короткий и неожиданный конец, заставляющий слушателя переинтерпретировать начало анекдота» (Шмелева, Шмелев 2002: 131). Несмотря на четкую структурированность, текст анекдота далек от того, чтобы его рассматривали как языковое

клише. Справедливее будет говорить о клишированной структуре текста анекдота, использующего формулы, схожие с языковыми клише. В работе Е.Я. и А.Д. Шмелевых подробно рассматриваются следующие формулы, использование которых выполняет текстообразующую функцию: это стандартные зачины, элементы языковых масок и клишированные детали (там же: 135). Несмотря на закономерное отрицание текста анекдота, как клише, авторы признают наличие в ряде текстов указанного жанра вкраплений из основных разновидностей клише. Материал изучаемых нами языков показывает, что стандартные зачины свойственные части англофонных текстов. В подавляющем большинстве это вводная фраза, начинающаяся с номинации главного действующего лица, как правило, двухрепликового диалога, - по профессии, имени, состоянию, социальному или семейному статусу: гадалка, секретарь, Джон, Мэри, хиппи, ковбой и др. В грузинском материале: медсестра, автоинспектор, мингрел, сван, муж, жена, Чичико и т.п. В отличие от корпуса англоязычных текстов, в грузинских текстах зачин чаще всего начинается с упоминания этнической или региональной принадлежности, реже – топонимической. Так, чаще всего упоминаются по степени убывания: сваны, кахетинцы, мингрелы, гурийцы, рачвелы, грузинские евреи, русские, в основном «новые». В единичных случаях: аджарец, осетин, китаец. Это также жители городов – тбилисец, кутаисец, из Телави, Зестафони. Например: Сван говорит доктору...; К свану пришел гость...; Сван зашел в церковь...; Тбилисец в магазине Чохатаури спрашивает...; Зестафонец привез из Америки...и т.п. Эти метатекстовые вводы трудно назвать формулами стандартного зачина, но они встречаются фактическом материале. Они отличаются большим разнообразием, в зависимости от количества персонажей и хронотопных определителей времени и места развертывания сюжета. По бытовой направленности английские, американские и грузинские анекдоты мало чем различаются, за исключением тех случаев, когда действие разворачивается в американской таверне или английском клубе, что связано с реалиями иного культурного социума. И это понятно, так как тексты жанра относятся к бытийно-обыденной сфере жизнедеятельности, близкой стереотипному слою сознания каждой лингвокультурной общности (см. об этом: Матевосян 2007, Маслова 2001). Этот слой сознания «представлен собственно стереотипами-представлениями, как образами, так и ситуациями, с данными образами связанными» (Красных 2004: 121). Тексты жанра «анекдот», касаясь различных сфер частной и обыденной жизни в силу общечеловеческих универсалий обыгрывают сходные ситуации на различных континентах, переворачивая и карнавализуя социальные стереотипы как некие инварианты поведения и деятельности, навязанные социальной структурой (Красных 1999:266). Анекдот противостоит не миру, как таковому – и это важно подчеркнуть, а косному миру стереотипов, созданному из

имеющихся в голове образов. Именно этот мир стереотипов, как средств, с помощью которых изображается мир, «решает» в каждый данный момент, что человек должен делать» (Липпманн 1988:97), именно над этим миром стереотипных представлений дружески подтрунивает юмор анекдота.

Таким образом, метатекстовые вводы в анекдоте ситуативно зависимы как от адресанта в коммуникативном акте, так и от субъекта – инициатора действия в тексте анекдота. При всем их разнообразии весьма сложно систематизировать зачины в англофонном корпусе текстов. Что касается грузинских коротких юмористических историй, единственным маркером клишированности их зачинов является указание на этническую или региональную принадлежность. Квантитативный анализ указал на предпочтения метатекстового ввода в британских текстах: из ста текстов девяносто имели зачин, то есть практически девять из десяти. Отметим, что мы не учитывали особый тип анекдотов-шуток/загадок, не нуждающихся в зачинах, как и загадки вообще. Сто текстов, взятых наугад сплошной выборкой, показали почти одинаковые результаты в американском и грузинском корпусе текстов: на сто американских текстов приходится шестьдесят восемь анекдотов с зачином и шестьдесят пять - почти столько же, - в грузинском материале. Вероятно, это связано с обстоятельностью и неспешностью повествования, более свойственной британскому юмору, нежели американскому и грузинскому, где велик процент двухрепликовых анекдотов, о чем пойдет речь далее.

Говоря о других клиширующих формулах – речевых масках и клишированных деталях, следует отметить, что по сути они прямо или косвенно указывают на этническую принадлежность. В грузинских анекдотах нет надобности к ним прибегать, чтобы дать понять слушателю, что речь идет о представителе некой этнической группы. Об этом всегда эксплицитно сообщается в метатекстовом вводе или на протяжении всего повествования: სვანი და მებრელი ლიფტში გაიჭედებიან. სვანი ყვირის: - მიშველეთ! მიშველეთ! – მოდი ერთად ვიყვიროთ. – ერთად, ერთად! – აღრიადდა მებრელი. («Сван и мингрел застревают лифте. Сван кричит: - Помогите! Помогите! Давай вместе будем кричать! - Вместе! Вместе! - заорал мингрел»).

К универсальному типу клишированной формулы относятся также так называемые стандартные зачины (термин Е.Я. и А.Д.Шмелевых) с переменной величиной X, Y, или Z, например: кахетинец, немец и американец соревнуются в нырянии... (груз.); идут англичанин и ирландец по дороге в Лондон... (брит.); At the Pearly Gates, a Hindou, a Russian and a Jew are admitted... (амер.).

Следует подчеркнуть, что в американских и английских анекдотах охотнее употребляются разнообразнейшие имена собственные, причем намного разнообразнее, чем

исчисляемые типично грузинские персонажи (Маро, Михо и Чичико), свидетельствующие о том, что в грузинском анекдоте персонажи менее наделяются собственной индивидуальностью. Возможно, это говорит о том, что в грузинском этническом юморе акцент делается на стереотипы представлений о речи и поведении представителей этнических меньшинств с типизацией черт и свойств, которыми наделяет их ментальный стереотип. Для указания семейного статуса мужа или жены достаточно упомянуть лишь одно символическое имя собственное - Маро или Михо.

Список имен собственных и топонимов в британском и американском фактическом материале практически неисчислимы. Это говорит как о минимальной типизации персонажей, так и том, что акцент смещается в сторону ситуативной окказии, а не на проявление ожидаемых черт характера семейного или этнического стереотипа: амер.: Dorris, Isabel, York, Mikes, Erik, Dr.Lowenstein, Grogan, Kelly, Christian, Nicholas, Peter, Penelopa, Alisa, John, Susan, Lord Forsith, Lord Nordmann, Dammings, Thom, etc; брит.: Mr.Anderson, Mrs.Finkelstein, Bill, Rosie, Mr.Levine, Peter, John, Sam, Tom, Mary, Melissa, Ed, Brian, Marty, etc. Подавляющее большинство встречающихся имен незначимы и не обладают определенной прецедентностью, то есть «скрытостью значения и отсылкой к некоторой известной информации» (Белянин 2006: 48). Таким образом, нельзя сказать о британском и американском анекдоте, что для них характерен относительно постоянный набор персонажей, «имеющих стабильные речевые и поведенческие характеристики, известные всем носителям... языка и потому не нуждающихся в представлении (Арошидзе 2009:144). Сказанное, скорее, в полной мере соответствует грузинскому анекдоту, как короткой юмористической истории, набор действующих лиц в которой исчислим и относительно постоянен: 1.Это представители этнических меньшинств или других национальностей: сваны, мингрелы, рачвелы, кахетинцы, гурийцы, имеретинцы, русские, евреи; жители Тбилиси, Кутаиси, Телави, Зестафони, Батуми; 2. Набор постоянных персонажей – типажей: Маро, Михо, Чичико...., а также 3. такие универсальные герои, как представители семейства или определенной профессии, наделенные жанровой памятью слушателя-адресата.

Что касается политических деятелей или иных известных лиц, их доля минимально представлена в общем корпусе сплошной выборки грузинских анекдотов. Мы не имеем ввиду политизированные источники СМИ: прессу, TV, высказывания политических оппонентов и объясняем это тем, что в исследованном грузинском корпусе текстов основное внимание анекдотов нацелено на освещение бытовых морально-нравственных и межрегиональных проблем человеческих взаимоотношений.

Напротив, в американских и британских источниках представители этнических меньшинств почти не фигурируют, за редким исключением, в качестве объектов анекдотного дискурса. В американском корпусе изредка встречаются персонажи индейцев, евреев, реже – поляков, в британском – их ближайших соседей – ирландцев и шотландцев, наделенных типизированными чертами скупости, пьянства и тугодумия. Иногда олицетворением такого типажа выступают имена нарицательные фольклорных персонажей Paddy (диминутив от Patrick) или Berrymoor, - покорный слуга английского лорда, прославившийся своими словесными и логическими выкрутасами, или же легендарные Sara и Abraham из серии анекдотов о евреях.

Отметим, что если американским законодательством запрещено добродушное подтрунивание и разного рода шутки, в частности, о блондинках или неграх, то в грузинском фольклоре этнические шутки – одна из ярко выраженных доминант, что по мнению самих носителей языка не вызывает отрицательных эмоций у своих этнических прототипов. Думается, это можно объяснить тем, что юмор является одним из средств самоидентификации нации и одним из способов указания на самобытность ее культуры и национальной специфики в положительном смысле слова. Ведь, как известно, юмор носит критическую направленность и оценочные суждения, за пределами которых остается значительное пространство позитивных фоновых знаний. Именно высокая степень позитивных фоновых знаний позволяет преодолеть коммуникативный барьер этнической чувствительности и это является фактором, препятствующим коммуникативному сбою. Следует упомянуть и такой распространенный психологический момент, как ощущение безусловного собственного превосходства и высокую степень некоторого самолюбования, позволяющие подшучивать над собой, сохраняя свое «лицо», т.е. этническое достоинство. Таким образом, социальное воображение оперирует не только архетипическими образами, но и образами конкретной культуры, в соответствии с национальными стереотипами и моделями поведения, «поместив в личный гардероб маски и образы, приемлимые в данном социуме» (Конева 2002: 76- 77).

Обращение к жанру «анекдот» позволяет взглянуть по-новому на проблемы самоидентификации нации и реализации в ней истинностных ценностей. «Истина наднациональна», - это известное изречение великого грузинского философа М.Мамардашвили (Мамардашвили 1992) лежит, скорее всего, в сфере онтологии или гносеологии истины, оперируя ее объективностью и общезначимостью. В антропоцентрическом взгляде на истину это, скорее, феномен личный, интересубъективный, реализующийся в общении, во всем, что мотивировано практическим разумом и ориентировано на мир человеческих отношений и поступков (Краснухина 2002: 78).

Достаточно часто в американских анекдотах и несколько реже в британских, встречаются значимые для социумов имена реальных лиц в вымышленных ситуациях. Так, в американских текстах отметим следующие: Gore Vidal, Hitler, Bush, Moses, Einstein, George Washington, Osama bin Laden, Sir Conan Doyle, Thomas Jefferson, Abraham Lincoln, Michael Jackson, John Lennon. В британских анекдотах чаще фигурируют имена, более имеющие культурную, нежели общественно-политическую значимость: Margaret Thatcher, Claudia Shiffer, James Joyce, Christopher Columbus. Американские анекдоты, основанные на различии рас, вероисповеданий и национальностей не популярны не только из-за статьи в законе, предусматривающей наказание за дискриминацию подобного рода, но и по личным мотивам, так как практически у каждого американца есть родственные и дружеские связи разного толка (http://langust.ru/review/xeno_us3.shtml). И наш материал убедительно подтверждает правоту этого мнения: пик популярности среди американских анекдотов занимает не этнические, а гендерные или финансовые проблемы, а также то, что принято называть «черным юмором». Зато не считается неприличным высмеивать региональные или профессиональные особенности. В последнем случае все рекорды бьют анекдоты об адвокатах: « - Why don't sharks bite lawyers? – Professional courtesy» («Почему акулы не кусают адвокатов? – С коллегами надо быть вежливыми»). Поскольку две трети членов американского конгресса по образованию юристы, то анекдоты о них можно считать вариацией на адвокатскую тему (*idem*).

Изредка в американском и британском материале встречаются имена героев телесериалов и кинофильмов: это всем известные британский мульт- и киноперсонаж мистер Бин, юмор которого отнюдь не считается образцом изысканности и герой американского популярного сериала Star Trek мистер Борг. Последний дал начало серии шуток под общим названием Borgism. Этот тип joke строится по шаблону: я буду X, а ты - Y, например: «I am Bush of Borg. There is no resistance. Mission accomplished»; «I am Elvis of Borg. Assimilate me tender...» («Я Элвис Борг. Ассимилируй меня нежно...» - аллюзия на песню Элвиса «Люби меня нежно»). Однако все эти шутки однопланово минимизированы и построены на пародии прецедентных, ранее известных текстов. В односторонних, «притянутых за волосы» шутках-анекдотах, как и в грубом, примитивном или абсурдном юморе нет главного, - отсутствует оценочный компонент. Мерцание смыслов собственно и делает анекдот смешным, когда знаешь, как надо, а преподносится неожиданно нечто иное, имитируя обыденность: именно поэтому рассказчику-адресанту так к лицу маска серьезности!

Из трех сравниваемых корпусов текстов анекдотов, максимально клишированы англофонные, как показало проведенное исследование. Проиллюстрируем типизированные

конструкции клишированных англофонных анекдотов. Так называемые «тук-тук шутки» (**knock-knock joke**), - это самая известная форма joke, построенная на чисто формальном принципе. Это позволяет нам считать такие шутки разновидностью языковой игры, в подтексте которой есть мерцание двух смыслов: почитаемый британцами абсолют логики противопоставлен бессмыслице. Словесная игра, основана на паронимии в большинстве случаев: «- Knock knock. – Who’s there? – Barbie. - Barbie who? - Bar – B-Q»;- Knock knock. - Who’s there? – Amos. - Amos who? - A mosquito. В этих случаях комический эффект создается за счет паронимии имён собственных Amos или Barbie со словом «москит» или наименованием Bar – B-Q – паронимом Barbecue. Такая своеобразная языковая разминка построена на вымышленном диалоге, стандартный формат которого состоит из пяти строчек: 1. Punster (шутник): «Тук-тук», имитирующий стук в дверь. Цель метатекстового ввода – привлечение внимания. 2. Реципиент: Кто там? – первые две реплики шутки клишированы в полном смысле слова. 3. Ответ, включающий обычно какое-либо имя собственное, позволяет строить языковую игру. 4. Повтор реципиентом ответа, с добавлением вопроса-уточнения Who, «Кто?» 5. Шуточная строка, в обязательном порядке включающая каламбурное употребление имени собственного, названного в третьей строке. Этот тип бродячих jokes в одинаковой мере распространен и на Американском континенте, как и следующая типовая шутка – **Grape joke**, построенная по жестко заданной специфически клишированной формуле: Вопрос: «What’s purple and...?» (Что такое фиолетовое и... ?), Ответ: ...grape...» (виноград)». Постоянная величина – вопрос what’s... и двучастная конструкция, при которой Grape может заменяться на Tomato или Gooseberry. Только тогда это уже будут Tomato jokes или Gooseberry jokes: «- What’s purple and flies? – (Что фиолетовое и летает?) – Super – Grape! – (Супер-виноград)» и т.п. Легко заметить, такой тип jokes не столь заразительно смешон, сколько дает воображению выйти за рамки лингвоментальных стереотипов.

Таким же типовым зачином обладают и другие универсальные англофонные **Elephant joke**, буквально, «шутки о слонах». Формы вопросов в таких jokes намного вариативнее. Зачастую этот тип jokes замечен в так называемом анти-юморе, построенном только на обмане ожидания адресата. Вопреки настрою слушателя, такие jokes могут быть вовсе не смешными, и в этом заключается вся соль анти-юмора: «Q: What time is it when an elephant sits on your car? A: Time to get a new car». («Вопрос: В какое время слон сядет на вашу машину? Ответ: Когда наступит пора купить новую»); «Q: How do you shoot a yellow elephant? A: Have you ever seen a yellow elephant?» («Вопрос: Как убить желтого слона? Ответ: А где Вы видели желтого слона?»).

Этот и другие клишированные типы широко распространенных jokes могут быть объектом отдельного исследования, для нас было важным показать зависимость между жестко заданной структурой jokes и смысловым акцентом на их формализованно-специфический юмор. Здесь он сродни словесной эквилибристике и вербальным трюкам, где в формализованном юморе мерцают смысл и бессмыслица.

Показателен также четко структурированный тип jokes, также популярный на обоих континентах. Он начинается с вопросительных местоимений: Why? Where? What? и т.п., предваряющих собой т.н. закрытый тип вопросов, содержащих прямое указание на то, чтобы дать некоторую характеристику объекта (Алан Пиз 2008: 47): - «What did the Bee say when he returned to the hive(?) – Honey, I'm home!» (« - Что сказала пчела по возвращении в улей? – Мёдик /Милый/, я дома!»). Здесь обыгрывается полисемия honey – традиционного обращения к супругу. В этих анекдотах нет глубины, но есть коммуникативность фатического общения.

В цикле британских анекдотов о лордах типична краткая преамбула с метатекстовым вводом в виде назывного предложения: Лондон. Клуб; Англия. Темза. Холодное серое утро; Утро. Сэр Генри страдает от похмелья и т.п. Легендарны действующие лица – персонажи: верный слуга Бэрримор/Джеймс, сэр Генри - хозяин, просто лорд, джентльмен, сэр, леди, лакей, горничная, лорд Форсайт /Норманн/ Баскервиль, англичане и неангличане. Постоянный набор действующих лиц – составляющая визитной карточки серии о лордах и комический эффект достигается за счет жанровой памяти слушателя о ранее декодированной аналогичной серии анекдотов.

Таким образом, перечисленные серии jokes с жестко заданной конструкцией не назовешь анекдотом в подлинном смысле слова, из-за отсутствия короткой юмористической, но все же истории. Пуанта, неожиданная развязка и связанный с ней комический эффект достигается за счет словесной игры. Зато есть элемент абсурда, столь любимый англофонами, который они могут противопоставить хотя бы в текстах, рутинному регламенту бытия. В грузинской лингвокультурной традиции не замечено анекдотов, жестко клишированных по форме в массовом порядке. Это объясняется, по-видимому, тем, что в грузинских анекдотах акцент делается, скорее, на парадоксальность содержания, чем на клишированность формы. – თქვენ ცოვის ნიშნები გაქვთ, აიღეთ ფურცელი და დაწერეთ, ცოლს რომ თავი ავარიდოთ.... მოიცა, მოიცა, ანდერძს ნუ წერთ, მე თქვენ მოგარჩებთ. – ეს ანდერძი არაა ექიმო! იმ ხალხის სიას ვწერ, ვისაც უნდა ვუკბობო. («У вас симптом бешенства, возьмите бумагу и пишите, чтобы избежать бешенства... подождите, подождите, не пишите завещания, я вас вылечу. – Это не завещание, доктор, это список тех, кого мне надо укусить!»). При всей любви к

гиперболизации и риторическим фигурам, призванных поразить глубокомыслием и насмешить слушателя, чистой игре словами не придается решающего смысла, согласно фактическому материалу.

Есть мнение не о двучастной (Шмелевы 2002), а трехчастной структуре анекдота, включающей тему, ситуацию, а также оценку, согласно В.П.Белянину: <http://www.mospsy.ru/phorum/read.php?f=2&=1998&t=1998>). К примеру: тема – болезнь, ситуация – «врач не хочет лечить больного», оценка – «это смешно и страшно». По всей видимости, имеется ввиду оценка, данная реципиентом-адресатом коммуникативного акта. Рациональное зерно идеи В.П.Белянина заключается в признании оценочного, или аксиологического компонента в семантике анекдотного текста. С нашей точки зрения, автор прежде всего акцентирует позицию рецептивной оценки **получателя** смеховой информации, которому делается «смешно и страшно» при воспроизведении анекдотного текста. Мы также полагаем, что анекдоты являются разновидностью воздействующих текстов, цель которых состоит не только в том, чтобы привести слушателя в состояние благодушного веселья, но и передать адресату через адресанта некую мысль, - латентно выраженную информацию, транслирующую определенную оценку субъекту или объекту действия и ситуации. Наиболее ярко такая оценка выражена в так называемых гендерных и этнических анекдотах. При этом подчеркнем, что последние неадекватно дают характеристику определенному этносу. Скорее, это будет гротесковая фигура персонажа – этнонима, многократно, как в увеличительном стекле, передающая наиболее выпуклые и характерные черты этносов. Как справедливо отмечено, всякий, вступивший в контакт с реальными представителями народов, скажет, что анекдотные типажи мало чем похожи на своих этнических даже на уровне «национальных черт» сходство весьма приблизительное, что вполне естественно: «наши представления о Других непременно корректируются и предопределяются представлениями о самих себе. Другой как Другой подлинный, аутентичный своим собственным практикам идентификации, не входит в наш «культурный горизонт» (Соколов 2002: 128).

Условно, с точки зрения формальной структуры, будем разделять на двух-, -трех- и многосоставные анекдоты по количеству реплик в искусственном диалоге анекдота. Как это может быть связано с определенной картиной восприятия действительности, так называемой картиной мира грузинского этноса, отраженной в анекдотах на бытовом уровне сознания его индивидов? Если для американского постфольклора характерны, в основном, двухрепликовые, для британского возможны и многорепликовые, то как обстоит дело в современном грузинском городском постфольклоре?

Анализ 1000 грузинских анекдотов, взятых сплошной выборкой, выявил следующее количественное соотношение:

Таблица № 1

Количество реплик в искусственном диалоге анекдота	Представленность в фактическом материале на 1000 текстов	В процентном отношении (%)
двухрепликовые анекдоты	500	50
Трехрепликовые	256	25,6
Четырехрепликовые	137	13,7
Пятирепликовые	49	4,9
Шестирепликовые	29	2,9
Семирепликовые	12	1,2
Восьмирепликовые	9	0,9
Девятирепликовые	5	0,5
Десятирепликовые	--	---
Одиннадцатирепликовые	2	0,2
Двенадцатирепликовые	--	--
Тринадцатирепликовые	1	0,1
Четырнадцатирепликовые	---	

При анализе фактического материала, в первую очередь, бросается в глаза большее сходство объема коротких юмористических историй в сравнении с американским корпусом текстов, также предпочитающих краткость. Часть анекдотов не соответствует определению анекдота, как короткого юмористического текста. По этому определению они даже перестают быть таковыми, т.е. краткими, что по сути, противоречит жанру анекдота, в случаях девяти и далее – до четырнадцатирепликового искусственного диалога. Ибо, как отмечает видный фольклорист А.Н.Афанасьев, язык устного народного творчества отличается сжатостью и вместе с тем, пластичностью выражения (Афанасьев 1986: 32).

Здесь наблюдается определенная антиномия между формой и содержанием текстового кода анекдота, которая может разрешаться, по нашим наблюдениям, различным образом:

Многокомпонентные полилоги, например, отличаются однообразием и повторением со сменой имен собственных, званий, национальностей и т.п. Пуанта анекдота состоит в высмеивании т.н. характерологических черт тугодумия, вежливости, доходящей до «пунктика». Диалогически текст искусственного диалога анекдота «обычно бывает представлен как сочетание реплик, принадлежащих разным лицам» (Валгина 2003: 170).

Антиномия текстового кода, то есть правил построения короткого юмористического текста, создается за счет повторения синтаксически однотипных фраз со сменой только ремы, что позволяет адресату, с одной стороны, в прагматической ситуации презентации анекдота сохранять в памяти объемный текст, а с другой – облегчает адресанту задачу его воспроизведения.

Полилог из нескольких участников или диалог сводится к некоей единой формуле, содержащейся а) либо в вопросе, б) либо в ответе, например: - ჯიმშერ, ოცი ლარი მასესსე! – არ შემიძლია. – მაშინ ათი ლარი! – არც ათი ლარი. – ხუთი? – არც ხუთი. – ვაა... მაშინ ის მაინც მითხარი, შე მათხოვარო, რომელი საათია?. («Джимшер, одолжи 20 лари! – Не могу. – Ну, тогда 10 лари! – И десять не могу. – Пять? – И пять! – Ваа, ну тогда, ты, попрошайка, хоть скажи который час?»).

В других случаях зачастую обязательным условием является появление временного маркера в тексте о вымышленном событии («Через час», «через два часа» и т.п.) К примеру: სვანი ქუთაისში წყლების მაღაზიაში შედის – ერთი ჭიქა წყალი დამისხით! გამყიდველი უსხამს, სვანი გარეთ გადის და ცოტა ხანში უკან ბრუნდება და კიდავ ასხმევინებს ერთ ჭიქა წყალს. ასე მეორდება ოთხჯერ, ბოლოს გამყიდველი ეკითხება: - ვინაა ასეტი ვეშაპი, ამდენ წყალს რომ ასმევ? – მეზობელ შენობაშია ხანძარი და იქ მიმაქვს. («Сван в Кутаиси заходит в магазин «Соки-воды». – Один бокал воды налейте! Продавец наливает, сван выходит и через некоторое время опять заходит и просит бокал воды. Так повторяется четыре раза. В конце концов продавец не выдерживает и спрашивает? Что это за дэву такому ты столько воды носишь? – В соседнем здании пожар и я туда отношу»). Отметим, что этот анекдот имеет британский аналог, в сопровождении соответствующих реалий.

Объемный зачин, преамбула информативного характера, крайне редка для двурепликового искусственного диалога в анекдоте. Напротив, роль преамбулы возрастает с увеличением количества реплик, однако, в сравнении с англоязычными текстами, преамбулы в грузинских текстах значительно короче. Американские анекдоты зачастую вводят адресата *in media res*, то есть в суть событий без предварительной подготовки адресата и его «подпитки» некоторой суммой фоновых и ситуационных знаний.

Что же касается двурепликового анекдота, то отметим, что в двусоставном искусственном диалоге участники коммуникативного акта состоят в отношениях равноправного партнерства, подразумевающего полную независимость личной инициативы и реакции адресата на вопросительную реплику адресанта. Это блиц-поединок с мгновенной реакцией респондента в прагматическом аспекте коммуникации. При этом характерно отсутствие объемного зачина с объяснениями ситуативного характера.

Наводящие, уточняющие вопросы в анекдотах грузинского городского постфольклора появляются, начиная с трехрепликовых коротких юмористических историй. Начиная с этого момента, меняется качественная сторона общения коммуникантов искусственного диалога, а именно – все истории теперь содержат **просьбу** в различной синтаксической форме пояснить ранее сказанное. Отношения индивидуумов в двухкомпонентном анекдоте равноправны в том, что касается гендерных, возрастных, должностных и прочих различий, становятся все более асимметричными и, как правило, по нисходящей линии: шеф-подчиненный, полицейский-водитель, старший-младший. Уточнение, просьба, опровержение, содержащиеся в трехрепликовых анекдотах с возрастанием количества реплик сменяются полилогом, скорее «допросно-опросной формой «общения», включая переключку или же плавно переходят в нескончаемый диалог с имбецилом, слабослышащим, гипотетическую беседу с дауном, полицейским, к примеру: трехрепликовый анекдот обязательно содержит уточняющий вопрос: - ჩვენი შვილი ვუნდერკინდია – თერთმეტი წლისამ დაამთავრა საშუალო სკოლა. – მერე? – მერე არაფერი, აიღეს და თორმეტი წლისა ჯარში წაიყვანეს. (« - Наш сын вундеркинд: в десять лет закончил среднюю школу. – Ну и что? – Ну и ничего: а в двенадцать его забрали в армию!»). Многорепликовые грузинские анекдоты свою протяженность компенсируют минимализмом реплик: საუბარი ფსიქიატრთან: - ექიმო, ხელები მიკანკალებს. – სვამთ? – სვამდი. - ეწვეით? – ვეწეოდი. – და ეს ყველაფერი მიატოვეთ? – არა, ვაპირებ. – აი, ხედავთ, თქვენ მხოლოდ დააპირეთ და ორგანიზმი უკვე შეშინდა. («Разговор у психолога: - Доктор, у меня руки дрожат. – Пьете? – Пил. – Курите? – Курил. – И вы все это бросили? – Нет, собираюсь. – Ну вот, видите, вы только собираетесь, а организм ваш уже испугался»).

Диалог идет по руслу, заданному лидером – врачом, шефом, начальником и пр. Но на каком-то этапе ремо-динамическое равновесие находится под угрозой: это происходит где-то в районе шести-семи реплик, если не ранее, и **должна** появиться пуанта. Этот предел отражает объективную закономерность в природе, ограничивающей мир наших одновременных восприятий этой стеной – пределом в количестве семи реплик.

Таким образом, чем больше количество реплик в искусственном диалоге анекдота, тем более соль анекдота, его пуанта, состоит в акценте именно этой специфической черты коммуникативного акта, который носит не непосредственный, эмоциональный отклик адресата, но требует от него терпения и выдержки в том, что касается удержания большего объема информации.

«Золотая» середина, т.е. шести-семи-репликовые анекдоты значительно менее популярны в грузинском фактическом материале (около 40 случаев из тысячи). Их

непопулярность объясняется избытком уточнений и расспросов, вызванных недопониманием «коммуникантов» анекдотного дискурса и в этом-то недопонимании заключена вся соль истории, что уже само по себе неаттрактивно для восприятия и проблематично для запоминания. Именно поэтому пятирепликовые анекдоты представляют собой нейтральную зону в британских, американских и грузинских анекдотах, а семирэпликовые являют собой практически мертвую зону состязания в остроумии.

Итак, двурэпликовые анекдоты являются «идеалом» идеального текста, воплощая в себе черты текста, в котором отсутствуют все информационные и другие рода помехи, препятствующие успешности коммуникативного акта: 1) это максимальная реализация критерия грамматической, синтаксической и смысловой связности; 2) двухкомпонентный анекдот со структурой «вопрос-ответ» требует минимум усилий и временных затрат от адресата; 3) ситуативно такой блиц-анекдот комфортен, так как идеально вписывается в силу своей краткости в любую по временной протяженности ситуацию; 4) как правило, такой текст стереотипен или содержит стереотипы анекдотического пространства данного лингвокультурного социума.

В пользу всех этих плюсов говорит максимальная частота встречаемости по структуре вопросно-ответных двухкомпонентных анекдотов. По своему семантическому наполнению они могут передавать любую информацию, их главное достоинство заключается в блиц-успехе коммуникативного акта, что и делает двухкомпонентную структуру столь популярной вне зависимости от территории циркуляции.

Что же объясняет меньшую популярность трёх, четырех, пяти и далее до многорэпликовых анекдотов? По-видимому здесь играет несомненную роль один фактор, который в теории информации звучит как прием «помехоустойчивого кодирования», а на языке гуманитариев это один из элементарных и базовых законов восприятия, согласно которому наше сознание способно удержать однопорядковые явления одного ряда не более семи (Магия цифр 2007: 24).

Как известно, вопросами передачи и кодирования информации ведаёт теория информации, которая утверждает, что определенное количество информации может быть закодировано в виде сообщения разной величины (Шрейдер 1963: 34). В том случае, когда при передаче сообщения возникают помехи (например, у участника мнимого диалога в анекдоте ослаблен слух, память, внимание, сообразительность и пр.), появляется необходимость в избыточной величине сообщения по сравнению с передаваемой информацией (*idem*). Таков единственный встреченный нами этнический анекдот об аджарце, нетерпеливо ожидающем родню из шестого вагона: რკინიგზის სადგურში აჭარელი ეკითხება მორიგეს: - თბილისის მატარებელი ჯერ არ ჩამოდგარა? – არა.

– ადჯარეც მგეგვსე ვაგობო? («Аджарец на станции вокзала спрашивает у дежурного: «Тбилисский поезд еще не приехал? – Нет. – И шестой вагон тоже?»»). В данном случае избыточность информации вызвана алогичностью конструкции диалога и в этой аномалии очевидной логики состоит пуанта анекдота.

Таким образом, предварительно отметим, что при всей пестроте и разнохарактерности трех корпусов текстов анекдотов, вырисовывается структурная универсалия, а именно – предпочтение двухсоставных текстов, максимально соответствующих требованиям идеального текста – связности и целостности, как конструктивных признаков текста. Коммуникативная установка анекдота – привести адресата в состояние добродушного веселья, придает тексту анекдота гиперсвязность, ибо, как справедливо отмечено, «гиперсвязность текста достигается именно его коммуникативной (целевой) установкой» (Валгина 2003: 52).

1.4. Особенности лингвистического юмора в британских, американских и грузинских анекдотах

Лингвистическая «игра словами» и логическими выкрутасами отражает важные аспекты деятельности человека. Люди играют тысячелетия, игры составляют неотъемлемую принадлежность всякой цивилизации и в этом лучшее доказательство практической целесообразности, следовательно, истинности игровой схемы как копии реальной деятельности (Журавлев 1976: 124). Роль языка в повседневной практике более, чем очевидна и этим объясняется тот факт, что комический эффект в жанре «анекдот» достигается также лингвистическими средствами. В связи с этим перед нами стоят следующие конкретные задачи: 1. Разграничение лингвистических средств и логических приемов создания комического в исследуемых коротких фольклорных юмористических текстах. 2. Квантитативный и качественный анализ лингвистических средств юмора: а) фонологический юмор (спунеризмы; добавление, стирание, замена и перенос согласных и гласных); б) морфологический юмор (отклонение от правил нормативной грамматики, непреднамеренное или произвольное рассогласование местоимения и глагольной формы и др.); в) лексический юмор (многозначность, омофоны, паронимы, синонимы, антонимы, вульгаризмы, использование специальной терминологии и др.); г) синтаксический юмор (фразеологическая контаминация; двусмысленный и иронический характер фразеологических единиц; так называемые *dangling participle constructions* (DPC), например, в приеме, известном, как *Tom Swifities* (TS), конструкции типа *doing it* и др.); д) речевой

юмор в интерактивных шутках-анекдотах типа knock-knock, а также в jokes, использующих wh-question структуры (what, why, where) и др.

Распространенное отношение к лингвистическому анализу шуток и анекдотов демонстрирует Кембриджская энциклопедия языка Д. Кристэл. В ней приводится в качестве примера история о человеке, проводившем исследование языка шуток, который за слишком громкий смех был исключен из читального зала Британской библиотеки. История при этом представлена неправдоподобной, ибо «ничто так не может убить хорошую шутку, как ее лингвистический анализ» (Crystal 1989: 62). Схожее чувство, хотя в иной сфере, испытывал английский поэт Д. Китс по отношению к открытию Исааком Ньютоном причины радуги, полагая, что тот, сняв покров таинственности, уничтожил очарование зрелища. Тем не менее, известный исследователь природы комического, А.Н. Лук справедливо полагает, что остроумие не перестанет доставлять человеку удовольствие, если он поймет его природу, проведя его блестящий анализ, сводимый к следующим основным моментам. Первые попытки классификации приемов создания комического были предприняты еще в античности Цицероном и Квинтилианом, которыми была впервые предпринята классификация логических и отчасти языковых приемов остроумия. Так, Цицерон различал восемь словесных форм остроумия (двусмысленность, неожиданные умозаключения, каламбуры, необычные истолкования собственных имен, пословицы, аллегория, метафоры, иронию). При этом другой тип остроумия, т.е. логический, проистекал из самого содержания предмета. Квинтилиан более всего обратил внимание на причины, вызывающие смех. Он разделил их на группы, в которые включил не только причины, но и следствия словесного проявления «добродушного подтрунивания», а именно: изысканность (*urbanitas*), грациозность (*venustum*), пикантность (*salsum*), шутка (*facetum*), острота (*jocus*).

Дальнейшие попытки создания схем комических приемов касались причин смеха и лишь З. Фрейдом была предложена формальная классификация остроумия, как свойства психики. При этом он выделил три основных приема, включающих различные модификации, а именно: 1. сгущение; 2. употребление одного и того же материала; 3. двусмысленность (см. Лук 1968: 82-116). Каждый из этих приемов включал также смешение собственно лингвистического приема с логическими трансформациями. Так, выделялось «сгущение» со смешанным приемом словообразования и модификации. Один и тот же материал употреблялся в целом и по частям, с перестановкой или небольшой модификацией. Сюда же входили одни и те же полисемичные слова, употребленные в ином смысле. Двусмысленность, т.е. употребление слова в его прямом и переносном значениях, согласно З. Фрейду, включала обозначение имени собственного и вещи, метафорического и

первоначального значения слова, игру слов, т.е. каламбур, двойное толкование и, наконец, двусмысленность с намеком (*idem*).

Подход А.Н. Лука противоположен фрейдовскому, в нем за основу взято словесно-речевое поведение человека, изученное на материале творчества писателей-сатириков и юмористов. Ученый в своей классификации исходит, прежде всего, из анализа логического хода мысли (Лука 1968: 86). Сведенные воедино, в своеобразный «синтаксис остроумия», 12 правил оставляют, согласно А.Н. Луку, «алгоритмы остроумия», изучать закономерности которых весьма поучительно. При этом важно подчеркнуть вслед за автором, что «приемы остроумия и анекдот - разнопорядковые явления», поэтому последний не может быть включен в классификацию приемов остроумия. Это литературный жанр, в котором может быть использован любой из приемов. Двенадцать приемов остроумия Лука включают, также смешение логического и лингвистического планов техники создания комического эффекта: это ложные противопоставление и усиление (1-2), доведение до абсурда с помощью гиперболы, литоты или эвфемизма (3), остроумие нелепости, когда соединяются логически несовместимые высказывания(4), смешение стилей, их несоответствие содержанию и обстановке, перенос терминологии и псевдоглубокомыслие (5^й прием остроумия). Затем А.Н. Луком перечисляются намек (6), двойное истолкование (7), ирония (8), обратное сравнение и буквализация метафоры (9), сравнение по признаку (10), повтор с изменением грамматической конструкции или смысла (11) и, наконец, парадокс (12) (там же, 115-116).

Нетрудно заметить, что данная классификация приемов остроумия содержит либо логические, либо стилистические приемы несоответствий. Именно работой З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905 г.) открывается история изучения анекдота методами психоанализа и социальной психологии (Фрейд 1991).

Анализ зарубежных исследований XX века об анекдоте (Архипова 2001, 2003) позволяет перечислить основные принципы классификации анекдотов, включающие классификации по тематике [Legman 1975, Brunvand 1963], внешней форме [Abrahams 1964], либо одинаковому зачину [Sutton-Smith 1960]. В последних по времени исследованиях отмечается структурная близость некоторых анекдотов к загадкам или прослеживается зависимость между сюжетом и внешней структурой анекдота. Что же касается тематической классификации, то наиболее подробно изучено лишь несколько типов. Они обозначены в англоязычной научной литературе специальным и терминами:

1. Shaggy Dog Story, в основу классификации которых положен мотивно-сюжетный принцип Аарне-Томпсона (Partridge 1953; Brunvald 1963);

2. Elephant joke cycle, полагаемый многими исследователями преемником предыдущего цикла (Abrahams 1964; Barrick 1964, 1970, Cray 1967, Dundes 1963, 1975; Oring 1975);
3. Numskull tale, blason populaire /ethnic slurs, - термины, используемые при исследовании «этнических» анекдотов (Dundes 1971, Davis 1986, 1990; Ben-Amos 1973; Barrick 1970).
4. Dirty jokes – коллекция анекдотов на «запретные» темы наиболее полно исследована в работах Middleton 1959, Burns 1975, Legman 1975, Mitchell 1977, Flieger 1983, Reinche 1991, Ries 1997).

Однако список приведенных типов или тематических разновидностей анекдотов нельзя считать полным, не включив в него весь реестр специальных терминов, встреченных нами в англоязычной литературе по вопросу, что нашло отражение в следующей таблице:

Табл. № 2

Анекдоты в британском и американском юморе	Их общая характеристика
1. The Elephant jokes	Несообразный юмор, дословно: «шутки о слонах»
2. Dry sense of humour	Иронический юмор
3. Banana skin sense of humour	Примитивный юмор
4. Shaggy dog story	«Долгоиграющий» юмор
5. Dark humour	Черный юмор
6. Colonial humour	Колониальный юмор
7. Rollicking humour	«Разухабистый» юмор
8. Dangling participle constructions	Синтаксический юмор
9. Tom Swifities	Адвербиальный тип юмора
10. “Do it” – humour	Юмор «сделай это»
11. Spoonerisms	Спунеризмы
12. Knock-knock joke	«Тук-тук» - шутки
13. Cliché humour	Клише-юмор
14. Ethnic humour	Этнический юмор
15. Dirty jokes	Гендерные и садистические циклы
16. Sick joke cycle	

Приведенная в таблице терминология включает в себя как **тему joke** (The Elephant jokes, ethnic slurs и др.), **так и ее характер** (примитивный Banana Skin, мрачный Dark humour или жестокий Cruel joke cycle и др.) и, что особенно для нас важно, - **лингвистические способы** создания комического эффекта.

На последних остановимся подробнее и отметим сразу, что этот способ создания комического является наименее исследованной разновидностью юмора, о которой энциклопедические издания словарей Crystal всего лишь упоминают с перечислением некоторых приемов создания комического эффекта. В обоих справочных изданиях представлено различное понимание лингвистического, или иными словами, вербального юмора. Так, крайнее его проявление, каламбуры, в них считаются грубыми шутками, популярность которых ставится зависимостью от свойств темперамента и варьируется в разных языках. Высказывается также предположение о том, что вербальные шутки более популярны в Британии, нежели в Америке, что вполне соответствует нашим наблюдениям. Так, по количеству встреченного фактического материала, создание комического эффекта за счет игры слов зафиксировано в 1,5 раза больше в анекдотах британского происхождения (2 % и 3 %, соответственно). С другой стороны, заметим, что словесные игры, основанные на чисто лингвистических приемах, являясь уделом избранных, а иногда результатом патологии, не рассчитаны на восприятие большой массы людей, скорее всего, на любителей и ценителей вербальных изысков. Поэтому такие игры порою малоуспешны в создании комического эффекта. В большинстве своем в анекдотах преобладают логические приемы несоответствия, основанные на разрушении ожиданий слушателя. Если не срабатывает механизм создания комического эффекта, словесная игра может служить другой цели, а именно - в качестве маркера солидарности, указывая на принадлежность к определенной социальной или профессиональной среде. При этом в обоих случаях, независимо от конечной цели адресанта-отправителя текста анекдота, задействован принцип отклонения от языковой нормы.

Таким образом, сформулируем лингвистические способы создания комического в анекдотах, как языковые игры, в которых происходит намеренное искажение языковой нормы на всех языковых уровнях с целью создания комического эффекта в процессе неформального общения коммуникантов. Соответственно, анекдоты, в которых происходят подобные лингвистические отклонения, будем называть «лингвистическими». Существуют и другие определения подобных анекдотов, например, у В. Белянина это анекдоты, требующие знаний лингвистического, металингвистического и психолингвистического

характера (Белянин 1988). В данном случае мы имеем дело с экстралингвистическим и прагматическим аспектом их восприятия и актуализации в процессе неформального общения. Иными словами, в обоих определениях даны механизмы построения и условия восприятия т.н. лингвистических анекдотов.

Кембриджская энциклопедия Д. Кристела вообще полагает классификацию типов лингвистических девиаций и несообразностей делом труднодостижимым, мотивируя это тем, что все аспекты языковой структуры могут быть употреблены в качестве основы для создания комического эффекта. Акцент следует перенести, по мнению автора, на изучение контекстов употребления joke, условия и ситуации их употребления, а также изучение их подвидов: the Elephant Jokes, этнических jokes и каламбуров, детских шуток и шуток-загадок (Crystal 1989: 62).

В энциклопедии следующего издания - Crystal 1996 дается несколько более углубленная лингвистическая стратификация разноуровневых способов создания комического эффекта. Рассмотрим подробнее основные характеристики каждой разновидности лингвистического юмора. D. Crystal разграничивает фонологический, морфологический, лексический, а также графологический, вариационный, металингвистический и дискурсивный разновидности. При этом под фонологическим юмором понимается отклонение от произносительных норм языка в виде выпадения, добавления, замены и переноса гласных и согласных звуков, включая т.н. spoonerism'ы. К морфологическому юмору относят все joke, связанные с манипуляцией элементами структуры слова. К нему относится большинство анекдотов с зачином knock-knock, а также т.н. детский юмор, зачастую построенный на морфологической основе. Юмор лексический включает все виды каламбуров, семантические и фонологические, основанные на омофонах, а также неологизмы, как продукт словотворчества. Опуская юмор графологический, отражающий типографические особенности, заметим, что вариационный юмор, согласно D. Crystal, включает диалектизмы, особенности произношения, т.н. акцент, а также приемы стилистического несоответствия ситуации. Полагаем, что более целесообразно отнести эти приемы к видам лексического, фонологического и стилистического юмора, поскольку они отражают особенности соответствующих языковых уровней. Синтаксический юмор обычно основан на двойственном использовании конструкций, когда одна синтаксическая конструкция интерпретируется, как другая. Металингвистический юмор направлен на сам язык, это шуточки типа - «Какое слово всегда пишется неправильно?» – «Неправильно» и др. Crystal такие шуточки называет «детскими», по среде их циркулирования, напр.: - «Что сказала существительное глаголу? – «Перестань приказывать!».

Наконец, последняя разновидность лингвистического юмора, согласно Crystal, - дискурсивные или речевые jokes, их значительная часть основана на нарушении правил прагматики и имеет фиксированную речевую структуру.

Данная классификация с небольшими изменениями послужит основой для сопоставления приемов лингвистического юмора в британских, американских и грузинских анекдотах, поскольку в ней исчерпывающим образом указаны основные спектры обыгрываемых языковых структур.

Проведенный нами анализ фактического материала подтверждает идею о большей лингвистической креативности и словотворчестве британского юмора в сравнении с американским. I. Taylor, например, утверждает, что такое разнообразие юмора связано с развитым «аппетитом» англичан по всему забавному и комическому. Именно английскому юмору, по его мнению, свойственна большая лингвистическая изобретательность по сравнению с юмором, основанным на логических приемах. Особое значение Taylor придает игре слов, включающей разновидности нонсенса. Перевернутая в языковых играх логика вещей объясняется анархичным и непредсказуемым характером бытия и зачастую зависит лишь от внутренней логики контекста: - “The cat wants to go out. – How can you tell? – He’s put his hat on”. Приведенный лингвистом пример отражает обычай англичан надевать шляпу, выходя из дому, хотя, по логике вещей, котам шляпа ни к чему (Taylor 2004: 50). В то же время мы не можем согласиться с тезисом Тейлора о том, что большинство разновидностей юмора основано на словотворчестве, т.е. «игре словами». Ибо, как показывает фактический материал, удельный вес креативного лингвистического юмора сравнительно невелик как в континентальном, так и в островном юморе. При этом зафиксирован перевес в пользу анекдотов, использующих лингвистические игры в британских образцах юмора. Что касается лингвистического юмора в грузинских анекдотах, то их корпус так же малочислен (2%) и даже менее, чем в британском и американском материале (3%, 3,1%, соответственно). Приведем некоторые примеры: - იშვიათი ცხოველები უნდა შევიდნენ წითელ წიგნში, - ეუბნება მამა შვილს. – დანარჩენები რომელ წიგნში უნდა შევიდნენ მამი?! - კულინარიულ წიგნში! («Редкие животные должны войти в Красную книгу, - говорит отец сыну. – А остальные в какую, пап? – В Кулинарную»). В данном случае обыгрывается сходство устойчивых словосочетаний «Красная книга» и «Кулинарная книга»; - რა ჰქვია ხალხს, რომელიც ხშირად სარგებლობს მომენტით? – ტოქსიკომანები. («Как зовут людей, которые часто пользуются моментом? – Токсикоманы»). Здесь комический эффект создается за счет обыгрывания наименования марки клея «Момент» и фразеологизма «воспользоваться моментом». Еще один пример: ჭიჭიკია ეუბნება ძმაკაცს: - დღეს განტვირთვის დღე მაქვს. – რაა,

წონაში უნდა დაიკლო? – არა, ვაგონებს ვცლი. («Чичико говорит другу: - У меня сегодня разгрузочный день. – Что, в весе собрался сбросить? – Нет, вагоны разгружать»). Здесь игра слов создается за счет смены дополнений к глаголу «разгружать» (разгружать <организм> - разгрузочный день; разгружать <вагоны>). Принадлежность к заимствованным словам: «склероз» (от фр. sclérose) и «эклер» (от фр. éclair) лежит в основе комического эффекта следующего грузинского анекдота: საკონდიტროში მოხუცი შევიდა: - 5 ცალი სკლეროზი მომეცით. – ასეთი ნამცხვარი არა გვაქვს. – როგორ არა გაქვთ, გუშინ ვიყიდე თქვენთან. – გაიხსენეთ, გუშინ ეგებ სხვა სახელი ერქვა? – როგორ გავიხსენო, შვილო, გაქანებული ეკლერი მაქვს! («В кондитерскую вошел пожилой человек. – Дайте пять штук склероза. - Такого «намцхвари» у нас нет. - Как нет, только вчера у вас покупал. – Вспомните, может вчера по-другому назвали? – Ну как мне вспомнить, у меня же память эклерная!»). Игра на прямом и переносном значении слов лежит в основе комического эффекта другого анекдота: - ციური გამომყევი ცოლად, გადარეული ვარ, გოგო, შენი სიყვარულით! – გადარეულს ნამდვილად ვერ წაყვებო, გენაცვალე, მე. (« - Циури, выходи за меня замуж, с ума схожу от любви к тебе! – За сумасшедшего я точно замуж не пойду!»). Обыгрывание фразеологизма «я тебе покажу как...» и прямого значения слова «показать» отмечаем в следующем анекдоте; «Сторож поймал мальчика, который воровал яблоки – Я тебе покажу, как яблоки воровать! – Покажите, дедушка, а то меня уже третий раз, как ловят». Мингрельский акцент обыгрывается в следующем случае: ტიპი რეკავს: - ალო, გამოსაფხიზლებელია? – დიახ. – ქიბროწაშვილი მაიყვანე? – არა, ჯერ არ მოუყვანიათ! – არც მაიყვანენ, სახლში ვსვამ, თქვენი... («Звонит тип - Алло, вырезвитель? – Да. – Киброцашвили приводили? (имитация кахетинского акцента) – Нет, пока не приводили. – И не приведут, я тут вот дома пью, чтоб вам пусто было!»). Этот анекдот, скорее, можно отнести к разряду парадоксальных; в них не найдешь особой логики, зато высока степень абсурдности. Именно анекдоты такого типа, которые мы условно называем парадоксальными, свойственны только грузинскому юмору. Их невозможно классифицировать, подобно британским или американским анекдотам, по принятой нами схеме «семантических универсалий», в которую легко укладываются последние. Проиллюстрируем еще несколько примеров парадоксальных текстов. - არ გიტყდება, საგოჯეში რომ მუშაობ?- რას ამბობ, ბიჭო, ნაპოლეონს რომ წაუთაქებ და ლენინს დააპატიმრებ, ამაზე დიდი ბედნიერება რა უნდა იყოს?. (« - Тебя не «обламывает», что ты работаешь в сумдоме? – Ничуть. Когда Наполеону дашь пинка, а Ленина арестуешь, что с этим сравнится!»). Другой «особенный» анекдот: ჭიჭიკია ნახე? ბიჭიკიას ბაღანე?.. - არა, არ მინახავს. –

იმფერი ბაღანეა, კისერზე კატლეტი თუ არ ჩამოკიდე, ძაღლიც კი არ გაეთამაშება. (« - Ребенка Бичикии видел? - Нет, не видел. – Такой ребенок, даже если котлету на шею ему повесишь, собака, и та с ним не поиграет!»); მდივანი შეფს ეკითხება: - მიყიდი ამ სამკაულს? – ეს რა ულტიმატუმია?! – არა, ბრილიანტი! («Секретарша говорит шефу: - Ты купишь мне это украшение? – Это что, ультиматум? – Нет, бриллиант!»); მართალია, რომ ამბობენ უდაბნოში ძაღლიან ცხელა? – საშინლად, თან არც ერთი ხე და ბუჩქი არაა, ჩვენ მორიგეობით ვისვენებდით ერთმანეთის ჩრდილში. (« - Правда, что в пустыне очень жарко? – Ужасно, притом ни дерева, ни кустов, мы по очереди отдыхали в тени друг друга»); საარბიტრაჟო სასამართლოში მოსამართლე გადასახადების ურჩ გადამხდელს ეკითხება: - თქვენ მართლაც ისე დამალეთ გადასახადები, როგორც ეს საგადასახადოს ინსპექტორმა განმარტა? - მთლად მასე არა, ბატონო მოსამართლე, თუმცა მისი მეთოდის საინტერესოა. («В арбитражном суде судья спрашивает уклоняющегося налогоплательщика: «- Вы действительно скрыли уплату, как заявляет налоговый инспектор?» «- Не совсем так, господин судья, но его метод также интересен!»); ორნი ჭადრაკს თამაშობენ: -მასე სვლა არ შეიძლება, მეფეს მოგიკლავთ!- ეუბნება ერთი მოჭადრაკე მეორეს. – მეგრე რა, რესპუბლიკას გამოვაცხადებ და თამაშს გავაგრძელებ! («Двое шахматистов: « - Так ходить нельзя, короля убью!» – говорит один другому. – Ну и что, а я объявлю республику и продолжу играть»); საუბარი ექიმის კაბინეტში: –ექიმო, დილით რომ ვდგები, მთელი ერთი საათი თავბრუ მეხვევა. –შენც ერთი საათით გვიან ადექი, - იყო ექიმის პასუხი. («Разговор в кабинете врача: - Доктор, когда я утром встаю, у меня целый час кружится голова! – А вы встаньте на час позже!»). И последний пример: რით გარდაიცვალა თქვენი ქმარი?- ჰკითხა ქალს ერთმა მამაკაცმა. – კოლომ უბინა, - იყო პასუხი. – ეს როგორ? კოლოს ნაკებნით არ კვდებიან! – ჩემი ქმარი ცირკის მსახიობი იყო., ძაღლიან მაღლა გაჭიმულ თოკზე ველოსიპედით მიდი-მოდიოდა და სწორედ მაშინ უკბინა იმ საძაგელმა კოლომ! («- От чего умер ваш муж?» – спрашивают женщину. «- Комар укусил», - отвечает. – «Это как? От укуса комара еще никто не умирал!» «- Мой муж был артистом цирка, он ездил на велосипеде на натянутом канате туда-сюда и вот тогда-то его и укусил комар!»). Эта мозаичная картина грузинских «парадоксальных», стоящих обособленно анекдотов, является еще одним ярким цветовым пятном среди оттенков юмора, создающим впечатление особо оригинального фрагмента.

1.5.1. Фонетический юмор. Лингвистический юмор, – это юмор для посвященных в тонкости родного и неродного языка. Это юмор для тех, кто находит радость и

удовольствие от жонглирования словами, словно в цирковом действе. Здесь отсутствует одушевлённый субъект или неодушевлённый объект осмеяния. Их цель – получение лингвистической радости от искусства владения и удивления богатством и разнообразием человеческого языка. Особенно это относится к языку, предоставляющему для этого широкие возможности. Общеизвестен факт определенной корреляции между краткостью слов и явлением омонимии. Вот почему омонимия занимает особо почётное место в кругу лингвистических средств языковых игр, в том числе и каламбуров. Языковые игры, это также один из способов овладения сложным искусством человеческой речи и постижения её возможностей на всех языковых уровнях, начиная с фонетического. Вставка согласных, умножение их звучания, имитация и искусственное воссоздание особенностей произношения в этнических анекдотах – таков далеко не полный перечень возможностей т. н. фонетического юмора. Приведём его примеры и проанализируем особенности употребления в британских I и в американских II образцах юмора.

I. Особенно ярко такой вид шуток представлен в серии т. н. речевого юмора knock-knock joke. Это самая известная форма речевой шутки, в идеале воплощающая схему упражнения в «вопрос-ответ». Разыгрываются роли протагониста и антагониста, однако антагонист здесь понимается всего лишь как реципиент остроты. Wikipedia указывает, например, что психологи, занимающиеся вопросом умственного развития детей и подростков, уделяют особое внимание употреблению knock-knock jokes. Это даёт информацию, поясняющую процесс повышения уровня знания языка. Такой вид шуточных анекдотов имеет пятистрочную структуру: 1. Punster – протагонист: knock-knock «тук-тук» (имитация стука в дверь с целью привлечения внимания). 2. Реципиент – антагонист: «Кто там?» (вопрос). 3. Протагонист: ответ, обычно включающий имя (для постановки задачи словесной игры). 4. Реципиент: повтор ответа: «Плюс кто?» (вопрос уточнения). 5. Протагонист: следует кульминационная шуточная строка, содержащая соль анекдота. Она обязательно включает юмористическую перефразировку ответа в третьем пункте с его ключевым словом. Например: « -Knock knock! – Who’s there? – Adolf. – Adolf who? - Adolf ball hit me in der mouth, and i can’t dalk proper». Соль jokes заключается в том, что игрок получил травму зубов во время игры в гольф (a golf) и потому происходит подмена названия игры именем собственным Adolf. Обыгрываются несоблюдение произносительной нормы и подстановка согласных (вместо g – d), лежащие в основе комического эффекта.

Ещё один knock-knock joke, основанный на звукоподражании: « -Knock knock!– Who’s there? – Boo. – Boo who? – Don’t cry; it’s only a knock-knock joke». Комический эффект здесь создаётся за счёт звуковой имитации страшилки для детей.

Существует другой вариант данного вида шуток, построенный на удлинении конечной гласной в ответе. Это так называемые the “interrupting” knock-knock joke: « -Knock-knock! – Who’s there? – An interrupting cow! – Interrupting co... (cut off by next line) – Мооооооо!!!!».

Интересно отметить, что этот вид шуток довольно распространён в Великобритании, США, а также Западной Европе и Северной Африке. Точно проследить их происхождение не представляется возможным. Остаётся только предположить, что они проникли в англоязычную среду благодаря лингвистической и культурной интерференции языковой культуры африканских народов. «Klop-klop», т. е. «Knock-knock»-шутки особенно получили распространение в начале пятидесятих годов среди североафриканских школьников, как указывает Wikipedia (http://en.wikipedia.org/wiki/Knock-knock_joke).

Особый вид фонетического юмора, – это так называемые спунеризмы, < «spoonerism», в которых, как в известной детской игре puzzle, из морфологических фрагментов отдельных слов складываются несуществующие и забавные сочетания. Как правило, подобные окказиональные образования выполняют функцию наречия. Спунеризмы большей частью состоят из высказывания в виде прямой речи и комментария к нему. Финальный аккорд в последнем принадлежит спунеризму, например: – “I don’t like 7-Up, Tom said spritelily (< Sprite); – “What kind of money do they use in Paris?” Tom asked frankly (< franc, устар.); – “Oh my God, I’ve been bitten by a snake!” Tom gasped; – “I came, I saw”, Tom concurred (< Veni, vidi, vici, Caesar).

В спунеризмах обыгрывается перестановка гласных, согласных, морфем и названы они так по имени W. A. Spooner (1844-1930), преподававшего в одном из колледжей Оксфорда, прославившегося оговорками подобного рода: “The Lord is a shoving leopard, “It is kisstomary to cuss the bride”, или “Mardon me padam, this pie is occupewed. Can I sew you to another sheet?” (Pardon me, madam, this pew is occupied. Can I show you to another seat?) (<http://en.wikipedia.org/wiki/Spoonerism>).

Что касается образцов фонетического американского юмора, то в его knock-knock jokes соблюдается та же пятикомпонентная структура, что и в британских собратях. Это может быть имитация особенностей немецкого акцента с сочетанием с негативной коннотацией: « - Knock knock! – Who’s there? – Gestapo. – Gestapo who? - Ve ask ze questions here!». Ответ: «Это мы задаём здесь вопросы!» содержит замену we на ve, the меняется на ze, передающие особенности псевдонемецкого прононса. Серия “Interrupting jokes” также перекочевала за Океан и континентальные шутки подобного рода почти неотличимы от их островных аналогов, напр.: « -Knock, knock! – Who’s there? – Interrupting Cow. – Interrupting Co---- Moo!»; « -Knock, knock! – Who’s there? – Interrupting starfish – Interrupting star» (hand’s placed on face).

На звукоподражании – крику совы или последнему вздоху построены следующие шутки-анекдоты. В строгом смысле анекдотами их не назовёшь, хотя в них и соблюдается вопросно-ответное единство, свойственное анекдотам. Однако цель их иная – не осмеяние объекта или субъекта, здесь самоцель – словесная игра ради самой игры. В такой шутке не стоит искать логический смысл. Как в работе фокусника-иллюзиониста, словесные трюки здесь создаются за счёт внутренних языковых ресурсов, например: « -Knock knock. – Who’s there? – Death. – Death whoooooohhhh». В этой шутке на грани чёрного юмора звук [hu : h] имитирует последний вздох. За счёт аллитерации – бесконечного повторения согласного “I” создается комический эффект в следующей шутке: « -Knock knock! – Who’s there? – Little old lady. – Little old lady who? – Little old lady who can’t reach the doorbell». Может имитироваться также манера петь тирольцев: « -Knock knock. – Who’s there? – Old lady. – Old lady, who? – I didn’t know you could yodel!». Здесь пение [j dl] и [ɔuld] фонетически близки, паронимичны, так что чередование гласных создаёт комический эффект пения на тирольский манер. Фонетическое звучание drool «чепуха, чушь», как бы имитирующего барабанную дробь, обыгрывается в следующем забавном вопросе: «What did the drummer get on his I? Q. test? – Drool».

Особенности испанского, еврейского, немецкого произношения нередки в так называемых фонетических анекдотах. К примеру: «A man is on the way to the hospital; his wife is giving birth. He gets stuck in traffic, and he is an hour late. Rushing in, he asks the doctor what happened. The doctor replies, “Well, because you were late, we had to let your brother name the children. “The man cries out, “My brother! That idiot? What’d he name the – wait, children?”. “Yes, your wife had twins; a boy and a girl”. “Well, what’d he name them?”/ “He named the girl Deniece”. “Deniece... hmmm, that’s not bad. Maybe I was wrong. What’d he name the boy?”. “Denephew”. В данном случае причиной недоразумения послужило то, что межзубной звук в слове the был произнесен как de и обычные «племянница» the neice и «племянник» the nephew приобрели сходство с женским именем собственным Denise и экзотическим «именем» Denephew.

В следующем анекдоте обыгрывается созвучие парофонов, – части корневой основы fluc-tu-ation и грубо-просторечного fuck. Собеседник китайского происхождения умышленно вставил согласную “I”, встречающуюся ему в ненавистном слове «инфляция», из-за которой он понёс материальные убытки: «A Chinaman has just immigrated to the United States, and he goes to the bank, and exchanges 200 yuan for \$75. The next day, he comes back, and exchanges 200 yuan... but he only gets \$65. He cries out to the exchange man, “What is this? You shortchanged me! I got \$75 yesterday, but today, I only got \$65.50!”. The man replies in a

short, unfriendly tone, and enunciating each syllable clearly, “Fluc-tu-ation!”. The Chinaman knocks him to the floor, and cries, “Fluck you, American!”.

В серии *Pirate Puns* обыгрывается необыкновенно раскатистое «р», имитирующее, по-видимому, особенности акцента испаноязычных друзей «Весёлого Роджера»: «Q: - What is a pirate’s favorite place to get a drink? - A: A barrrrrrr»; «Q: - What is a pirate’s favorite instrument? A: - A guitarrrrr»; «Q: - What is a pirate’s favorite mode of transportation Answerer says “carrrrrrr”. A: - You respond: No, a ship»; «Q: - Why are pirates called pirates? A: - Because they arrrrrr!».

В целом можно констатировать, что комический эффект может создаваться при помощи различных приёмов фонетического юмора, одинаково свойственных и британскому, и американскому образцам jokes: аллитерация, звукоподражание/ономатопея, омофония, спунеризмы, имитация акцента в этнических анекдотах и др. Эти явления чаще всего встречаются в кпоск-кпоск-шутках, целью которых как раз и является подчеркнуть фонетические особенности речи.

1.5.2. Лексический юмор. Лексический юмор основывается большей частью на создании эффектов омофонии и паронимии. Это самая многочисленная группа анекдотов в британском (I) и американском (II) языковом материале; несколько реже встречаются комические эффекты от полисемии, остальные виды лингвистических игр в лексическом юморе встречены значительно реже. Перейдём к анализу конкретных примеров. В следующем британском анекдоте выражение *take somebody to zoo* «отвезти в зоопарк» может быть понято двояко, т. е. также «сводить кого либо в зоопарк», что и было сделано одним не в меру законопослушным джентльменом. В ответ на совет полицейского пристроить несчастное потерявшееся животное, он сводил его не только в зоопарк, но и на оперное представление, истолковав выражение буквально: «A man was walking along the street when he found a penguin walking along the road. So he picked it up and took it the local police station. He said to the policeman “I found this penguin in the street. What should I do with it?” The policeman looked at the man and said “It’s obvious what you should do with it! Take the penguin to Zoo. The man said “Of course, I’ll take it to the zoo” and he left the police station with the penguin under his arm. The next day the policeman was on duty in the city centre when he saw the man walking along the street with the penguin by his side. The policeman stopped the man and said “I thought I told you to take the penguin to the zoo?” The man replied “Yes, I took it to the zoo yesterday. Today I’m taking it to see the Opera House”.

В другой британской короткой юмористической истории обыгрывается абсолютный омоним, т. е. одновременно омограф и омофон «I»: «A teacher said: “Mary, I’d like you to

give me a sentence beginning with 'I, please». Mary thought for a few seconds and then said: "I is..." The teacher interrupted her and said: "No Mary, you cannot begin a sentence with 'I is' – you must use "I am." Mary looked upset and said: "But Miss...". «The teacher shouted: "Give me a sentence beginning with "I am, please". Mary shrugged her shoulders and said: "I am the ninth letter of the alphabet"; "Caller: «I wonder if I can see your mother, little boy. Is she engaged? Willie: «Engaged! She's married". (« - Посетитель: «Я могу видеть твою маму, малыш? Она занята?» - Мальчик: «Обручена! Она замужем!»). Соль анекдота в полисемии слова "engaged", означающего одновременно «быть занятым» и «быть помолвленным». Эта двусмысленность создала ситуацию *qui pro quo*, путаницы, что и вызвало неадекватную реакцию ребёнка, не вполне освоившего нормативную речь. В следующем американском анекдоте объектом осмеяния является представитель самой малопопулярной в стране профессии – адвокат (что не мешает ей быть одной из высокооплачиваемых). Здесь обыгрывается имя собственное адвоката Strange и наречие в заключительной фразе: «That`s Strange!», которую произнесет любой прохожий, прочитав надпись на надгробном камне: «Здесь лежит честный адвокат»: «A lawyer named Strange was shopping for a tombstone. After he had made his selection, the stonecutter asked him what inscription he would like on it. "Here lies an honest man and a lawyer", responded the lawyer. "Sorry, but I can't do that", replied the stonecutter. "In this state, it's against the law to bury two people in the same grave. However, I could put 'here lies an honest lawyer'." "But that won't let people know who it is", protested the lawyer. "Certainly will", retorted the stonecutter. "People will read it and exclaim, 'That's Strange!'".

Существует также так называемая серия антианекдотов с абсурдными вопросами и такими же ответами, в которых основной момент комического заключен не в самой ситуации, а в её словесной интерпретации. Такова модель со стартовой вопросительной фразой: «Почему X перешёл/перешла дорогу?» «Why did the one-handed man cross the street? To get to the second-hand shop». Здесь компоненты устойчивых словосочетаний отличаются сходством корневых морфем при различной морфологической отнесенности.

Иногда в американском анекдоте мы сталкиваемся с явлением шуточной этимологии, когда слово Chick воспринимается как результат контаминации chicken + duck = chuck: « - What do you call a cross between a chicken and a duck? – Chuck».

Омофония – частое явление в кругу т. н. wh-анекдотов, например: « - What fruit is often found in groups of two? – Pears», где pair [peɪ] «пары» и pear (peə] «груши» звучат практически одинаково; омофония образовалась за счёт заимствованного pair (< фр. paire «пара»). Точно также происходит с ajar и jar в wh-анекдоте, близком к загадке: « - When is a door not a door? – When it is ajar».

С частичной омофонией мы встречаемся в шуточном вопросе: « - What is a vampire's favourite fruit? – A nectarine». Здесь часть названия фрукта [ˈnektɑrɪn] звучит омофоном neck [nek] «шея».

Явление парофонии лежит в основе следующего «школьного» анекдота: « - The teacher asked Johnny to use the word fascinate in a sentence. Johnny replied: “My sister has a sweater with ten buttons, but she is so fat that she can only fasten eight”. Здесь «застегнуть восемь (пуговиц)» fasten eight [fa: sn eit] и прилагательное fascinate «очаровательный» [fæsineɪt] звучат почти идентично.

В основе комического эффекта может лежать паронимия, как, например, в следующем шуточном вопросе: «Что фиолетовое стремится к мировому господству?»: “ - What's purple and vies for world domination?” - “Alexander the Grape”, - (the Great)». Здесь обыгрываются слова Grape и Great, которые частично совпадают своими морфемными составами: [greɪp] ≠ [greɪt], расходясь по звучанию финальными согласными p/t. Отметим, что данный анекдот входит в серию так называемых **Grape joke** специфического типа question-answer joke, которые строятся по общей модели вопросно-ответного единства: « - A question: “ - What's purple and...” - An answer: “...grape...”».

Различаются первыми частями своего морфемного состава Ice и Greenberg, дословно означающие «ледяная гора» и «зелёная гора». Но в отличие от первого существительного, Greenberg является также распространенной фамилией, т. е. именем собственным, что как бы вводит в заблуждение одного из участников следующего этнического анекдота: « - A Jew sees a Chinaman on the street and knocks him down, crying, “That's for Pearl Harbor!”. “But that was the Japanese...”. “Chinese, Japanese, Siamese... all the same!”. The Chinaman promptly knocks the Jew down, crying, “That's for the Titanic!”. “But the Jews didn't sink the Titanic...”/ “Goldberg, Greenburg, Iceberg...”».

Содержание следующего joke состоит в паронимическом сходстве имени собственного “Andy” и слов из текста гимна, исполнявшегося когда-то ребёнком в церковном хоре “and he”, буквально «со мной». Семантическая вероятность подобной интерпретации Всевидящего и Вездесущего явилась причиной глубокого убеждения-заблуждения, что Его имя звучит именно так, а не иначе: « - A Christian man had just died and was on his way to heaven. When he got to the gates of heaven he met an angel. The angel asked him what God's name was. ‘Oh that's easy’, the man replied, ‘His name is Andy’. ‘What makes you think his name is Andy?’ the angel asked incredulously. ‘Well, you see at Church we used to sing this song ‘Andy walks with me, Andy talks with me».

Сходно звучащие парофоны *grape* [greɪp] «виноград» и *grey* [greɪ] «серый» лежат в основе комического эффекта в шутовском вопросе из серии *Elephant jokes*. « - What is the difference between elephants and grapes? - Elephants are grey, grapes are purple».

Рассмотрим случай одновременного употребления двух лингвистических способов создания комической ситуации в *joke* “Burglars just broke in”: « - An elderly woman had just returned to her home from an evening of religious service when she was startled by an intruder. As she caught the man in the act of robbing her home of its valuables, she yelled, “Stop! Acts 2:38!” [Turn from your sin]. The burglar stopped dead in his tracks. Then the woman calmly called the police and explained what had done. As the officer cuffed the man to take him in, he asked the burglar, “Why did you just stand there? All the old lady did was yell a scripture at you”. “Scripture?” – replied the burglar, “She said she had an axe and two 38s!”. Здесь обыгрывается фонетическое сходство *Act* в значении «глава из Библии» и *Axe*, что означает «топор». Кроме того, упоминание пожилой леди номера главы и стиха (глава 2, стих 38), воспринимается преступником, как два кольта тридцать восьмого калибра. Сами слова «стих» и «кольт» не упоминались в дискурсе, но в качестве виртуального (либо стих, либо кольт) продолжения фразы, а лингвистически – эллипсиса, присутствовали в сознании обоих участников дискурса.

В качестве примера двойной языковой игры приведём *joke* типа, «какой вопрос – такой ответ», в котором омофония соседствует с металингвистическим юмором: « - Why they say “Amen” at the end of a prayer instead of “A women”? «- The same reason they sing Hymns instead of Hers!”, («Почему говорят «Аминь» вместо “A women” (т. е. «о, женщины?»)) – По той же причине, что и поют гимны Ему (а не Ей!)». В вопросе содержится каверза по поводу созвучия *men* и *Amen*, которые являются омофонами и по аналогии образуется окказионализм “Awomen”. Реплика же адресанта относится к нормам грамматики, т. е. молятся «Ему, а не ей», как бы игнорируя этим абсурдность подобной аналогии и расставляя всё по своим местам.

1.5.3. Синтаксический юмор. Синтаксический юмор создаётся в британском и американском вариантах английского языка в основном за счёт буквального понимания фразеологизмов или их переосмысления, путем замены денотата, создающей комический эффект. Рассмотрим подробнее некоторые наиболее яркие примеры данного типа: “ - Doctor”, – said his receptionist, “There’s one patient left. He says he’s consulted all the other doctors in town”. – What is he complaining of? – All the other doctors in town”.

В этом *joke* обыгрывается фразеологизм «на что жалуетесь?», употребляемый, как правило, при медосмотре. Регистратор в своём ответе вышла за рамки узкоспециального

употребления выражения «жаловаться на что-либо» (т. е. на болезнь, описывая самочувствие пациента) и на поставленный вопрос не ответила по существу, как того требует известный постулат П. Грайса о релевантности. При этом происходит неожиданная для адресата смена денотата с самого пациента (т. е. состояние его здоровья), на другие объекты жалобы, а именно, – коллег врача.

Частым приёмом вербализации британского и английского юмора является буквальное восприятие фразеологизмов. При этом они не воспринимаются как словосочетание, неразложимое на части по смыслу составляющих его компонентов: “ - What would you do if you were in my shoes?” “ - Polish them!”. Здесь на вопрос «Что бы ты сделал на моём месте?» (буквально «если бы ты был в моих туфлях»), ответ последовал незамедлительно: «Почистил бы их!». Или другой пример того же плана: “ - Don’t you hate people who talk behind your back?” “ - Yes, especially at the movies”. Соль этого анекдота заключается в двойном восприятии фразеологизма, означающего «злословить за спиной». Ответ содержит оценочный оператор “especially”, который конкретизирует общий оценочно-негативный смысл явления. Обстоятельство места «в кино» содержит намёк на хладнокровное отношение к первому плану восприятия, не затрагивающему личную эмоциональную сферу, но являющемуся досадным препятствием при просмотре киноленты.

В следующем американском анекдоте обыгрывается сопоставление библейского фразеологизма *turned into a pillar of salt* и свободного словосочетания с тем же глаголом *turned into a telephone pole*. Несопоставимые, казалось бы, ситуации, но при различной референтной соотнесенности наблюдается частичное сигнифинативное совпадение, а именно – глагол в форме *turned*: « - The Hebrew school teacher read, “...And, looking back, Lot’s **wife turned into a pillar of salt**”. Jerry said, “Yesterday, as my mother was driving, she looked back, and she turned into a telephone pole!”.

В другом анекдоте мы тоже встречаем образец синтаксического (фразеологического) юмора, поскольку в нём обыгрывается пословица “The grass was greener on the other side” «на другой стороне и трава зеленее». Соль в том, что пословица здесь воспринимается буквально: « - Why did the cow cross the road? - He heard that the grass was greener on the other side». Ещё пример: « - Girl: If we become engaged will you give me a ring? - Boy: Sure, what’s your phone number?» («Если мы поженимся, ты подаришь мне кольцо? – Ну конечно, какой твой номер телефона?»). В рубрику “Stupid questions with smart answers” эти реплики попали в связи с полисемией выражения “give me a ring”, которое можно воспринимать двояко, а именно, – подарить колечко или позвонить по телефону. Незадачливый *boyfriend* именно так отреагировал на нелепый и преждевременный вопрос своей подружки. « - What kind of weather do dogs hate the most? – When its raining cats and dogs!» («Какую погоду собаки

ненавидят больше всего? - Когда (дословно) льёт кошками и собаками»). В данной ответной реплике соль анекдота состоит в обыгрывании буквального смысла фразеологизма “its raining cats and dogs”, что а priori также предполагает отсутствие взаимной симпатии реальных соответствий компонентам фразеологизма на бытовом уровне.

Значительно редко встречаются лингвистические средства юмора, включающие стилистические приёмы или графологический юмор, как например, в следующих американских анекдотах:

На «сочетании несочетаемого» построен юмор ответа при обмене следующими репликами: « - Mary: John says I'm pretty. Andy says I'm ugly. What do think, Peter? - Peter: A bit of both. I think you're pretty ugly». Питер в своем дискурсе соединил в языковом приёме оксиморона взаимоисключающие определения, оставив свою подругу в полном замешательстве.

В следующем анекдоте малышка Мелисса, щебечущая с отцом по-детски наивно и благодушно, вдруг в заключительной фразе переходит на несвойственный ребёнку армейский жаргон, употребляя крепкие словечки и недетскую осведомленность в политике и военной тактике: “and once that gets him out in the open, our Marines could blow the shit out of him”: «Little Melissa comes home from first grade and tells her father that they learned about the history of Valentine's Day. “Since Valentine's Day is for a Christian saint and we're Jewish,” she asks, “will God get mad at me for giving someone a valentine?” Melissa's father thinks a bit, then says, “No, I don't think God would get mad. Who do you want to give a valentine to?” “Osama bin Laden,” she says. “Why Osama bin Laden?” her father asks in shock. “Well,” she says, “I thought that if a little American Jewish girl could have enough love to give Osama a valentine, he might start to think that maybe we're not all bad, and maybe start loving people a little bit. And if other kids saw what I did and sent valentines to Osama, he'd love everyone a lot. And then he'd start going all over the place to tell everyone how much he loved them and how he didn't hate anyone anymore”. Her father's heart swells and he looks at his daughter with newfound pride. “Melissa, that's the most wonderful thing I've ever heard”. “I know, “Melissa says,” and once that gets him out in the open, our Marines could blow the shit out of him”.

Значительно реже встречаются лингвистические средства юмора, включающие графологический юмор. Например, в следующем американском анекдоте графологический юмор содержится в следующем шуточном вопросе – wh-анекдоте: « - What is round on both ends and high in the middle? – Ohio». Здесь название американского штата Огайо сформулировано в виде непривычной парафразы, в которой подчеркивается своеобразная орфография топонима.

1.5. Роль каламбура в вербальном юморе

Среди вербальных средств создания комического эффекта в анекдоте особая роль принадлежит каламбуру, как структурному элементу смеховой культуры. Каламбур встречается еще в библейских текстах в качестве риторического приема. Так, в послании от Матфея, глава 16, стих 18 читаем: «Thou art Peter (< gr. Petros, т.е. камень), and upon this rock [gr. Petra, скала] I will build my church». Здесь обыгрывается этимология имени собственного Peter (Библия1991:24). Толкование явления неоднозначно, этимологически слово восходит к французскому «calembour» и, хотя дата его появления относится к 1757 г., согласно лексикологическим источникам, само происхождение термина неясно (Petit Robert1981:238). Во всяком случае, вторая часть слова вполне могла бы произойти от франц. bourde n.f., зафиксированного в XII в. и берущего начало от старофранцузского bihurder «шутить», пришедшего из франсийского диалекта Иль-де-Франса. Сохранившееся и по сию пору слово bourde означает «ложь, выдумку, измышления с целью разыграть, ввести кого-либо в заблуждение обманом» (там же:208). В определениях каламбура делается упор на **комический** эффект, создаваемой за счет двусмыслитости звукового подобия слов с различным смысловым значением (Кондаков1976). В других источниках он трактуется более широко, вообще как синоним языковой игры (Архипова2003). Более общепринятым является определение каламбура, как стилистического приема, в котором в комических целях используются сходство звучания слов или словосочетаний, либо различие значений одних и тех же слов или групп слов (БЭ, т. 11). Иными словами, основными средствами создания каламбура являются омонимия (реже омофоны, омографы и полисемия, разрушение или переосмысление фразеологических оборотов, реже встречается перенос денотата («На что жалуется пациент? – На ваших коллег, доктор»)).

В английском языке каламбур известен как pun или paronomasia, а именно, - стилистический прием, основанный на намеренном смешении слов или фраз ради **риторического** эффекта.

Такая форма передачи мысли имеет целью ее выделить или подчеркнуть путем субституции, то есть техникой подмены одних слов или словосочетаний другими, близкими, либо идентичными по звучанию. В определении английского pun есть то, что опускалось в предыдущих определениях, а именно то, что это явление основывается также на буквальном смысле метафоры, помимо омонимии, или же на базе полисемии. По этому поводу В.Редферн сказал следующее: «To pun is to treat homonyms as synonyms» (Redfern 1984: 24). Интересно, что независимо от способа образования каламбура, неудачные

каламбуры именуют в английском языке *cheesy*, что буквально означает «сырные», метафорично натянутой, деланной улыбке по случаю фотосъемки.

Что касается этимологии английского *rip*, то термин является сокращенным вариантом ныне архаичного *pundition*. В свою очередь, эта форма произошла от *punctilious*, от итальянского *puntiglio*, - дословно «a fine point», уменьшительного варианта от итал. *punto* «точка». Само *punto* берет начало от латинского *punctum*, первое значение которого «укол» и лишь четвертое – «точка». Таким образом, обращение к латинскому этимону помогает проследить трансформацию глубинной семантической структуры термина, а также понять его исконное предназначение в британском социуме – служить атакующим средством в словесном поединке.

Логичным будет предположить, что возможностей для словесных игр типа «каламбур» гораздо больше в языках, изобилующих омонимами и паронимами и у народов, в чьей культуре исторически традиционно присутствует пристрастие к языковым играм и словесным поединкам. Оба этих компонента присутствуют в британской языковой культуре. Возможно, именно этим объясняется тот факт, что из общего корпуса вербального юмора, встреченного нами в анекдотах, каламбуров различного способа образования зафиксировано почти втрое больше в британских анекдотах в сравнении с американскими. Особенностью британских каламбуров в сравнении с их американскими собратьями является их риторический характер, что связано с давней литературной традицией, а также народным обычаем устраивать турниры красноречия, зародившиеся еще при королевском дворе (Ливергант1986:14).

Если первоначально целью каламбура было уколоть и сразить противника, то добродушное подтрунивание, желание насмешить собеседника прослеживается в большинстве каламбуров последнего времени. Это указывает на то, что сами термины «каламбур», как и «анекдот», семантически эволюционировали в сторону расширения своего значения и в настоящее время дает повод исследователям не дифференцировать понятия языкового или вербального юмора и каламбура.

Перейдем к конкретному анализу типичных каламбуров в британских, американских и грузинских текстах, а затем приведем их краткую типологию, в которой отражена «технология изготовления» каламбуров. В следующем британском анекдоте комизм ситуации создается за счет многозначности, полисемии слов *push* и *pull*:

Orator (who noted the word *Push* on the outer side of the door when he entered the hall): «There is a single word which is the secret of success in this fair country. I will impart it to you; you will see it on the brass plate on the door – «Audience (reading in unison): «*Pull!*». Данный каламбур построен на разных значениях слова *push*: «От себя» (надпись на двери) и

«энергия, предприимчивость», а также слова pull «к себе» (надпись на двери) и разг. «связи, блат».

Каламбур отличается более осмысленным языковым способом создания комического эффекта, не просто ради «красного», т.е. красивого словца, а для оказания воздействия на умы и мысли собеседников. Существует нюанс между «игрой слов», т.е. смысловым каламбуром и «игрой словами», где сама игра словами становится самоцелью. Например: «What is the longest word in the English language? – «Smiles». Because there is a mile between its first and last letters!».

В каламбуре, приведенном ниже, лексический юмор используется с целью указать на некомпетентность политика в своем деле: «- Hornswoggle certainly is a cheap politician. - I dunno – he's cost the city plenty». Здесь каламбур построен на полисемии слова cheap: «дешевый» и «плохой». Другой особенностью этого анекдота является разговорная форма dunno от don't know.

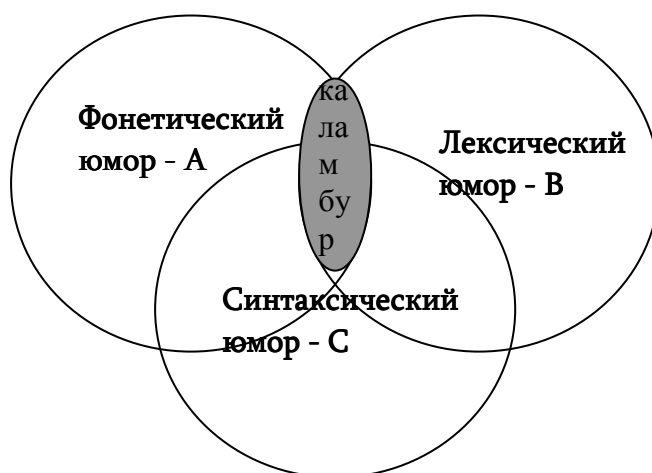
Игра слов на профессиональном уровне прославил остроумные реплики мастеров слова. Бернард Шоу, рекомендуя посредственного актера в беседе с режиссером, в ответ на его просьбу, перечислил его таланты следующим образом: «Этот молодой человек играет Гамлета..., на пианино, на кларнете, в бильярд. На последнем играет лучше всего». Как некомпетентность актера, так и невоспитанность заокеанского гостя были поддеты острием вербальной рапиры в следующей словесной поединке. Когда американский журналист брал интервью у английской писательницы Клары Шеридан, он, забывшись, положил ноги на стол, но тут же спохватился и стал извиняться. – «Ничего, пожалуйста,- спокойно ответила писательница. – По мне, так можете положить на стол хоть все четыре ноги...». Замена числительного и homo sapiens как не бывало! (Штаубер 2002: 176, 178).

Лингвистические явления, участвующие в создании каламбура, – юмор фонетический, лексический и синтаксический можно отнести к перекрещивающимся понятиям (лат. Notionis inter se convenientes), поскольку их структурно-семантическое наполнение различно, но объединяет их вербальный характер острот, используемых в анекдотах. В логике эти отношения изображаются в виде пересекающихся кругов (Кондаков 1976: 357). В результате их пересечения образуется новый класс понятий, т.е. каламбур, заключающий в себя элементы всех классов. Символически это выражается формулой $A \cap B \cap C$ где А и В и С – видовые классы вышеназванных фонетического, лексического и синтаксического юмора, а \cap - знак их частичного совмещения, объединения в родовое понятие каламбура. Обращение к логическим символам помогает наглядно изобразить гипотетическую зону взаимодействия каламбура (заштрихованная часть) с другими видами лингвистического, или вербального юмора. Схемы логики помогают разграничить сферы этих разновидностей

юмора и наглядно изобразить точки их соприкосновения. Изобразим это графически с помощью триграммы трехлистника.

Рис № 1.

Вербальные средства создания каламбура:

По нашему мнению, следует все же различать вербальный, или лингвистический юмор и каламбуры по следующим причинам: 1. В английском *pun* присутствует элемент целенаправленного стремления «подколоть» собеседника, указав на его недостатки в шутливой форме. 2. Это объясняется различной этимологией *pun* (<lat. *punctus*) в значении «укола» и *jokes* (< lat. *Jocus*), означающие «шутка»; «шутливый разговор»). 3. Сферы употребления вербального юмора и каламбуров различны. Каламбур – *pun* в его первоначальной этимологии чаще всего является принадлежностью интеллектуальной среды, широко применяющей различного рода метатексты, либо как стилистический и риторический прием, звучащий зачастую либо в сценической речи, либо в литературных произведениях.

Итак, каламбур имеет много общих точек соприкосновения с вербальным юмором, используя его техническую палитру. Но главное его отличие состоит как в назначении, так и сфере употребления, а именно, - чаще всего элитной литературной артистической среде, где высоко ценится умение владеть искусством речевого поединка, а игра слов не считается примитивной и грубой разновидностью юмора, низшему сорту шутки (З.Фрейд, К.Фишер, Т.Липпе), - напротив, одним из проявлений высшего остроумия. Так, согласно традициям соседней Франции XVII-XVIII вв., способность каламбурить высоко ценилась и была при дворе нечто вроде визитной карточки представителей высших слоев общества (Редкозубова 2003:4).

Подводя итоги, заметим, что каламбуры являются одним из способов формирования вербального юмора. Этот лингвистический прием частью оперирует лексическими единицами, частью – фразеологическими оборотами или созвучиями, что позволяет нам

утверждать, что он находится на стыке области, смежной лексическому, синтаксическому и фонетическому юмору. Переразложение и переосмысление идиом и фразеологизмов создает основу его образованию и служит адресанту дополнительным средством экспрессии в создании интеллектуально-эмоционального комического эффекта.

Выводы

1. Отличительной жанровой чертой анекдота, как фольклорного текста, является его бытование в устной форме, которая может быть транспонирована в письменную и обратно, являясь носителем культуры и коллективного сознания; такие единицы устной словесности также обладают текстовым статусом. Жанровое содержание текста анекдота отображает карнавально перевернутую систему ценностей.

Основные характеристики текста в одинаковой мере свойственны текстам исследуемого жанра, более того, позволяют считать их «идеальными текстами». Супплетивная характеристика текста данного жанра состоит в том, чтобы передавать субминальную информацию в виде мессиджей (посланий), влияющих на менталитет адресата, помимо прямого эмоционального воздействия юмористического текста.

2. Анекдотный текст, как форма устного речевого жанра городского фольклора, бытует, как форма смеховой культуры и обладает стереотипностью формы и сюжетной композиции.

Явление повторяемости структурной и содержательной стороны анекдотного текста чаще всего связывают либо с формальной стороной строения текста (клишированностью), либо содержательной стороной (тематика сюжетов с их открытым списком). Зачастую и первая и вторая части пересекаются и имеют много параллелей. Однако есть еще и семантика текста фольклора «за текстом», «вне его» и именно она представляет интерес сопоставительного плана в разных лингвокультурных социумах.

Исследователями отмечается двучастная жестко заданная структура анекдота – метатекстовой ввод (необязателен), зачин и краткая неожиданная развязка – пуанта, содержащая всю соль анекдота. По нашему мнению, есть все основания, как показывает фактический материал, выделить и третью часть - имплицитные инвариантные оценочные мессиджи. С их помощью можно воссоздать аксиологическую картину мира на основании постфольклора. В этом смысле анекдот в качестве документа и артефакта постфольклора является его самым продуктивным жанром, тем самым заслуживая внимательного изучения и анализа.

3. Необходимо различать логические и лингвистические приемы создания комического эффекта в британских, американских и грузинских юмористических текстах. К лингвистическим средствам относятся разноуровневые типы создания юмора. Анекдот является литературным жанром, в котором может быть использован любой из приемов. Однако лингвистический способ создания комического эффекта - наименее исследованная разновидность юмора. Проведенное исследование позволяет утверждать, что лингвистические анекдоты более популярны в Британии, нежели на американском континенте и еще менее юмор такого рода имеет хождение в грузинском лингвокультурном социуме.

4. Каламбуры являются основным, однако отнюдь не единственным способом проявления лингвистического юмора. Это явление оперирует частью лексическими единицами, частью – фразеологическими оборотами, что позволяет нам утверждать, что каламбур относится к области, смежной лексическому и синтаксическому юмору. Переразложение и переосмысление идиом и фразеологизмов создаёт основу его образованию и служит адресанту дополнительным средством создания экспрессивного и эмоционального воздействия.

II глава. Социология анекдота и его свойства воздействующего текста

2.1. Анекдот как воздействующий текст. Основные характеристики анекдота и типы мессиджей

Англия - общепризнанная родина юмора и, согласно этимологии этого слова, происходящего от английского *humour*, означает оно «нрав, настроение», от латинского *humor* – «жидкость». В античной медицине состояние человека описывалось соотношением четырех жидкостей и гармония этих «*humor*» определяла здоровье и самочувствие человека, поэтому считается, что юмор продлевает жизнь. И если одно из самых трудных искусств на свете, - это искусство жить на земле, то юмор как никакой другой вид искусства коммуникации, отвечает этому требованию. Действительно, одна из социальных функций юмора, - служить средством психологической защиты и продления жизни. Согласно З.Фрейду, юмор является способом экономии психической энергии, при котором душевные силы тратятся не на то, чтобы скрыть обиду, эмоционально-психическую травму, а, посмеявшись над ситуацией, направить сохраненную энергию на другие дела (Фрейд

1991:25). В качестве средства психологической защиты, юмор состоит в забывании неприятного и вытеснении чувства страха или бессилия.

Социальные функции юмора так же различны, как и его формы, однако наиболее универсальной формой его проявления является анекдот. Вкратце представляется возможным классифицировать социальные функции юмора и соответствующие им формы следующим образом:

Таблица № 3

№	Социальная функция юмора	Формы подачи юмора
1	Компенсаторная: доставление радости, положительных эмоций	Анекдот, шутка
2	Средство установления контакта и передачи информации	Анекдот, шутка, юмореска, фельетон,
3	Воспитательное средство	Анекдот, притча, пословицы и поговорки
4	Средство психологической защиты	Анекдот, каламбур
5	Демонстрация негативного отношения, средство нападения, агрессии и т.п.	Анекдот, насмешка, (ирония, сарказм, сатира)
6	Эвристическая, разрушающая стереотипы	Анекдот

Общее социальное предназначение комического вообще состоит в том, чтобы содействовать поведенческому изменению личности, толпы, группы, нации. При этом парфянская стрела юмора может иметь как внешнюю, так и внутреннюю направленность в виде самокритики. Подобная черта характеризует в высшей степени представителей английской нации. Общеизвестным является тот факт, что ни в одной стране не склонны так посмеяться над собой, как в Англии. Это подтверждается также проведенным нами анализом фактического материала. При этом критическая направленность может рассматриваться в двух измерениях – по горизонтали (вовне, вовнутрь, т.е. к себе) и по вертикальной шкале – от «высокого юмора» в интеллектуальных сферах, до грубых шуток, популярных среди подростков и отдельных представителей рабочего люда (грузчики, торговки и пр.), так как различные формы юмора соответствуют разным уровням культуры и гуманизации слоев общества.

Сам термин «анекдот» появился в Византии благодаря книге историка Прокопия Кесарийского «Тайная история» (550г.), посвященной хронике императорского двора (БЭ т. 2: 26). С точки зрения современников Прокопия, анекдоты – это городские слухи, толки. Со временем – это рассказы о выдающихся исторических личностях, знаменитых людях, их

необычайных поступках, суждениях или же о курьезных ситуациях, в которые они попадали. Таким образом, термин появился в европейских языках посредством латинского *anecdota*, в свою очередь произошедшего от греческого *anekdota*. Согласно другим данным, термин «анекдот» вошел в активный обиход с 1751 года, обозначая до конца 17 века заголовок сборника. В настоящее время в литературе так называют незначительное интересное событие, историческую подробность, изложение которой способно пролить свет на глубинную сущность вещей и человеческую психологию. С этой точки зрения литературный жанр анекдотов представляет собой ценный материал для культурологических исследований, поскольку позволяет увидеть типичные черты нации сквозь призму мелких, незначительных, на первый взгляд, событий, ситуаций и поступков. Ведь и древесная частичка отражает свойство самого дерева, как и песчинка У.Блейка позволяет увидеть огромный мир с его особенностями и закономерностями.

Этот жанр дает возможность сопоставить диапазон семантически инвариантных моделей, лежащих в основе исследуемых текстов. Каждая из таких моделей несет общую смысловую нагрузку для большего или меньшего количества текстов – анекдотов. Их анализ позволяет определить лингвокультурные характеристики юмора, реализованного в жанре «анекдот» в качественном и количественном аспектах. Анекдот, как тип мессиджа, тип передачи информации, можно подвести под исчислимое множество архетипов посланий, старых, как мир. Архетипы мессиджей сводятся к следующему перечню: «мне плохо, больно, дискомфортно»; «некто плох, невоспитан; на деле все обстоит иначе»; «я лучше других»; это плохой профессионал и так далее, которые демонстрирует следующая таблица:

Табл. № 4

Количественная и качественная характеристика типов латентных мессиджей, выделенных из корпуса британских, американских и грузинских текстов анекдотов

№№	Обозначение	Семантические инвариантные структуры мессиджей	Процентное соотношение к общему количеству корпусов текстов -		
			британских, американских, грузинских		
1	А	Мне плохо, больно, дискомфортно	4	2	2
2	В	Это плохо	0,6	1	0,7
3	С	Некто плох, невоспитан	5	2,4	0,8
4	Д	Эта власть плохая	2	4	0,2

5	E	На деле все обстоит иначе	4	9	1,5
6	F	Профессиональная непригодность	7	9	9
7	G/a	Посыл отрицательного образа: этноса,	10	4	21
	G/b	пола: мужского	12	6	19
	G/c	женского	16	17	19
8	H	Самокритика нации	6	3	0,2
9	I	Черный юмор	4	9	4
10	J	Отношение к деньгам	6	17	6
11	K	Снобизм - этноцентризм	2	2	0,3
12	L	Высмеивание чудачеств	2	0,3	0,5
13	M	Вежливость, условности <i>san't`a</i>	8	0,3	---
14	N	Абсурдная ситуация	8	11	2,5
15	O	Лингвистический юмор, каламбур	3	2	2
16	P	Грубый, примитивный юмор	0,4	1	4
17	Q	Особо парадоксальный юмор	---	---	1

Перечень немногочисленен, но заслуживают внимания факты повтора мессиджей, содержащихся в текстах жанра «анекдот». Это своеобразные болевые точки общения, позволяющие закодированным образом, латентно, обыграть волнующие или дискомфортные моменты бытия. При этом путем психологической разрядки происходит дедраматизация ситуации, сложившейся в общении.

В этом плане в первую очередь представляет интерес анализ реальных событий, имевших место среди представителей мира искусства и литературы, т.е. людей, как правило, высокоинтеллектуальных и образованных. В зависимости от уровня воспитания, образования, возраста, речевая форма реакции может широко варьироваться между участниками интеллектуально-иронического общения, как бы развязывая узел создавшегося затруднительного положения. В финале истории высмеивают собеседника, ситуацию и прочее, избегая унижительного оскорбления с деликатностью, присущей человеку их

воспитания. Не случайно список возглавляют иронические ремарки, касающиеся уровня профессионализма собеседника или третьего лица, - таковых максимум. И это указывает на релевантность данного признака в высококультурной среде, например: «Как-то один студент обратился к Б.Шоу и объяснил ему, что бросил медицину, чтобы стать писателем. – Я думаю, что таким образом я окажу человечеству большую пользу, - сказал он. – Для этого вам не стоило посвящать себя литературе, - ответил Шоу. – Что вы имеете в виду? – удивился студент. – Молодой человек, вы и так оказали большую услугу человечеству, когда бросили медицину» (Штаубер 2002: 177).

Тип В (он плохой) – не встречен ни разу в британском материале. Его подменяет подтип В – «он недостаточно воспитан» и это очень характерно для английской ментальности, требующей прежде всего соблюдения приличий. Ни разу не встретилось критического замечания по поводу другой нации; их, действительно, просто не может быть в среде высококультурных людей. На противоположном полюсе находятся упоминаемые Фрейдом племена, где все соплеменники делились на своих и чужих; и пришлый, чужой означало одновременно плохой, больной и вредный (Фрейд 1991: 200). Пристальное внимание к профессиональной сфере деятельности указывает также на то, что в данной социальной среде не приличествует быть некомпетентным специалистом в избранной области творчества. Контурно-ироничное касание болезненной темы в среде интеллектуалов позволяет выразить открытым текстом причину недовольства. На втором месте по значимости в интеллектуальной среде выявились в одинаковой мере аспекты «самокритика» (Н) и «мне плохо, дискомфортно» (А).

Справедливости ради заметим, что в интеллектуальной сфере люди науки и искусства предпочитают говорить либо о себе, либо об уровне профессионализма собеседников, тактично обходя темы, касающиеся национальной или иной принадлежности. Текстуально не выявлено также ситуаций, имеющих отношение к деньгам (воистину «джентльмены о деньгах не говорят»). Таким образом, посыл отрицательного образа происходит только в случаях непрофессионализма или невоспитанности. Если же мы перейдем от проявления юмора в интеллектуальной сфере людей искусства и литературы к юмору т.н. аристократии и среднего класса, мы обнаружим другие закономерности, которые иллюстрирует таблица:

Таблица № 5

Типы латентных мессиджей анекдотов

№ №	Буквенное обозначение	Семантические инвариантные структуры мессиджей	Проц.соотношение	
			Брит.	Амер.
1	А	Мне плохо, больно, дискомфортно	4,1	2

2	B	это плохо	2,1	1,3
3	C	он (они(-а) плохие; б) невоспитанные	3	4
4	D	эта власть плохая	3	3
5	E	на самом деле все не так	5	8
6	F	этот профессионал плохой	3,3	8
7	Ga	посыл отрицат. образа: а) нации, пола: б) муж. в) жен;	11,5	9
	Gb		3,3	11
	Gc		14,5	15
8	H	самокритика и критика	10,5	6
9	I	черный юмор	4	4
10	J	отношение к деньгам	2,7	6
11	K	снобизм – я лучше других	3,3	2
12	L	высмеивание чудачеств	1,9	2
13	M	вежливость, условности прежде всего	15,2	7,3
14	N	абсурдная, перевернутая, надуманная ситуация	9,4	8
15	O	каламбур, лингвистический юмор	3,1	3
16	P	грубый, примитивный юмор	1,1	0,4

Количественное и качественное распределение мессиджей британских анекдотов здесь представлено в более широком диапазоне. Наиболее значимыми и релевантными оказываются уже иные завуалированные мессиджи, по сути своей передающие уже иной тип информации. Для этого слоя общества большинство анекдотических ситуаций связано с соблюдением приличий и прежде всего, невозмутимости «при неподвижной верхней губе», как любят говорить англичане. Следование условностям и традициям, как стереотип поведения англичан отражает ценностную картину мира, при которой они полагают невозмутимость одним из важнейших качеств: A butler rushes into the Lord's apartment with heart-rending shout, "Sir! Save yourself! The Thames has come out of its banks..." - "Calm down Berrymoor. Go out and announce as it should be!" Five minutes later the door is opened under wave crest. The butler sitting on an inflatable boat on the wave announces: "The Thames, Sir!!!" (К лорду врывается слуга и истошно орет: - Сэр! Спасайтесь! Темза вышла из берегов... - Ну что вы, Берримор. Выйдите и доложите, как положено! Через пять минут дверь распаивается под напором воды. На волне, сидя на надувном плотике, дворецкий возвещает: - Темза, сэр!!!).

Наиболее релевантной приметой анекдотов о данном слое общества является самокритичность и самоирония, отражающие многовековую историю борьбы с *sant*'ом. *Sant* в переводе с английского означает «лицемерие, ханжество, пошлость», проявляющиеся в общепринятых стереотипах приличий. Англия – классическая страна *sant*'а со времен пуританства борющаяся с засильем его тирании и общественного мнения во всех сферах социальной и личной жизни. Порой следование всем писанным и неписанным правилам

хорошего тона доходит до абсурда. Это находит отражение в анекдотах типа Н; отметим, что таковые преобладают в фактическом материале данной категории, к примеру: - “Yesterday, at Princess Polymbuk’s reception the princess grandfather kissed my hand by mistaken”, says one visitor.-“And, what was then?” asks another visitor. -“Oh, tragedy. The native tact forced me to pose as a lady till the end of the evening”(«В лондонском клубе для избранных беседуют два лорда. – Вчера на приеме у княгини Полимбук, - рассказывает один из них, - дед княгини по ошибке поцеловал мне руку. – И что было дальше? – Трагедия. Врожденный такт заставил меня до конца вечера изображать женщину»). В экстренных ситуациях высмеивается соблюдение правил приличия, касающихся внешнего лоска: A servant comes into the lord’s apartment and announces, “Sir, I beg your pardon for disturbing you but a robber has slipped through the castle.”The lord not even moving replies, “Excellent. Please, prepare my hunting rifle and suit. I think the checkered one” (« - В комнату английского лорда входит слуга: - Сэр, простите за беспокойство, но в замок пробрался вор. Лорд, не меняя позы: - Прекрасно. Приготовьте, пожалуйста, мое охотничье ружье и охотничий костюм. Думаю, лучше в клетку»).

Анекдот, как тип мессиджа можно подвести под общую планку одного из способов передачи информации, одной из важнейших языковых функций. Если представители интеллектуальной элиты не позволяют себе высказываний язвительной информации в адрес противоположного пола (главное, чтобы профессионал был хороший), то великосветская элита, фигурирующая в анекдотах, отпускает колкости в адрес второй половины гораздо чаще, чем положено джентльмену. Пункт Gc занимает вторую позицию в мессиджах с посылкой отрицательного образа. Более того, значительно реже, но встречаются отдельные ремарки касательно других народов, в частности, об ограниченности ирландцев и самонадеянности американцев. Редко встречаются анекдоты типа А (мне дискомфортно), в силу особенностей пуританского воспитания аристократов, в отличие от интеллектуальной элиты. (Заметим, что в психологическом плане интеллектуалы всегда менее защищены, о чем хорошо была осведомлена администрация Освенцима, заявлявшая, что интеллигент у них сможет продержаться один месяц, тогда как люди другого склада, – втрое дольше).

Судя по текстам анекдотов, представители среды аристократов минимально озабочены уровнем профессионализма и компетенции. То же можно сказать о тематике мессиджей D, J, I, касающихся власти, денег и черного юмора. Для сравнения, - анализ текстового материала американских анекдотов интеллектуальной элиты показал сдвиг в сторону ситуации E – «на самом деле все не так», что подразумевает некоторую самонадеянность и высокий уровень контроля ситуации. По количественной представленности лишь на втором месте находятся анекдоты типа F, содержащие критику профессионального уровня

собеседника. К примеру, тип E: Dr David Hamburg says at the psychologists' symposium in Chicago, "Science mystery is not raising number of mental patients but the people still keeping common sense" (« - На симпозиуме психиатров Чикаго доктор Давид Гамбург заявил: - Для науки представляет загадку не все увеличивающееся количество психически больных, а то, что есть еще люди, которые сохраняют здравый смысл»). Иллюстрирует тип F текст: "Once a dull comic comes to Jerome and asks him to sell all his jokes for hundred pounds. "Such deal is unbeneficial for both of us", says Jerome. "If I am found with the money they think I have stolen it. And, if they hear the jokes from you they think you have stolen them" (« - Как-то один бездарный комик попросил Джерома продать ему за сто фунтов все его шутки. - Эта сделка для нас обоих невыгодна, - ответил писатель. - Если у меня увидят эти деньги, то подумают, что я их украл. А если от вас услышат мои шутки, то подумают, что вы их украли») (Штаубер 2002: 153).

Что касается основной тематики американского анекдота, где фигуранты – средние слои общества, то здесь доминируют в порядке убывания мессиджи J, Gc, E, I. В самом широком диапазоне представлены юмористические тексты, в которых высказывается отношение американцев к деньгам. Такова в общих чертах их тематика: наследство, долги, банкротство, борьба с казнокрадством, домашний бюджет, скупость, экономия, брак по расчету, корысть на грани преступления, надбавка к зарплате, подаяние, налоги, расточительность, своевременная оплата, предприимчивость, доведенная до абсурда и т.д., список можно продолжить. Этот неполный реестр представляет собой разительный контраст с почти полным умалчиванием финансовых проблем, затронутых в текстах о представителях английского истеблишмента.

Бросается в глаза тот факт, что в американских текстах данного жанра ни разу не встретился пункт, доминирующий в английских, - M – «условности, вежливость прежде всего». Создается впечатление, что это два взаимоисключающих момента в ценностной картине мира британцев и американцев. Иными словами там, где правят деньги, забудьте об условностях и знаменитой «неподвижной верхней губе» английского джентльмена. Добавим, что «гендерный» мессидж Gc в американском юморе имеет свою специфику: американцы чаще всего высмеивают корыстность, агрессивность, недалекость, нерадивость или напротив, педантизм своих жен: A staunch bachelor says to his friend, "A woman is worse than a gangster!" "Why?!" asks his friend, "Because, the gangster demanding money gives the choice, "your money or your life", and the woman takes both the money and the life!" («Убежденный холостяк говорит другу: - Женщина хуже гангстеров! - Это почему? - Потому что гангстеры требуют деньги, но ставят перед выбором: «Жизнь или кошелек». А женщины и жизни не дают, и кошелек отбирают!»).

Черный юмор и критика правительства также доминируют в американских анекдотах, в то время как в английских критические высказывания о власти, как и черный юмор почти не встречаются. То же касается рекламной тематики, отсутствующей в английском материале и широко представленной в американском, начиная с элитной интеллектуальной среды.

Отметим, что более всего именно в американских анекдотах по сравнению с британскими, жало критики направлено на самих мужчин и если англичан не устраивает их собственный флегматизм, заторможенность и т.д., то американцы более всего высмеивают свое пристрастие к алкоголю, курению, полагая, что избежать их способен только заключенный. Соотношения мессиджей G^b (посыл отрицательного образа мужского пола) в британском и американском материалах разительно отличаются: 6% против 17% в американском материале.

Расточительность миллионеров, самодовольство техасцев, предприимчивость и изворотливость бомжей также входят в обиход ковбойской самокритики, как и грубоватый черный юмор, где ковбои палят без разбору: “In the Wild West a cowboy calls in a bar to drink whisky. He turns around and sees the piano and a note above “Don’t shoot the pianist, he’s doing his best”. The pianist’s seat is empty and the cowboy asks the waiter, “But, where is the pianist?” “The pianist?” replies the waiter with sorrowful sigh, “Yesterday a cowboy who could not read called in ...” («На диком Западе ковбой заехал в бар выпить стаканчик виски. Оглядевшись, он заметил пианино, а над ним плакат: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет». Место возле инструмента пустовало, и ковбой спросил официанта: -А где пианист? - Пианист? – с печальным вздохом ответил официант. – Вчера проезжал тут один ковбой, который не умел читать... » (мессидж I)).

Таким образом, лингвокультурное изучение юмора способствует освещению приоритетных ценностей народа. Если в британской среде интеллектуально-артистической элиты крайне актуален профессионализм, состояние душевного и физического комфорта при равной доле самокритичности, то представления о смешном меняются применительно к наиболее многочисленному среднему классу. Это прежде всего критика соблюдения приличий ради приличий, чрезмерной приверженности традициям и посыл отрицательного образа типичного англичанина с его невозмутимостью, флегматизмом и замедленной реакцией на происходящее.

Сравнение с заокеанской культурой выявило универсальные и специфические ценности, свойственные обеим культурам: это достаточно высокий уровень самокритичности, посыл женского отрицательного образа, демонстрация своего умения владеть ситуацией. Специфика британского юмора состоит в стремлении избавиться от тирании *cant*’а, в отличие от американского лингвокультурного варианта, где более всего актуальна тематика

засилья власти и денег и, как следствие, черного юмора. Британским текстам анекдотов свойственно в большей мере соблюдение речевого этикета вне зависимости от ситуации, поскольку островная лингвокультура характеризуется высокой требовательностью к соблюдению тактичности.

Итак, если воспринимать юмор как составную часть искусства послания, то тем выше уровень речевого произведения искусства, чем изящнее упакована в нем разящая парфянская стрела. Послание донесено до адресата и бескровная дуэль состоялась ко всеобщему интеллектуальному удовлетворению. Волшебная сила искусства речевого поединка превращает жало критики в целебный бальзам. При этом чем выше уровень гуманизации и образованности, тем большее значение имеют профессиональные качества и тем меньше критика звучит в адрес происхождения или пола человека, т.е. того, над чем он не властен и что ему дается от рождения. Иными словами, чем выше культурный уровень участников дискуссии, тем меньше они предъявляют претензий к физическому статусу.

Данные, полученные в результате сопоставительного анализа с корпусом грузинских текстов позволяют отметить сходства и различия количественного характера. Так, первые четыре мессиджа - А, В, С, D, судя по всему, относятся к некреативному типу мессиджей при создании комического эффекта. Это личный дискомфорт, нехорошая ситуация или встреча с тем, кто плох или невоспитан – нерелевантные и малопопулярные моменты в деле создания комической ситуации на месте. Рейтинг текстов, где высказывается недовольство властью – мессиджа D, также низок, судя по материалу – «народ безмолвствует», во всяком случае, на уровне постфольклора (иное дело СМИ). Профессионализмом на любом уровне более всего озабочены американские и грузинские анонимные трикстеры, чьи артефакты ретранслируются адресатам (8% и 10,3% мессиджей «F» от обоих корпусов текстов). В грузинских анекдотах более всего не справляются со своими профессиональными обязанностями многие субъекты осмеяния: врачи, таможенники, стоматологи и даже парашютисты, певцы, ночные сторожа, поэты-рифмоплеты, шоферы, начальство, то есть представители самого широкого спектра профессий. К примеру, უკაცრავად, ბატონო პაციენტო! შემთხვევით ჯანმრთელი კბილი ამოგიდეთ, ეუბნება სტომატოლოგი პაციენტს. – არაფერია, ბატონო ექიმო! დიდი მადლობელი ვარ, რომ თქვენ ოკულისტი არა ხართ!.. («- Извините, батона пациент! Я случайно вырвал вам здоровый зуб. – Что вы, батона доктор, напротив я очень рад, что вы не окулист»); საბაჟოზე: - გახსენით ჩემოდანი. - მე არ მაქვს ჩემოდანი! – მაგას არ აქვს მნიშვნელობა, კანონი ყველასათვის ერთია («На таможе. – Откройте чемодан. – У меня его нет. – Это не имеет значения, закон для всех один»); პოეტი მიმართავს თავის მეუღლეს; - ვეძებ და ვერ მიპოვია ჩემი საუკეთესო ლექსი, ალბათ, ჩვენმა გოგონამ დაწვა... - ნუ

ამბობ სისულელეს, ბავშმა ჯერ კითხვა არ იცის და რატომ დაწვავდა?! («Поэт своей жене: - Ищу и не могу найти свое лучшее стихотворение, может, наша дочка сожгла... - Не говори глупостей, ребенок еще читать не умеет и зачем же ей сжигать?»); როგორ გძინავთ? – შესანიშნავად. – სად მუშაობთ? – ღამის დარაჯი ვარ («- Как вы спите? – Замечательно. – Где работаете? – Я ночной сторож»). Для сравнения укажем, что спектр несостоявшихся профессионалов в англофонных анекдотах составляют в основном адвокаты, врачи и официанты.

Очень интересный расклад получается по грузинским мессиджам, на которые приходится квантитативный пик и они составляют почти половину всех случаев. Это посыл отрицательного образа другой нации, подавляющее большинство при этом занимают представители этнических региональных меньшинств (21% случаев). Почти столько же приходится на посыл гендерного отрицательного образа – мужского (19%), не без изрядной доли самолюбования в андроцентричном патриархальном обществе и столько же – 19% - приходится на посыл отрицательного женского образа (счет, как говорят, 1:1). Перечислим нелицеприятные свойства, приписываемые сильной половине человечества: донжуанство, недалекость, нежелание возвращать долги, насилие, алкогольная и наркозависимость, лень, цинизм, равнодушие, обжорство, ревность, жадность, воровство, разбой, футбольный фанатизм. Список можно продолжить, но он будет отличаться от заокеанской и островной характеристики сильной половины отсутствием анекдотов на тему наркомании, насилия и нетрадиционной ориентации. Судя по британским и американским анекдотам, эти проблемы у них никак не ассоциируются с юмором. В грузинском материале таких анекдотов встретилось по десятку на каждый случай. Вполне возможно, что тематика имеет ограниченную циркуляцию, а также не исключены более репрессивные меры наказания при низком пороге толерантности в отношении названных девиаций. Проиллюстрируем вышесказанное: донжуанство: ჩემო ბიჭუნა, მე შენს ასაკში დღიურს ვაწარმოებდი... - დედა, ეს უკვე მოძველებულია, მე კარტოთეკა მაქვს გახსნილი. («- Сынок, в твоём возрасте я дневник вела... - Это уже устарело, мама, я картотеку открыл»); наркозависимость: ნარკომანი ოთახში კოლოს დასდევს, მეორე ოთახიდან მისი ძმაცაცი ეძახის: - ავთუშ, რა ჰქენი, მოკალი? მოკვლით ვერა, მაგრამ იმეხნა მაგრად ვანერვიულე. («- Наркоман бежит за комаром, из другой комнаты доносится голос его друга: – Автош, ну что, убил? – Убить нет, но заставил понервничать»); пьянство: ლოთმა, როცა დასპირტული ბაყაყები ნახა, თქვა: - გული მიკვდება, როცა ამ დასპირტულ ცხოველებს ვხედავ. – რას ამბობთ, აქ ხომ სულ სამი ბაყაყია! – საქმეც ის არის, რომ სამი ბაყაყი ათ ლიტრ სპირტშია! («- Сердце падает, когда

вижу этих заспиртованных животных. – Что вы говорите, это же всего какие-то три лягушки! – Дело в том, что эти три лягушки плавают в десяти литрах спирта»); нетрадиционная ориентация: მოსამართლე ეკითხება ქმარს: - როგორ ფიქრობთ, რატომ უნდა თქვენს ცოლს თქვენთან გაშორება? – რაეცი აბა, ჩემო ძვირფასო, ოხუნჯო ბიჭუნა... («Судья спрашивает мужа: - Как вы думаете, почему ваша жена хочет с вами развестись? – Ну почему мне знать, мой славный, проказливый мальчуган...»); нежелание помогать по дому: ჭიჭიკია, ცოლს ესმარები ოჯახში? – აბა რაგა, გენაცვალე, სახლს როცა გვის, მე ფეხებს მაღლა ვწევ. («- Чичико, как ты жене по дому помогаешь? – Как не помогаю, когда она пол подметает, я ноги поднимаю»); полное равнодушие: რა არის ახალი შენთან? – ეკითხება კაცი თავის ძველ მეგობარს. – ხანძრისას ცოლი დამეღუპა, - იყო პასუხი. – მერე ვერ უშველე? – რა ვიცი, ისე ტკბილად ეძინა, შემეცოდა მისი გაღვიძება. («- Что у тебя нового? – Во время пожара у меня жена погибла. А ты не смог ей помочь? – Ну как сказать, она так сладко спала, что жаль было будить»).

Качества прекрасной половины, высмеиваемые в корпусе грузинских текстов, мало чем разнятся свойствами от заокеанских и островных англофонных сверстниц: непривлекательная внешность, скверный нрав, недалекость, гордое звание тещи; женщина может быть: нелюбима, болтлива, легкомысленна, самовлюбленна и даже способна на убийство супруга, расточительна. Например: звание тещи: – ჩემი სიდგერი ქალის იდეალია, ბუნების სრულყოფილი ქმნილებაა, მაგრამ ერთი ნაკლი აქვს. - რომელი? - სუნთქავს... («- Моя теща, идеал женщины, совершенное создание природы, но у нее есть один недостаток. – Какой? – Она дышит»); непривлекательная внешность: პარიზში ჭიჭიკია კაბარეში შევიდა, იქიდან გამოსულმა გადააფურთხა. იქვე გაჩნდა პოლიციელი, რომელმაც დააჯარიმა. ჭიჭიკია ქუთაისში რომ დაბრუნდა ნახიკიამ ჰკითხა: - მოგეწონა პარიზი? – არა უშავს. – მე არ გაგახსენდი? – როგორ არა, ერთხელ გამახსენდი და მაშინაც დამაჯარიმეს. («- В Париже Чичико зашел в злачное место. Выйдя оттуда, сплюнул. – Тут же полицейский взял с него за это штраф. По возвращении, Назикия спрашивает мужа: - Ну как, понравился Париж? - Ничего. - А ты меня хотя бы раз вспомнил? - Как не вспомнил? Как вспомнил, так меня и оштрафовали»); скверный нрав: ქალი დასტირის მომაკვდავ ქმარს. - ვერ გავძლებ შენს გარეშე, ცოტა ხანში მეც წამოგეწევი. – ნუ იხქარებ, მაცალე ცოტა ამოსუნთქვა, – შეევედრა მომაკვდავი. («- Женщина оплакивает умирающего мужа – Без тебя не выдержу, я тоже скоро к тебе присоединюсь. – Не торопись, дай немного передохнуть, - взмолился умирающий»); недалекость: მიხო და მარო ოპერაში არიან,

მიხო ეუბნება მაროს: - ნახე, მარო იმ ქალსა რა მაგარი ვოკალი აქვს. – ვოკალის ყურებას თავი გაანებე და სიმღერას მოუსმინე, - ურჩია მარომ. («- Михо и Маро в опере. – Посмотри, Маро, у той женщины какой сильный вокал! – Ты прекращай смотреть на вокал, лучше песню послушай, - посоветовала Маро»); способность к криминалу: გამოძიებელი თანაგრძობით უყურებს დაქვრივებულ ქალს და ეკითხება: - ქალბატონო, გაიხსენეთ, რა თქვა თქვენმა ქმარმა სიკვდილის წინ? – კი ბატონო, - უპასუხა ქალმა, - მაგ თოფით ნუ მაშინებ, მაინც ვერ მომარტყამო. («- Следователь с сочувствием смотрит на овдовевшую жену и спрашивает: - Госпожа, вспомните, что вам сказал муж перед смертью? - Помню, - отвечает женщина, - «Ты меня этим пистолетом не пугай, все равно не попадешь!»); «свободный» образ жизни: ბიჭო, რა მოწყენილი ხარ რა გჭირს? – ჩემს ცოლს შიდას აღმოაჩნდა!.. რა დაგემართათ, ვისუმრე, ბიჭებო, ასე რამ გაგაფითრათ?. («- Бичо, ты чего такой грустный? – У моей жены СПИД! ... - Вы чего это, я, парни, пошутил, чего вы это так побелели?»); нелюбимая: შვილო, როგორაა შენი და ვანოს საქმეები? – სულ წვრილმანებზე ვხსუბობთ, – პასუხობს ქალიშვილი დედას. - მაგალითად? – აი, მაგალითად, მე ქორწილში მიხდა თეთრი კაბის ჩაცმა, მას კი საერთოდ არ უნდა ჩემი ცოლად მოყვანა. («- Дочка, как дела у тебя и Ваню? – Мы ссоримся по пустякам, - отвечает дочь матери. – Например? – Ну, например, я на свадьбу хочу надеть белое платье, а он вообще жениться не хочет»).

При первом знакомстве с грузинскими анекдотами бросается в глаза частота этнонимов в зачине и в качестве объекта юмора в комической ситуации. Складывается впечатление, что в общем корпусе грузинских анекдотов лидируют этнические анекдоты с местным колоритом и менталитетом. Однако цифровой подсчет позволил получить объективные данные: на их долю приходится ровно столько же, сколько и на посыл гендерных отрицательных образов – всего трижды по 19%. Это означает, что зрачок тематики приходится на названную триаду, в отличие от британского юмора, где критика сильной половины гендера содержится всего в 2,3%, а «прекрасной половины» – уже в 14,5%, то есть всемерно больше претензий у британцев к своим спутницам, нежели взаимных. Мы относим это за счет завышенной самооценки коллективного трикстера в андроцентричном обществе. О гендерном паритете в текстах анекдотов можно говорить лишь на грузинском материале, где в равной мере представлена критика обоих участников гендерной оппозиции.

При сопоставлении англо-американской культурной парадигмы в исследуемой области с грузинской, в том, что касается мессиджа «J», записанного в «лексической универсалии» (термин А.Вежбицкой 2001: 129) – «отношение к деньгам», следует отметить, что здесь

вырисовывается качественно иная картина. Особенность ее заключается в том, что, если британские джентльмены о деньгах почти не говорят, то их американские и грузинские гендерные гомологи говорят о них охотно и в равной степени (6% и 6% мессиджей), но в разной тональности. Остановимся на проявлениях латентного оценочного мессиджа «I» («отношение к деньгам») в грузинском корпусе анекдотов. Если финансовый вопрос здесь поднимается, то по совсем иным поводам; отметим, что тема была деликатно затронута только на трехсотом анекдоте! Перечисляем последовательно по списку ситуации в грузинских анекдотах, связанные с финансовыми проблемами: кража карточки, выбор кредитора, кража денег у начальства, брак по расчету, профессор на госбюджете, взятки учителю, автоинспектору, «где достать?», расточительность невесты миллионера, безденежный пациент, «новый грузин» в швейцарском банке, попрошайка и прохожий, просьба о повышении зарплаты, «новый грузин» и полицейский, фальшивомонетки, деньги и женщины, неоплата маршрутки, денежный подарок гиду, «грустный» счет на сберкнижке, бизнесмен о деньгах, раздел имущества. В качестве примера приведем наиболее типичные случаи: выбор кредитора: ვისგან სჯობია ფულის სესხება? – პესიმისტისგან, მას არასოდეს ექნება იმედი, რომ ვალს დაუბრუნებთ. («- У кого лучше всего одолжить деньги? – У пессимиста, он никогда не надеется, что ему вернут долг»); кража денег у начальства: – აი, ამ გარეწარმა დუბლიონკა მომპარა, - უჩივის სასამართლოზე საწარმოს დირექტორი საკუთარ მძღოლს, - მაგრამ ეს კიდევ არაფერი, მეორე დღეს ფულიც მომპარა. – კარგი რა, ბადრი პეტროვიჩ! აბა, დუბლიონკიან კაცს უფულოდ მეველო?. («- Вот этот негодник у меня украл дубленку, - жалуется в суде на своего шофера директор производства, - но это еще ничего, на второй день он у меня деньги украл! - Ладно вам, Бадри Петрович! Мне в такой дубленке, что ли без денег ходить?»); брак по расчету: ორი ახალგაზრდის საუბრიდან: -ბიჭო, გიამ ცოლი მოიყვანა, გაიგე? – სიყვარულით თუ ფულის გულისათვის? –ცოლი მოიყვანა ფულის გულისთვის, ხოლო ფული სიყვარულისთვის. («- Из разговора двух молодых. – Слышал, Гия жену привел? – По любви или из-за денег? – Жену из-за денег, а деньги - по любви»); профессор-госбюджетник: - გია, მამაშენი სად მუშაობს? – კერძო ბიზნესი აქვს მასწ... – თეონა, მამაშენი? – სამი სასტუმრო აქვს, მასწ. – გელა, შენი მამიკო? – ორი კაზინო და ოთხი ბარი აქვს მასწ. – ჯაბა, მამაშენი სად მუშაობს? – პროფესორია და ლექციებს კითხულობს. – წყნარად, ბავშვებო, ნუ იციბით, ჯაბას ოჯახის უბედურება გულისხმობს ახლოს უნდა მივიტანოთ. («- Гия, где работает твой отец? - У него собственный бизнес, учительница. - Теона, а твой? – У него три гостиницы, учительница. – Гела, а твой папа? - У него два казино и четыре бара. –

Джаба, где работает твой отец? – Профессор, лекции читает. – Тихо, дети, не смейтесь, к семейной беде Джабы нужно отнестись с должным сочувствием»); безденежный пациент: ექიმი პაციენტს: - თქვენ აუცილებლად მოგიწევთ თირკმლის გადანერგვა. – ექიმო, სხვა დაავადება მომიძებნეთ რა, ამას ვერ შევწლები ჩემი დაბალი ხელფასით! («- Врач-пациенту: - Вам обязательно придется пересадить почку. – Доктор, я вас умоляю, найдите во мне какую-нибудь другую болезнь, эту я не смогу оплатить своей зарплатой»); «новый грузин»: ახალი ქართველი შევიცარიის ბანკში შევიდა და კლერკს ეუბნება: - ფული მინდა შევიტანო ჩემს ანგარიშზე. – რამდენი? – ახალი ქართველი ჩურჩულით: - სამი მილიონი დოლარი. – შეგიძლიათ ხმამაღლა ილაპარაკოთ. ჩვენთან სიღარიბე სამარცხვინოდ არ ითვლება («- «Новый грузин» входит в швейцарский банк и говорит клерку: - Я хочу внести деньги на мой счет. – Сколько? – «Новый грузин» шепотом: - Три миллиона долларов. – Можете говорить громче, бедность у нас пороком не считается»); презент гиду: საინტერესოა ამ ციხე-კოშკთან რაიმე მნიშვნელოვანი მოვლენა თუ არის დაკავშირებული? - კითხულობს ტურისტი. – როგორ არა – პასუხობს გიდი, წინა ექსკურსიაზე ერთმა ტურისტმა 100-დოლარიანი მანქა. («- Какое-нибудь интересное событие связано с этой крепостью? – Как нет, сэр! – отвечает гид, - на прошлой экскурсии один турист подарил мне здесь сто долларов»); раздел имущества: შენ დედასთან გინდა ცხოვრება თუ მამასთან? – ეკითხებიან ბავშვს მშობლების გაშორების პროცესზე. – ეს იმაზე დადოკიდებული ქონების გაყოფის შემდეგ ვის დარჩება კომპიუტერი. («- Ты хочешь жить с мамой или с папой? – спрашивают у ребенка в процессе развода его родителей. – Это зависит от того, кто из них при разделе имущества заполучит компьютер»). И последний показательный: бизнесмен о деньгах: რომელიმეც ბიზნეს შეხვედრაზე ერთ-ერთი მხარის წარმომადგენელი სიტყვით გამოდის: - დაიმახსოვრეთ ძვირფასო მეგობრებო, ფულის კეთების მილიონი საშუალება არსებობს, მაგრამ მხოლოდ ერთია პატიოსანი გზა. - რომელი? – აზრზე არა ვარ. («- На какой-то бизнес-встрече один из представителей произносит речь: - Запомните, дорогие друзья. Деньги можно делать миллионом способов, но только один – честный. - Какой? - Понятия не имею»).

Что касается грубовато-простоватого юмора, то, памятуя, что на каждого мудреца - довольно простоты, укажем, что таких случаев встретилось 4% в сравнении с американскими – 0,4%, британскими 1,1%. По понятным причинам, мы ограничимся лишь упоминанием грубо-примитивного юмора в работе научного свойства.

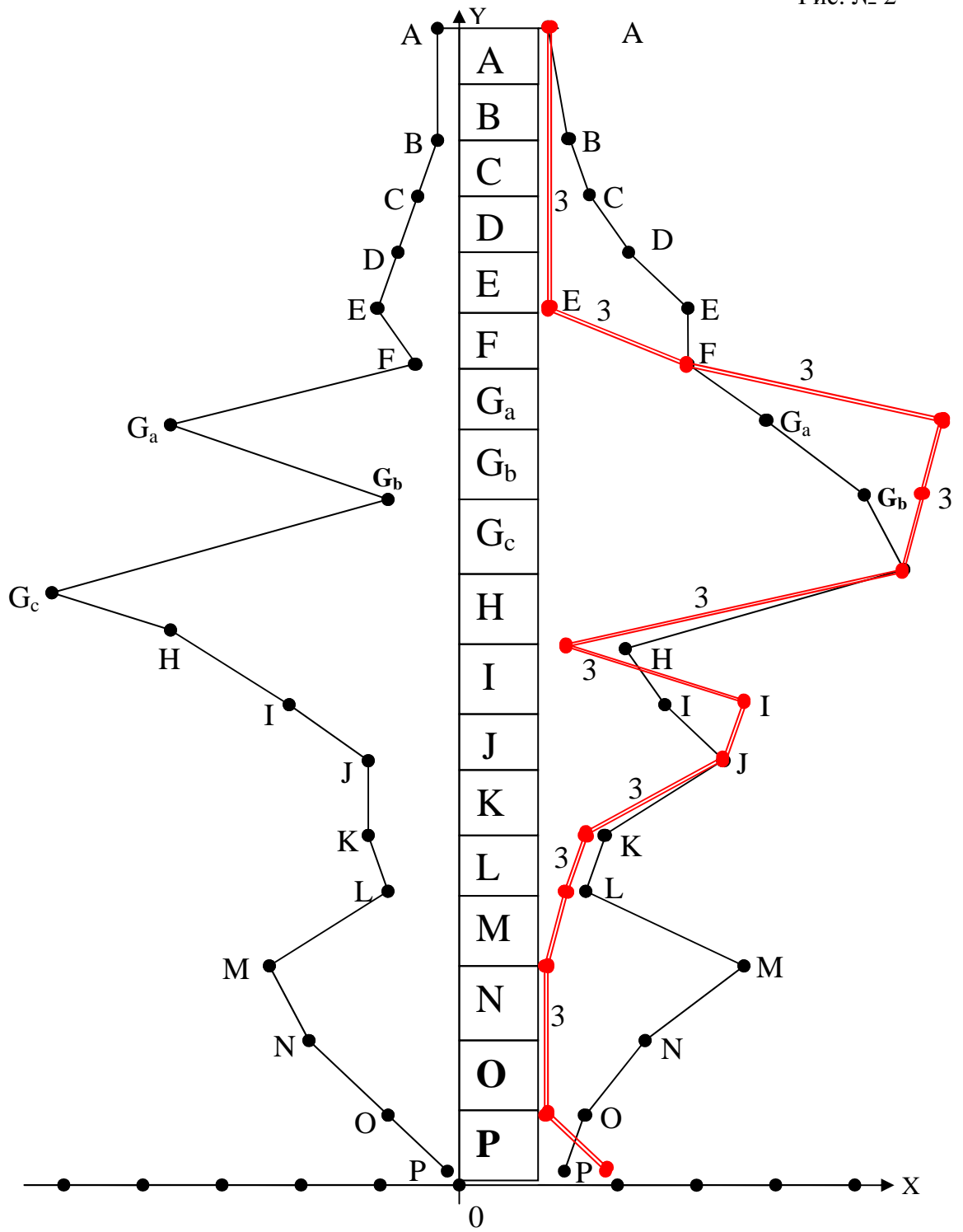
Относительно этнического юмора, представленного наравне с гендерным, справедливости ради следует отметить следующую градацию в его представленности:

сваны, мингрелы, рачинцы, гурийцы, кахетинцы, осетины, аджарцы, имеретинцы и жители городов Кутаиси, Тбилиси, Зестафони, Озургети. Итак, в процентном отношении идут по убывающей этнически-региональные «эндемики» о сванах – 48%, кахетинцах – 17%, о мингрелах – 16%, рачинцах – 8%. Далее по встречаемости следуют анекдоты об имеретинцах – 3,5 аджарцах – 1% и осетинах – 1%. На жителей городов Грузии пришлось, соответственно, три случая на Кутаиси, по два – на Тбилиси и Озургети и всего один – на Зестафони. Что касается представителей других наций, то таких случаев зафиксировано всего пятнадцать; из них о русских - шесть, о евреях – четыре, о чеченцах - два и по одному случаю о поляке, азербайджанце и китайце. Возможно, это объясняется культурно-этнической нормой, предписывающей исключать неприятные моменты в межнациональном общении, связанной с трудными моментами истории народа. Кстати, ни одного анекдота нами не было зафиксировано о другом приграничном соседе страны – Турции.

Визуализируя качественные и количественные имплицитные послы-мессиджи, можно выстроить так называемое условное «Древо юмора» по трем корпусам текстов: британского, американского и грузинского. Рисунок позволит наглядно представить очертания универсальной тематики, латентно заключенной в мессиджах, т.е. силуэт ответвлений разной величины и контуры «древа», свойственные различным лингвокультурным социумам. Это поможет наглядным образом представить общность и различия в менталитете территориально разделенных этносов, обладающих различными фоновыми знаниями и стереотипами. Вышесказанное иллюстрирует рисунок:

«Древо юмора»: британского, американского и грузинского

Рис. № 2

●—● 1:100

Масштаб: 1 см.-100 текстов

Примечание: брит.-слева, амер. – справа,
груз. – справа, под цифрой “3”.

2.2. Анекдот в качестве мессиджа андроцентричного общества

Немалое место в «смеховой индустрии» принадлежит анекдоту, являющемуся «основным комическим жанром для современной культуры» (Слышкин 2007: 455). О наличии такой отрасли культуры, как «смеховая индустрия» свидетельствует тот факт, что уже появились первые разработки по созданию алгоритмов комического, предназначенных для оказания психологического релакса работникам умственной сферы «остротами» компьютера (Котов arco@online.ru), - трикстера нового поколения.

Рассмотрение коротких юмористических текстов жанра «анекдот» до сих пор не происходило с точки зрения содержащегося в них глубинного посыла, т.е. мессиджей, влияющих посредством зашифрованных в анекдотной оболочке мыслей, парадоксальных и комических по содержанию. Проблема асимметрии картины мира, построенной на основании образов, рефлекторно возникающих в сознании слушателя-реципиента, не подвергалась исследованию с позиций гендерной лингвистики. При этом не подлежит сомнению, что авторами подавляющего большинства не только литературных, но и социально, психологически воздействующих текстов, являются представители «сильной половины» человечества. Они же - авторы комедий, бурлесков, лирики вагантов, шуток, каламбуров и, логично предположить, анекдотов. Напомним, что вплоть до XX в. почти все общества были патриархальными. Хотя вызвать «автора на сцену» - весьма проблематично, есть вещи, которые говорят сами за себя достаточно красноречиво: квантитативный пик в жанре «анекдот» приходится на вербальные дуэли с гипотетическим оппонентом противоположного пола во всех ролевых ипостасях: жены, матери, дочери, свекрови, тещи (первой и последней «достаётся» более всего, менее – матери, дочери, свекрови). Это можно объяснить тем, что в анекдотах могут найти воплощение все тайные мужские страхи перед двуликой женской сущью: дарующей и отнимающей жизнь. Картина схожа в рассматриваемых заокеанской и британской полиэтнических культурах. Немаловажное обстоятельство того, что современный городской анонимный постфольклор является гипотетическим порождением андроцентричного общества, диктует необходимость рассматривать анекдоты, как его артефакты, в русле новой науки – гендерологии. Логично напрашивается следующее утверждение – анекдот, как воздействующий текст, служит целям репродуцирования однополюсного, асимметричного андроцентричного патриархального общества, а, следовательно, служит сохранению status quo. Однако, в отличие от народного фольклора сказителей и Арин Родионовных, современный городской фольклор в значительной мере носит следы сексизма, как в количественном, так и в качественном выражении. Двойной стандарт сказывается, с одной стороны, «обличением» того, что на самом деле, характеризует обычную фемининную сущность, а с другой

стороны, всего лишь добродушным подтруниванием над типичными крайними проявлениями маскулинности. При этом в ранг шуток возводятся самые неприглядные стороны гендерных отношений, приносящие подчас страдания оппонированному большинству. По последним данным, женщины составляют свыше 55% взрослого населения как США, так и Великобритании. Идея сохранения status quo решается различными способами, один из них – внедрение мужского шовинизма в обыденное сознание наиболее приятным и одновременно наиболее эффективным способом эмоционального воздействия в неформальной обстановке.

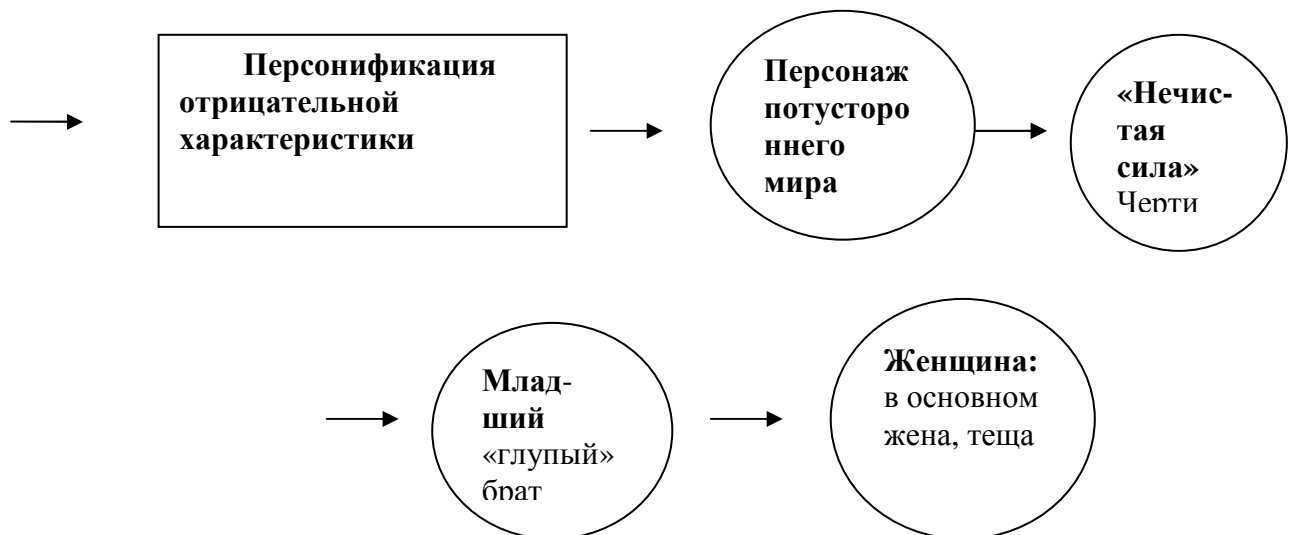
Поскольку особенностью жанра «анекдот» является полная анонимность автор-креативщика, мы не можем с полным основанием утверждать, что данный жанр является плодом коллективного творчества мужского сообщества, однако есть все основания полагать, что это так. И выводы антропологов косвенным образом говорят о том, что смех и юмор – это более мужское занятие, чем женское (Бутовская 2004: 81-86). В первую очередь, на это указывает сам язык. Если мы обратимся к этимологии слов, то обнаружим, что тексты рассматриваемого жанра являются проекцией, как правило, мужской креативной субкультуры: слова, означающие «шутник» (wag), «балагур» (joker, jester), «клоун» (clown), «балаганщик» (showman, clown), «шут» (fool, jester, clown, buffon), «остряк», «острослов» (wit, wisecracker), «гаер», «шутник» (tomfool), «баламут» (trouble-maker), «хохотун» (merry fellow), не имеют соответствий женского рода в английском языке. Добавим, что уходящие корнями в латынь номинации мужского рода также изначально кодируют мужское начало остроумия и комического вообще: *cahinno, ōnis m* – «хохотун, насмешник», *gelasianus, i m* (греч.) «шутник, остряк»; *garitor, oris m* (<*garrio*) «болтун» (Дворецкий 1976). Можно предположить, что язык способен оказывать влияние на действительность, проецируя маскулинное начало, заключенное в этимонах мужского рода. В мире англофонии гораздо более объектом гендерного юмора оказываются женщины: в 16% и 17% случаев, соответствующим 12% и 6% мессиджей с негативом мужского образа в британском и американском постфольклоре.

Иная картина предстает в грузинском юморе постфольклора: 19% негатива мужского и столько же 19% негатива женского образов содержится в анекдотах грузинского социума. Думается, цифра не случайная еще и потому, что этимологически в грузинских наименованиях трикстеров почти в равной мере встречаются обозначения как мужского, так и женского родов: Шутник – шутница – მ., მდ. ხუმარა, მასხარა (ქალი), ქილიკი; балагур – соответствия м. роду: ლაზღანდარა, ხუმარა, მასხარა, ოხუნჯი; шут – 1) ძვ. მასხარა; 2) ხუმარა, ქილიკი; шутиха – 1) მასხარა (ქალი); остряк – მ. საუბ. ხუმარა,

ენაფხიანი, ენამახვილი კაცი; острослов – მ. წიგნ. სიტყვათმახვილი; баламут – მ. საუბ. შფოთის ამტეხი, შფოთისთავი; хохотун – მ. საუბ. მოხარხარე, მოხიბხიბე; хохотунья-მდ. საუბ. ხიბხიბა, კისკისა (ქალი); хохотушка - то же, что хохотунья; весельчак - მ. საუბ. მხიარული, ხუმარა (ადამიანი) (რუსულ-ქართული ლექსიკონი 1956).

Как случилось так, что по негативу посылаемого имиджа женщина стоит впереди планеты всей? - Полумифические персонажи из царства незрячих теней переключиваются в облике бесов-чертей в религию, а затем - в народный фольклор, в котором черты нелепого поведения и действий неадекватны младшему члену семьи, находящемуся внизу семейной иерархической лестницы. Затем, с развитием городского фольклора и постфольклора, в современном постиндустриальном обществе роль младшего «глупого» брата отдана на откуп другому «крайнему» члену семьи, - женщине. Таким образом, роль мишени трикстера в андроцентричном мире отводится младшему, подчиненному члену семейства, который, «что ни делает..., все делает не так». В дальнейшем второй член бинарной оппозиции сильный : слабый (иными словами, неправый), сместился от члена семьи в гендерном направлении, «изобличая» нелепость фемининности. Общую схему эволюции гендерной оппозиции можно представить следующим образом на рис. № 3:

Эволюция гендерной оппозиции в постфольклоре

Этот собирательный образ формирует гендерный стереотип, включающий типизированные фемининные характеристики этнического гендеростереотипа. Так, традиционно мужские черты характера воплощаются в таких качествах, как

инициативность, агрессивность, экстравертность, находчивость вкупе с остроумием и красноречием (Кошелев 2007: 270). Женский гендерный стереотип в исследуемых культурах наделяется такими свойствами характера, как: расточительность, нелогичность, алчность, ветреность и т.п. Об асимметрии свидетельствует акцентирование этих общечеловеческих черт именно у женщин. Конкретные примеры по вопросу нами приводились ранее, в предыдущем параграфе 2.1.

Модификация гендерного стереотипа зависит от иной социальной ситуации, новой визуальной и другой информации, делающими целесообразной модификацию образа. Это объясняется необходимостью обеспечить узнаваемость образа, - важнейшего качества, без которого невозможен комический эффект.

Проекция одной реальности на другие, могущие совпадать или не совпадать в своих контурах, порождает вариативность анекдотных текстов: в случае совпадения ядра «прототипического мира» реальностей, расхождения текстов носят минимально выраженный характер. Косвенные приметы дают основания полагать, что в современном городском фольклоре более всего и в основном, выражен мужской опыт мировосприятия и его психологическая и иная специфика во всех областях социальной жизни, начиная с семейно-бытового уровня и заканчивая отношениями родственными, профессиональными и политическими в лингвокультурном социуме.

Таким образом, в нашем исследовании смыкаются как гендерные исследования и гендерная теория, - одна из новейших наук, находящаяся в стадии формирования, так и работа в области, смежной другим гуманитарным дисциплинам – лингвокультурологии, социо- и психолингвистики, философии. Это представляет собой радикально новый подход к изучению постфольклора, а именно, - с позиции гендерной асимметрии, проявляющейся во всех областях языковой деятельности, формирующей и отражающей одновременно гендерный социальный статус, как продукт развития общества.

Мы далеки от мысли о том, что анекдоты могут быть использованы в качестве инструмента социального неравенства, скорее всего, они его отражают скрыто, закодированно, передавая мессиджи нелестного содержания, особенно ярко проявляющие себя в максимально представленных в корпусе анекдотов общей тематики критического отношения к лицам женского пола: теще, жене, вдове и т.д.

Современная философская мысль утверждает существование двух равноправных модусов бытия – реального и виртуального. Последний модус находит свою реализацию в онтологической сфере, ибо семиозис, как порождение любого текста, невозможен без главного действующего лица – индивида, обладающего как креативной, так и рекреативной функцией. Совпадение по звучанию однокоренных слов (от лат. глагола *creare* - творить,

создавать, производить) дублируется семантическим унисоном: «креативщики», творчески и созидательно мыслящие люди, по определению, не могут не обладать другой ценной способностью – **рекреативной** функцией, т.е. чувством юмора, способствующего восприятию комического, как несоответствия стереотипам реального мира.

Согласно К.Г.Юнгу, коллективный собирательный образ трикстера, нарушителя иерархии и установленного порядка, являет собой совокупность всех низших черт характера в людях и в то же время одинаково близок образу культурного героя (Юнг 2005: 25), интерпретируясь как творец мира и культуры, с ее категориями должного и приемлемого. Таким образом, наиболее выпукло мужской шовинизм и андроцентричность представлены в образцах городского постфольклора, анонимными авторами которого являются трикстеры, ораторы, писатели, в подавляющем большинстве своем относящиеся к сильному полу. Об этом свидетельствует также языковая маркированность названных *Nomina agentis*, т.е. имен деятеля. Вопрос гендера в общем континууме изучаемых нами текстов жанра «анекдот» является ключевым постольку, поскольку он представляет собой количественный пик популярности и частоты циркулирования в аксиологической картине мира, выстроенной с помощью эксплицирования скрытых посланий-мессиджей, заключенных в оболочку перевернутой ценностной картины мира.

2.3. Специфическая форма коммуникации:

роли адресанта и адресата при передаче юмористического текста

Субноминальная информация, присутствующая в тексте адресанта, создает подсознательное послание и может быть выражена субноминальными посланиями, мессиджами типа «do it». Эти воздействия не могут быть блокированы сознанием, так как они настраивают адресата на восприятие положительной, с его точки зрения, информации, приносящей *relax*. Таков психологический механизм проникновения в подсознание и коллективное сознание субноминальной имплицитной информации. Более того, происходит разблокировка негативной памяти и внушение респонденту определенной информации, директивно не выраженной в тексте послания – мессиджа.

Существует возможность абстрагировать основную форму коммуникативного поведения адресата и адресанта при передаче юмористических текстов для исследуемых культур. Она уже эксплицитно выражена и присутствует в виде самых общих характеристик паттернов (термин Джона Хонигмана), как общих форм поведения, передаваемых индивидами и общепринятых проявлений эмоций в социуме. К примеру, расхожим местом стала суховатая полуулыбка англичан и раскатистый смех свободного от «комплексов» американца на невербальном уровне неформальной коммуникации.

Эмоциональные ответы индивидов могут быть запрограммированы в соответствии с общим рисунком или конфигурацией их культуры, что позволяет говорить о «культурно моделированной личности» (термин Ле Вина). Подобного рода личность стремится соответствовать ожиданиям, с которыми коммуниканты, владеющие общей культурой, вступают в речевое общение. Восприятие адресата предопределено его культурно обусловленной моделью поведения и, хотя конкретный вариант реакции может быть индивидуален, он вписывается в конфигурации этнической картины мира и представления о типовом поведении коммуникантов в данной коммуникативной ситуации. Поэтому а priori можно утверждать, что поведенческий сценарий адресата зависит от культурно обусловленной модели поведения.

В силу активизации интереса к межкультурной коммуникации и межкультурным сопоставительным исследованиям, в частности, а также к коммуникативному поведению вообще, как совокупности норм и традиций общения народа, назрела необходимость научной систематизации фактов в области национальной специфики общения (Стернин 2000: 4-5). Вместе с тем, исследователи отмечают неразработанность методов, приемов, терминологического аппарата описания структуры коммуникативного поведения, как и само определение этого явления, хотя и признается необходимость выделить описание коммуникативного поведения в отдельную стыковую науку (Нинуа 2005: 211; Стернин 2000: 4-8).

Исследование современного городского фольклора, т.е. коротких юмористических текстов, бытующих в виде смеховых текстов-анекдотов, является одним из источников изучения коммуникативного поведения. При этом предметом исследования могут служить активные коммуникативные действия адресанта смехового текста и реактивные коммуникативные действия адресата или реципиента, предполагающие вербальный и невербальный компоненты их коммуникативного поведения. В качестве одной из характеристик анекдотов, как артефактов постфольклора, является определение, предложенное Ф. Кайнцем относительно различных видов речевых высказываний с психологической точки зрения. Эта классификация - одна из наиболее полных классификаций различных видов речевой деятельности, выделяет среди прочих видов речи, **стохастическую** речь (Reihensprechen), осуществляющуюся при воспроизведении отрезков текста, выученных наизусть, - а к таковым можно отнести анекдоты, а также **реактивную** речь, как ответную реакцию на определенное высказывание (Kainz 1951: 112).

Существует точка зрения, согласно которой признаются не два, а три участника речевой ситуации: тот, кто говорит, тот о ком говорят, даже если это неодушевленный предмет и, наконец, третий участник - это тот, к кому обращается говорящий (Тодоров 1999: 376-377).

Однако язык, включенный в социальную матрицу, согласно новым теориям аргументации, предполагает фиксацию, конструирование и трансформацию онтологии мира адресата.

Анекдот, как особый вид «речевого жанра» (Бахтин), обладает своей особой коммуникативной стратегией в пределах нарративных, т.е. сюжетно-повествовательных дискурсов. Отличия коммуникативной стратегии смехового жанра городского фольклора заключаются также в риторике коммуникативных структур, коммуникативных компетенциях адресантов и адресатов дискурса, бытийных компетенциях своих персонажей (Тюпа 1995: 1-3). Отношения коммуникантов в данном случае не строятся по вертикальному принципу иерархичности: в каждом коммуникативном акте предполагается заведомая эгалитарность партнеров, при которой инициативная функция адресанта компенсируется свободной рецептивной позицией адресата, вплоть до подчеркнутого молчания, демонстрирующего, скажем, негативную оценку сказанного в случае неуспешности коммуникативного акта. В рецептивную компетенцию адресата входит также отсутствие установки на репродуцирование услышанного текста, оттого и типична ситуация «посмеялся – забыл». Цепочка передачи смехового текста может легко прерваться из-за отсутствия установки, несоответствия картине мира, недостоверности информации, приравненной частному мнению и потому не требующей истолкования и пр.

Императивность передаваемого текста проявляет себя в виде свернутого латентного мессиджа на уровне мыслеобраза и выступает в роли «26-го кадра», по аналогии с 25-м, скрытым кадром в кинотехнике, не фиксируемым человеческим сознанием, но проникающим в подсознание, минуя первую, «цензурную» инстанцию. В «26-м» вербальном кадре, т.е. мессидже, посылаемом адресантом текста анекдота, императивность послания максимально затушевана и заретуширована, т.к. именно внутреннее раскрепощение, снятие уз и оков всего неприятного, является аттрактивным фактором данного дискурса для реципиента.

Есть еще один фактор, предрасполагающий к успешности данного коммуникативного акта, *sine qua non*, - то, что в терминах науки звучит, как рекреативная компетенция (Тюпа, там же), иными словами, «чувство юмора». В случае нарушения речевой стратегии адресантом, когда им не была просчитана названная рецептивная компетенция слушающего, можно сказать, пользуясь охотничьей терминологией, что «выстрел был произведен без тщательного прицела».

Чаще всего под маской смешного и неожиданного, адресату сообщается нечто банальное, укладывающееся в рамки тривиальных стереотипов, или сообщений-мессиджей. Может сообщаться даже нулевая информация в случае вербальных игр. Все эти «ожидаемые неожиданности» преследуют иную глобальную цель, - привести реципиента в

состояние веселья, душевного комфорта и удостовериться адресанту в своем мастерстве рассказчика и остролова.

Предполагается, что анекдотический нарратив моделирует окказиональную картину мира, отрицающую любой миропорядок и «правильное» мироустройство. И все же мы считаем, что такая окказиональная картина мира позволяет косвенным образом смоделировать национальную картину мировосприятия методом «от противного», т.е. зыбкого, неустойчивого, мобильного и лабильного нарративного жанра анекдота. Если перевернутое поставить «на ноги» и сорвать маскарадные маски, то окажется, что не только «у кого что болит, тот о том и говорит», но и оказывается, что «тот» смеется для раз – и от – влечения от болевых синдромов общества, нации, человечества и здесь выходит на первый план анестезирующая функция смеха.

Наконец, своеобразие бытийной компетенции персонажа анекдотного текста состоит в самореализации персонажа, как личности, имеющей право на любую инициативу, в том числе и дурацкую, неожиданную, порой кощунственную, как, например, в «черном» юморе. Анекдотические персонажи выступают в роли объектов эстетического наблюдения; именно поэтому анекдот предполагает диалогическую ситуацию и рассказать его самому себе так же абсурдно, как и невозможно (Тюпа, там же).

С технической точки зрения анекдоты строятся по модели диалога, но с другой стороны, как диалоги искусственные, они конструктивно ближе к беседе. Скорее всего, они находятся на стыке беседы-диалога и монологической формы речи. Эту форму речи отличают внимание к отбору слов, стремление избежать тавтологий, тщательное композиционное построение предложений, их полная синтаксическая самостоятельность и пр. С точки зрения семантики живой диалог, - это две и более различающихся в чем-то точек зрения; монолог, - это единственное, ничем не оспариваемое мнение. Если мы имеем дело с искусственным построением – анекдотом, то такое мнение выражено латентным посланием - мессиджем, заключенным в занимательной истории. В этом плане короткие юмористические тексты по сути представляют собой монологи, хотя с точки зрения композиции они состоят из реплик диалогического плана, ведь, как правило, юмористические тексты жанра имеют диалогическую структуру. Тем самым создается ситуация двойной коммуникации, при которой звучат внешний (коммуникантов) и внутренний (искусственного диалога анекдота) планы диалогов.

Нижеследующая схема позволяет наглядно реконструировать процесс взаимного речевого воздействия адресантов, т.е. отправителей и адресатов анекдотного текста.

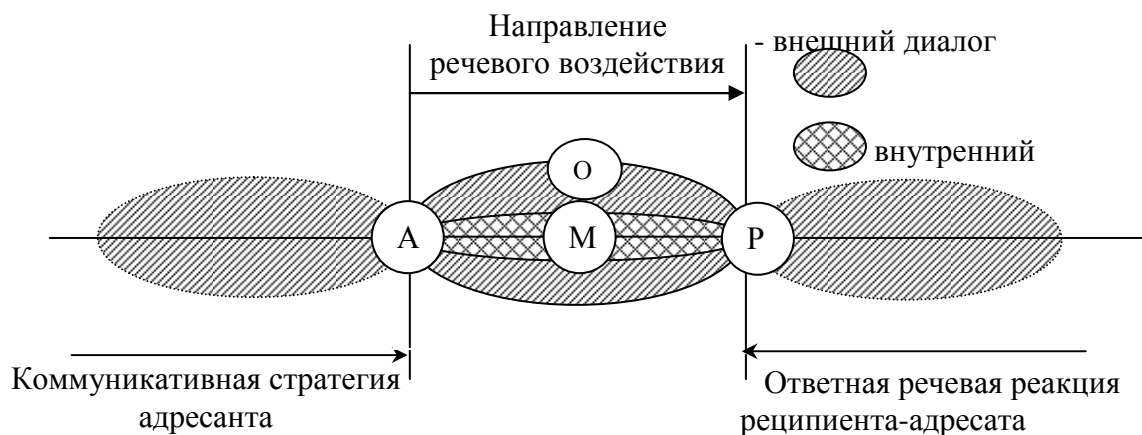
Рис. 4. Ситуация двойной коммуникации анекдота

М-имплицитный мессидж

А - адресант

Р - реципиент или адресат

О – объект сообщения

С точки зрения интенционального аспекта речевого акта и совершения определенного посылы со стороны субъекта речевого воздействия, нам представляется возможным говорить о латентной информации мессиджа, посылаемого адресантом в процессе локуции. Короткий городской юмористический текст является ментальным результатом человеческой деятельности, или ментальным артефактом (термин Майкла Коула). Исходя от частного случая к общему, т.е. тому, что содержится в данном ряде случаев, мы смогли бы обобщить наблюдения и выводы, интуитивно полученные нами путем дедукции. Обобщающая сила мессиджа состоит в том, что один и тот же мессидж может повторяться бесконечное число раз в практически неограниченном корпусе смеховых текстов. При получении мессиджей, обозначенных системой символов, появилась возможность конструирования общих и частных моделей комического «коллективного эго» в американском и британском социумах.

Мы локализуем мессиджи в пространстве представлений; они следуют друг за другом произвольно, по мере того, как на основании опыта, мы интуитивно выделяем эти послания, давая им латинское алфавитно-буквенное обозначение. Таким образом, критерием выделения мессиджа является опыт и он является способом выражения повторяющихся экспериментальных фактов. Выделить инвариант, т.е. мессидж, повторяемый из истории в историю, - значит, отыскать то, что остается в нем неизменным при перемене очередного фольклорного текста.

С точки зрения теории речевых актов, в анекдоте реализуются все три уровня речевого акта: посредством произнесения текста анекдота, адресант может отвлекать от дела, грустных мыслей, развлекать, успокаивать, смешить, веселить и т.п. В иллокутивном акте эти действия совершаются с помощью такой макроединицы общения, как связный текст в

диалоге с адресатом – реципиентом. Локутивный акт существует в нашем случае обычно в двух ипостасях; перлокутивный акт состоит в воздействии или попросту действии на собеседника и способен вызвать у него целый регистр реакций - от веселья, - до скуки и раздражения. В анекдотах, к примеру, иллюкутивная цель высказывания не всегда и не для всех очевидна, как и сама интенция адресанта, хотя и связана непосредственно с содержанием его высказывания. В ментальных же перформативах трикстера не столько изменяется ментальное пространство, сколько оно поддерживается и воспроизводится с помощью ограниченного континуума мессиджей, большинство из которых носит оценочный характер.

В перлокутивном воздействии высказывания на чувства и мысли адресата, нам представляется необходимым разграничить его непосредственную реакцию (молчание, смех, раздражение, реплики) и ментальный образ, впечатление, оставленные полученным мессиджем с учетом возрастного, социального, гендерного, и личностного факторов. Как показали специальные исследования, детали сообщаемого забываются через короткое время, но общее впечатление сохраняется надолго (Почепцов 2007: 2). И вот это длительное впечатление создается не текстом, который овнешняет скрытое имплицитное послание, но, вопреки ожиданию, на 93% зависит от врожденных свойств и качеств говорящего и только на 7% - от лексического наполнения вербального сообщения (там же: 3). Это еще раз подчеркивает роль личностного фактора говорящего, как инициатора коммуникативного акта, а так же свидетельствует о лучшей памяти на невербальные события, тесно связанной с более древней образной формой мышления. Обозначение словами, вербализация образов «злой тещи», «капризной, сварливой жены», «неблагодарных детей» и т.д. перекодирует стереотипы и впечатления с уровня невербальной коммуникации на уровень вербальной коммуникации фольклорного нарратива. Перекодировка в корпус вариативных текстов опирается при этом на континуум универсальных инвариантных образов, передаваемых мессиджами. Это явление схоже с тем, как неологизмы формируются в языке по аналогии с моделями словообразования, уже существующими в языковой системе.

Чаще всего такие мессиджи опираются на глубинные образы в памяти, что значительно облегчает их прием и делает незаметным силу их внушения. Тематика таких посланий - мессиджей, обладающих подсознательным внушением, может быть выстроена в виде конструкта, условно называемого нами «древом юмора», которое обладает асимметричной конфигурацией в силу различия социальных, культурных и этнических факторов (см. рис. № 2). Очертания такого «древа юмора» можно сравнить с распределительным щитом, по терминологии А. Пуанкаре. Этот щит возникает не случайно: «Имеется связь между сигналом A_1 и ответным ударом B_1 , это внутреннее свойство нашего ума. Но чем

объясняется эта связь? Тем, что ответный удар B_1 позволяет действительно защититься против опасности A_1 , а это – факт, внешний для нас, это – свойство внешнего мира. Таким образом, наш распределительный щит есть лишь выражение совокупности внешних фактов;... он приспособлен к миру, имеющему определенные свойства, ... этот щит установлен для того, чтобы можно было жить в этом мире» (А. Пуанкаре 1990: 542).

Итак, культурно обусловленная модель поведения способна диктовать поведенческий сценарий коммуникантов при передаче смехового текста. Например, в коммуникативные привычки адресантов американских и грузинских фольклорных текстов не входит испытание долготерпения адресата многорепликовыми анекдотами, чего не скажешь о британских трикстерах, чьи jokes простираются до двадцати трех реплик максимум.

Вышесказанное подтверждает, что фольклорные тексты, в том числе короткие юмористические истории современного городского постфольклора не только аккумулируют морально-нравственные нормы и традиции этноса, но и текстуально вербализуют коммуникативные привычки и сценарии определенного социума.

2.4. Этнический и колониальный юмор как одна из возможных позиций адресанта

Юмор, чье острие нацелено на определенные национальные сообщества, не является формой народного самовыражения; перефразируя известную сентенцию, можно сказать, - «Скажи над кем ты смеешься и я скажу тебе, кто ты» и это реальный серьезный урок кажущейся несерьезности. Юмор, этот легкокрылый мотылек дискурса, почти неуловимый и не поддающийся классификации, как это принято считать, на самом деле является источником откровений, ключиком к тайнам бытия, указуя на его болевые точки. Избирательность мишеней юмора может многое сказать об истории народов, их соперничестве и комплексах. В настоящий момент Европа, строя общий дом, в значительной мере озабочена моментами, объединяющими культурную многоголосицу. Однако в ней продолжают звучать ироничные реплики в адрес народов, населяющих соседние страны. Так, например, традиционен юмор шведов и датчан над жителями Норвегии, французов над бельгийцами, а португальцев - над их единственными соседями – испанцами. Ироничная непримиримость и тонкие уколы самолюбию нации заменяют ведение войны с ее открытой и вооруженной враждебностью и в какой-то мере являются ее продолжением в мирные дни (Ferrieux 1997).

Мотив высмеивания соседних народов у всех стран одинаков, - это консолидация взаимного согласия, экономическое и политическое соперничество. Такое

самовозвеличивание за счет другой нации способствует поднятию у некоторых индивидов национального духа и гордости, избавляя от комплекса неполноценности.

Так, на вопрос, почему в Великобритании отсутствует антисемитизм, Маргарет Тэтчер в свое время ответила: «Мы ни в чем не считаем себя хуже евреев». Это еще один аргумент в пользу того, что основным мотивом насмешливого отношения к другой нации является нетерпимое отношение к достоинствам соседей или, как сказали бы психологи – скрытая досада по совсем другому поводу, помогающая справиться с собственными проблемами. Справедливости ради отметим, что чаще всего подобная дискредитация происходит взаимно, в обоих направлениях. Если же этого не происходит и юмор носит однонаправленный характер, есть все основания считать его образчиком «колониального» юмора.

Следует различать шовинистическую предвзятость, свойственную определенной категории англичан, с одной стороны и здоровое отношение к другим нациям в культурной среде, - с другой. Именно такой, неструктивный подход к данному вопросу демонстрируют С.Хилл и Д.Г.Лоуренс, рассуждая устами своих героев: «... я сторонник мирных взаимоотношений, по-моему, сам живи и другим не мешай. Все народы должны жить в дружбе... Пусть у других народов другие обычаи, но люди везде остаются людьми» (Хилл 1981: 625-626). Ему вторит герой новеллы Д.Г.Лоуренса, которого не волновало величие Британской империи и слова «Правь, Британия!» вызывали разве что усмешку. Он был чистокровный англичанин, совершенный представитель своей нации... и считал, что бывают люди хорошие по своей природе, бывают дурные и национальность тут ни при чем» (Лоуренс 2000: 173).

Одно из самых трудных искусств на свете – это искусство жить на земле с себе подобными, и чем они ближе, тем это искусство виртуознее. В одинаковой степени это касается территориально ближайших соседей англичан – ирландцев и шотландцев.

В так называемом колониальном юморе об ирландцах и шотландцах мы встречаем чрезвычайно характерный образ «простаков» самого разного толка. Как правило, это скупые, до абсурда скарденные люди, часто туповатые, совершающие идиотические поступки, допускающие нелепые высказывания. Зачастую это люди приниженные и малообразованные, презираемые представителями иной национальности – англичанами (Ливергант 1986: 18-21). Вот один из образчиков наиболее типичных анекдотов, отражающих «колониальный» юмор о «простом шотландском парне»: “A Scotsman passing a street in London drops a shilling. He looks for it for a long time before a policeman comes to him and says, - Leave your address, and if I find it I will send it to you. A year later the Scotsman visits London again and gets in the same street. The whole street is dug – they construct the subway

there. –Losh! says the Scotsman, - This guy keeps his word!” («Шотландец, проходя по лондонской улице, уронил шиллинг. Он долго искал его, пока подошедший полисмен не сказал: - Оставьте ваш адрес, если я найду монету, то вышлю ее вам. Через год шотландец приехал в Лондон, опять оказался на той же улице. Вся улица была перерыта – строили метро. – Ничего себе! – сказал шотландец, - Этот парень - человек слова»).

Можно было бы продолжить список анекдотов, красноречиво описывающих алчность и жадность, граничащие с указанием на крайнюю бедность «лиц шотландской национальности», гордо носящих приставку к фамилии «Мак». Прояснить, почему англичанам столь «не повезло» с соседством, поможет небольшой исторический экскурс. Начиная со времен официального объединения Англии с Шотландией, т.е. с 1654 г., последняя значительно отставала в экономическом отношении от страны – метрополии. Начиная в 18 века, по окончательном разрушении кланов, происходила массовая эмиграция. «В горах мое сердце...» Роберта Бернса стало своеобразным национальным гимном для тысяч шотландских бедняков – эмигрантов, разбросанных по свету.

Сгон шотландцев с родной земли заложил фундамент английского капитала. Существующий уровень безработицы намного превышал показатель по Англии, что привело к тому, что в 19-20 вв. эмигрировало 2 млн. из 5 млн. жителей Шотландии. Такой расклад во многом объясняет вынужденную скупость и крайнюю нищету страны, которая, отметим, производит 1/3 британских судов. О легендарной скупости шотландцев говорит еще одна история: «Бутылочная почта шотландца»: “We had a shipwreck. Help us! John MacPherson. P.S. Pass this bottle to my brother Jack. It costs two pence” («Мы потерпели кораблекрушение. Помогите! Джон Макферсон. Постскрипtum: Пожалуйста, передайте эту бутылку моему брату Джеку. За нее полагается получить два пенса»).

О неравномерном распределении капитала красноречиво свидетельствуют некоторые факты, дополняющие фоновые знания о значительном превосходстве благосостояния английской нации в сравнении с уровнем жизни других национальностей, населяющих страну. Так, число миллионеров в Великобритании достигло ста пятидесяти тысяч, а их совокупный капитал в настоящее время равняется ста двадцати миллиардам фунтов стерлингов. С 1995 года количество британских миллионеров ежегодно увеличивается на семнадцать процентов. При этом треть самых богатых людей Великобритании живет в Лондоне и на юго-западе страны (Бизнес-эксперт 2003 ноябрь: 44:). Следствием подобного экономического неравенства можно считать сравнительно низкий образовательный ценз, породивший серию фольклорных текстов о необразованности и невоспитанности северных соседей. Например: - We got new edition of Sonnets by Shakespeare with excellent illustrations. You should buy it! - Incredible”, says the customer, “Is he still writing?” («Продавец книжного

магазина советует покупателю: - Мы получили новое издание сонетов Шекспира с прекрасными иллюстрациями. Купите! – Не может быть, - удивляется покупатель – шотландец. - Неужели он все еще пишет?»).

Пример «отсталости и невоспитанности» являет собой следующий фольклорный текст: A Scotsman comes back from London and tells, -These Londoners are crazy.- Why? What's happened?- Just imagine, at 3a.m. a stranger broke into my hotel room and began swearing!-And, what did you do? -Nothing just continued playing my bagpipe”(«Шотландец возвращается из Лондона и рассказывает: - Это лондонцы все какие-то сумасшедшие. – А что случилось? – Представьте, часа в три ночи ко мне в номер гостиницы врывается какой-то тип и начинает ругаться! – И что ты сделал? – Да ничего. Продолжал себе спокойно играть на волынке»).

Поражает однообразие и какая-то монотонность в регистре фольклорных историй. Все они, без исключения, касаются заведомо одних и тех же отрицательных свойств и качеств, объединенных ключевым слово «скупость» по отношению к шотландцам. Нам представляется, что такая тенденциозная монотема является подтверждением колониального характера юмора. Как показало предыдущее исследование, регистр мессиджей - посылов, скрытых в британских, американских и грузинских фольклорных текстах, разнообразен и насчитывает до восемнадцати архетипов, критикующих различные стороны реальности и характерные черты англичан (Диасамидзе 2005: 89-92). Сведение к одной - единственной характеристике народа, давшего миру Б. Шоу, В.Скотта, Р.Л.Стивенсона и Р.Бернса, а также Барри («Питер Пэн») является объективной данностью, наводящей на размышление об ущербном свойстве «колониального» юмора. В отличие от юмора как такового, юмор «колониальный» не расширяет наших представлений о менталитете народа - «мишени». Напротив, он сужает представление о народе – как носителе только одного или нескольких недостатков. Такой узконаправленный подход тенденциозен в своей основе и потворствует «эффекту узнавания» расхожего мнения, с которым связано некое удовлетворение от сознания собственного превосходства: «есть англичане и не англичане». Явление пресуппозиции, предвзятого отношения в результате повторяющейся информации, может возникать в ситуации, определяемой формулой английского психолога Р.Б.Кеттелла: $R = S_1T_1 + S_2T_2 + S_3T_3 + \dots S_nT_n$ Проводя исследования в области юмора, он составил уравнение, которое позволяет предположить поведение человека в конкретной ситуации, где T - определенная черта, S – ее оценка. Это спецификационное уравнение дает возможность предсказать реакцию (R) индивидуума в будущем на основе характеристик его личности, оцененных в настоящем (Яровицкий 2004: 247). Это уравнение можно использовать для выведения способа формирования этнического стереотипа, где T – определенная общая черта, носящая пресуппозиционный характер, S –

очередная ситуационная история анекдота, где эта черта повторяется. В случае колониального юмора SnTn, вырабатывается определенный стереотип о поведении представителя национальности. Таким образом, в случае с «гипертрофированной скупостью шотландцев», судя по формуле S б0Т, где в шестидесяти историях (S)рассказывается об одной и той же черте (Т) – «скупости», мы имеем дело с пресуппозицией. Едва заходит речь о шотландцах в анекдотическом тексте, как слушатель – участник дискурса, уже заранее уверен (R), что речь снова пойдет о скупости шотландцев.

Впрочем, мелкие уколы не способны нанести моральный урон нации, чьей эмблемой, начиная с 10 в. является чертополох или колючий репейник, спасший шотландский народ от порабощения норманнами, как гласит легенда. С тех пор в Шотландии существует «Орден чертополоха», включающий 16 аристократов. Его девиз гласит: *Nemo me impune lacesset* – «Никто не может меня атаковать безнаказанно».

Юмор гротеска, доведенного до полного абсурда, называют «диким» (Андреев 1978: 401). Ирландский юмор отличает в первую очередь именно это качество – эксцентризизм, нелогичное, странное поведение, а также нестандартное мышление ирландцев – героев забавных историй. Как известно, к числу лучших свойств ирландского национального характера принадлежит обостренное чувство парадокса и парадоксальное мышление. О нем А.С.Пушкин высказался однозначно: «И гений, - парадокса друг». Ирландцы, - потомки древних скоттов, выходцев из Шотландии, носящей свое название лишь с 11 века. (С 1 в н.э. она именовалась древними римлянами Каледонией), унаследовали от своих предков многие качества, возможно, по этой причине изобилуют истории, твердящие о скупости ирландцев: *Children are playing outdoors. Suddenly a voice is heard from a little Irish house: Henry, my boy! Immediately take off your cap! There is torrid sun and your new cap will get faded!* («На улице играют дети. Вдруг из домика, где живет ирландская семейка, слышится: - Генри, мой мальчик! Немедленно сними панамку! Сейчас слишком жаркое солнце, и новая панамка может выгореть!»)

Многочисленные забавные истории, повествующие о повышенной скупости и скарденности представителей ирландского народа, соседствуют с фольклорными текстами, отражающими склонность к странностям пополам с чудачеством: «В Ирландии. – «Должно быть, господа, вы уже обратили внимание на то, что в Дублине люди кажутся одинаковыми. Вот на прошлой неделе я шел по улице и вдруг вижу, что навстречу иду я сам собственной персоной. Я даже побежал, чтобы скорее встретиться с самим собой, но убедился, что оба они на меня совсем не похожи». В подобном речевом экзерсисе на первый план выходит стиль, ставящий под сомнение реальность происходящего. Юмористические высказывания такого плана заставляют либо вспомнить о давней традиции при дворе ирландских королей

упражняться в риторических состязаниях, либо наводят на мысль об ирландском варианте барона Мюнхаузена.

В Ирландии давнюю традицию имеет так называемый «разухабистый юмор» (rollicking humour), который ассоциируется с бестолковым и болтливым недотепой, попадающим в разнообразные курьезные ситуации (Ливергант 1986: 18), например: A couple hires a small cart with a big mare to make a journey to Ireland. They ride along outskirts during a day, and stop by the river to rest. The husband, who has never lived in the countryside, begins to unyoke the horse. But, before that he takes his camera out and begins making pictures of the mare from different angles: front, side, back. -Why? Is it an extraordinary horse? - asks his wife -Sure, and I simply won't be able to harness it again without these pictures in the morning,- says the husband («Для поездки по Ирландии муж с женой взяли напрокат фургон, запряженный огромной кобылой. Целый день они разъезжали по окрестностям, а к вечеру остановились у реки отдохнуть. Муж, никогда до этого не живший в сельской местности, довольно смело стал распрягать лошадь. Перед этим он достал фотоаппарат для моментальной съемки и начал снимать кобылу в самых разнообразных ракурсах: спереди, сбоку, сзади. – Это, что уникальное животное? – спросила жена. – Да, конечно. К тому же я просто не смогу запрячь ее завтра утром, если не будет этих снимков»).

Многочисленность и типичность подобных нелепостей в анекдотах об ирландцах позволяет предположить, что они отражают отношение нации к невозможности что-либо понять в бессмыслице человеческого существования. В них звучит намек на абсурдность самой системы человеческих и межнациональных отношений, на неразрешимость вопросов бытия. Г.К. Честертон упоминает о «страшной трагедии Ирландии, которая, столько пережив, заливается задорным смехом» (Честертон 1984: 291). На известном социальном фоне шутки о Патрике или уменьшительно, Пэдди, герое псевдоирландского юмора, выглядят в ином свете и едва ли могут вызвать положительные эмоции от анекдотов у владеющего фоновой информацией. Дело в том, что rollicking humour включает в себя не только юмор ирландцев, но и юмор по поводу ирландцев. Такой «юмор» достаточно популярен в Англии, соответствуя английским шовинистическим представлениям об ирландском национальном характере.

Каждый анекдот выражает не только себя, но и нечто большее. Те, в которых заключен негативный, эмоционально отрицательный опыт, являют собой пример, как говорят экспериментаторы, важного отрицательного результата. Он представляет собой антиобраз жизни и мышления нации и народа, искаженный стереотипным представлением народа, живущего по соседству.

Слово «забавный» в словосочетаниях «забавный случай, забавная история», как первоначально именовался анекдот, имеет здесь сложный смысл: забавно, конечно, тем, кто, скажем, поймал в поле зверька, но не ему самому. Сравнение не столь безобидно, как может показаться: в нем скрыто, заключено ощущение неволи, в которой оказалась «пойманная», порабощенная нация.

Таким образом, колониальный юмор носит неполноценный и односторонний характер. Во всех этих смешных до слез и сквозь слезы историях, «эго» народа звучит как бы в третьем лице, словно отчужденном от всех остальных. Это голос единого «эго», о котором рассказывается только потому, что этот случай произошел и может произойти именно с ним, а не с другими. Когда этот голос сливается голосами других «анекдотических личностей», возникает сложная многоголосица, постепенно перерастающая от частного образа к всеобщему представлению о способах мышления и отношении к положению вещей у целой народности, нации.

Повторяемость ситуаций и образов, коллективный собирательный образ Paddy заставляет нас обратиться к вопросу о «типологии ирландского характера». Попутно разьясим источник собирательного ирландского имени, вернее, - имен, поскольку их несколько. Наиболее часто повторяемое в изучаемом жанре короткого фольклорного рассказа - собирательное имя Paddy, Pat. Paddy – герой английских анекдотов и карикатур, это уменьшительный вариант от полного имени собственного – Patrick. [Святой Патрик относится к самым почитаемым святым в Ирландии. Полулегендарный основатель ирландской христианской церкви считается покровителем Ирландии].

Со временем этими качествами стали традиционно наделяться последующие поколения ирландских «Пэдди». Их создатели - англичане не будут утруждать себя поездками в нищую и постоянно бунтующую колонию. Большинство их них черпает сатирический материал из опыта предшественников, либо из личных наблюдений за опустившимися ирландскими эмигрантами в Англии. «Пэдди превратился в такую же статью британского дохода, как ирландское пиво «Гиннес» или дешевая рабочая сила, в том числе и литературные дарования – неизменно высококачественный экспорт «изумрудного острова» (Ливергант 1986: 18-21).

Подобный юмористический стереотип, как и любой стереотип вообще, далек от действительности в силу своего ограниченного и предвзятого угла зрения и рассчитан на невзыскательные вкусы английского обывателя, чей девиз экономии мышления гласит: «Раз все так говорят, то так оно и есть». Штампы и готовые образцы, из принципа экономии мышления, всегда кстати обывателям любого народа и английский этноцентризм не составляет исключения.

Таким образом, амбивалентный юмор, то есть юмор, сочетающий насмешливость с мягко говоря, неприязнью, является дефектным юмором по определению. Ибо подлинный юмор как бы ставит себя на одну доску с предметом добродушного осмеяния. В «колониальном» же юморе налицо желание поставить этот предмет ниже и с высоты своего положения указующим перстом «изобличить» соперника, ставшего противником. Если взаимный юмор в общепринятом понимании носит линейный характер, то псевдоюмор – по нисходящей и восходящей вербального поединка, при котором набор характеристик (Т) народа в вышеприведенной формуле $R=S_nT_n$ - величина постоянная, независимо от разнообразия ситуаций (S) и количества примеров колониального юмора (n). Если считать анекдот маленьким шоу, которое имеет свою цель – принести пользу, сообщая силу и уничтожая зло, то цель юмора «колониального» и дефектного по своей сути, - ввести в заблуждение пресуппозицией индивидуумов, предпочитающих мыслить стереотипами.

Выводы

1. В результате проведенного исследования трех тысяч британских, американских и грузинских анекдотов, выявлена специфика британо-американского и грузинского юмора с качественной и количественной сторон. На основании процентного соотношения каждого типа мессиджей, вычисленного на основании текстов, взятых по отдельности, выстроено «Древо юмора». Оно характеризует болевые точки бытия каждого общества, а значит и латентные пожелания об изменении ситуации по каждому мессиджу. «Древо юмора» позволяет построить специфическую модель англофонного и грузинского юмора, включающую традиционные мессиджи для названных лингвокультурных социумов. В грузинском материале максимально представлена «этническая», скорее, межрегиональная тематика анекдотных текстов и на ее долю приходится квантитативный пик. Здесь же в одинаковой мере остро стоит проблема гендерной взаимокритики: тексты с отрицательным посылом мужского и женского образов находятся в текстах в гендерном паритете. Проблема профессионального несоответствия вдвое им уступает. Зрачок коммуникативных интересов, выраженных в коротких юмористических текстах, приходится на гендерную тематику в трех корпусах исследованных текстов. «Денежный вопрос», лидирующий в американском юморе, несколько специфично отражен в грузинском и не относится к центральной части проблем, обсуждаемых на бытовом уровне в грузинском постфольклоре.

2. Анекдоты – это тексты с двойной ипостасью, 1). транслирующей посылы, которые мы называем мессиджами и 2). осуществляющие репаративную и защитную функции. Отвлечение в современном постфольклоре к морализаторству вызвало к жизни тексты, не содержащие прямой посыл. С другой стороны, только косвенное обращение к болезненным темам способно выполнять функцию репарации, т.е. снятия психического дискомфорта, возникшего в результате несоответствия желаемого и действительного.

Юмор островной Англии и юмор континентальных США, отраженный в анекдотах, имеет свою специфику. Если первому присуща сдержанность и требование к соблюдению речевого этикета, независимо от ситуации, то для американского юмора более существенны другие стороны действительности, подлежащие обсуждению. В грузинских анекдотах чаще всего обыгрывается бытовая тематика.

3. Основная функция анекдота – снятие оппозиции: гендера, сильного и слабого, власти и народа и т.п. Эти оппозиции воплощены в оценочных послых, коротких формулах-мессиджах, отправляемых коллективным анонимным автором анекдотов – трикстером из среды городской интеллигенции. Количество таких мессиджей поддается исчислению и они универсальны для различных лингвокультурных социумов. Эти имплицитные послания, заключенные в тексте анекдота, по своей глубинной сути обращены к сохранению традиционных морально-нравственных идеалов. Необходимо отметить ту особенность, что в андроцентричном обществе общечеловеческие изъяны в исследуемых текстах приписываются лишь оппонируемой стороне, то есть женскому гендеру. В этом заключается особенность асимметрии мессиджей, содержащихся в анекдотах, когда во всех нюансах звучит мысль о принадлежности общечеловеческих недостатков гендерному оппоненту. Таким образом, постулируем первый и основной признак андроцентричности анекдотных текстов: пиковая констатация у гендерного оппонента общечеловеческих негативных характеристик.

III глава. Анекдот и национально-культурная картина мира

3.1. Аксиологическая картина мира в постфольклоре

Оценочность, передающая различную интенциональную направленность коммуникантов, также широко представлена в современном постфольклоре. Его исследование, как полагают ученые, позволяет дополнить описание аксиологической картины мира в рамках определенного языка, а также изучить лингвопсихические «привычки» его носителей (Гоциридзе и др. 2005: 342).

Перечисленные мессиджи-посылы, имплицитно присутствующие в каждом из текстов изучаемого жанра, актуализируют определенную сему категории оценки в зависимости от концептов, соотнесенных с определенными абстрактными или конкретными понятиями. Наиболее часто мы сталкиваемся с выражением оценочного отношения, связанного с абстрактными понятиями, передающими концепт, который актуализирует сему следующих категорий оценок: рациональной, морально-нравственной, философской и прагматической (Космеда 1997: 2). Если мы сгруппируем выявленные нами ранее мессиджи, то получим распределение сем категории оценки в британских, американских и грузинских текстах, которое можно представить следующим образом:

Таблица № 6

№	Категория оценки	Содержание категории оценки	Соответствующий мессидж-послание	Представленность в % в текстах		
				Брит.	Груз.	Аме-рик.
1	Рациональная	Восприятие окружающего мира	A – мне дискомфортно	0,6	2	1
			B – это плохо	4	0,7	2
			E – все как раз наоборот	4	3,5	9
			O – словесные игры	3	2	2
			N – абсурдная ситуация	8	2,5	11
Всего:				19,6	10,7	25
2	Морально-нравственная	Морально-этические установки	Ca – некто плох	1	---	0,4
			Cб – некто невоспитан	4	1,8	2
			Ga – критика других наций	10	21	4

		человека, социума	Gb – критика мужчин Gc- критика женщин H – самокритика нации K – снобизм L – чудачество M–власть традиций, cant`a P–грубый, примитивный юмор Q–особо парадоксальный юмор	12 16 6 2 2 8 0,4 ---	19 19 0,2 0,3 0,5 --- 4 1	6 17 3 2 0,3 0,3 1 ---
Всего:				61,4	66,8	36
3	Философская	Философские мировоззрения и взгляды человека	I – черный юмор	4	4	9
Всего:				4	4	9
4	Прагматическая	Подход к реалиям с т. зр. их пользы для общества и человека	D – эта власть /руководство не устраивает F – это не профессионал J – отношение к деньгам	2 7 6	2,2 10,3 6	4 9 17
Всего:				15	18,5	30

Распределение по принятой шкале оценок дает самое общее представление о той роли, которая отведена каждой из категорий оценок в британском, грузинском и американском социумах. Так, явный количественный перевес наблюдается в сторону **морально-нравственной оценки**, которую содержат восемь из шестнадцати имплицитных мессиджей юмористических текстов. Это послы, отмеченные в нашей таблице мессиджей символами C, Ga, Gb, Gc, K, L, M, P, соответствуют следующим мессиджам: некто плох или не воспитан, критической морально-нравственной оценке собственной нации, лиц другой национальности, гендерные негативные стереотипы, грубый примитивизм и чудачество, тотальная власть традиций и установок. Самый приблизительный подсчет показывает, что

морально-этическая оценка содержится в 62% и 67% из тысячи исследованных британских и тысячи грузинских фольклорных текстов в то время, как морально-нравственные проблемы затрагиваются всего лишь в 36% американских фольклорных текстах. Значительный перевес в текстах, касающихся морально-этической стороны повседневного опыта носителей британской и грузинской культуры, говорит о сравнительно меньшей актуальности данной тематики в бытовой сфере коммуникации американского социума.

Негативная бытовая оценочность, несомая юмористическими текстами жанра «анекдот» соответствует одной из основных функций анекдотов, - искоренять качества, нежелательные или социально-опасные в данной культуре (Бергсон 1914: 53). Именно в анекдотах имплицитно инкорпорированы утилитарные ценности повседневного опыта носителей культуры. Тексты современного постфольклора закрывают собой дидактическую нишу в урбанистической культуре, которой свойственно негативное отношение открытому дидактизму в быту (Слышкин 2002: 2).

Отметим, что крайне редко встречаются и в британском, и в американском материале тексты, несущие мессидж самовосхваления, либо негативной оценки невоспитанности, а в грузинском – и того меньше. Зато во всех трех культурах бьют все рекорды по частоте встречаемости тексты, посвященные гендерным негативным стереотипам. Любопытно отметить тот факт, что в британском материале зафиксировано почти одинаковое количество текстов анекдотов, негативно характеризующих нормы поведения и морально-этические свойства представителей обоих полов, а в грузинских текстах – ровно поровну анекдотов, содержащих негативный гендерный посыл. В том, что касается американских текстов, то они, скорее, дают картину типичной «шовинистической андроцентричности» (термин Слышкина там же: 7). Иначе чем можно объяснить тот факт, что в общем корпусе тысячи американских анекдотов, максимум негативных морально-этических оценок приходится на концепт «женщина» (17% против 6% на концепт «мужчина»). Забегая вперед, скажем, что второй пик негативного посыла приходится на прагматическую категорию оценки, включающую самые разнообразные товарно-денежные манипуляции. Из всего расклада мессиджей на них приходится по 17% от общего количества фольклорных американских текстов, бытующих в повседневной коммуникации. И в тоже время критика в адрес собственной нации, указывающая на определенный уровень самокритичности, говорит, скорее, в пользу жителей Великобритании со значительным перевесом вдвое. В то же время американцы не впадают в крайности, в равной мере критикуя как себя, так и соседние этносы. Островной менталитет и соответствующая картина мира, предписывающая с помощью стереотипов видеть прежде всего «англичан и неангличан», все же наложили свой отпечаток: в сравнении с самокритикой, вдвое чаще британские

тексты содержат посыл отрицательного образа другого этноса. Все это свидетельствует, с одной стороны, в пользу высокой степени межэтнической толерантности американского социума, зато, с другой стороны, говорит об относительном гендерном благополучии в британском обществе.

Рациональная категория оценок, содержащихся в мессиджах британских, американских и грузинских текстов, выражена втрое меньше, чем предыдущая, то есть морально-нравственная, в британских текстах. В американских текстах обе категории количественно мало разнятся. В этом плане можно сказать, что за исключением философской оценки, незначительно фигурирующей в мессиджах, в силу жанровых особенностей анекдота, контуры между остальными категориями оценок сглажены в американских текстах. Они почти в равной мере отражают все категории оценок, с небольшим перевесом в пользу морально-нравственной категории оценок.

Рациональная категория оценок включает в себя мессиджи А, В, Е, О, N («это плохо», «мне дискомфортно», «на деле все наоборот», «словесные игры», «абсурдная, нереальная ситуация»). Соотношение британских и американских текстов с аналогичными мессиджами выглядит как 20,1% и 24,3%, соответственно. Это свидетельствует о том, что категория рациональной оценки втрое менее свойственна британским текстам, нежели морально-этическая проблематика. Низкий рейтинг рациональной категории оценок в грузинском материале соответствует высокому порогу терпимости к дискомфортным ситуациям и состояниям, а также отсутствием чисто кельтской традиции словесных игр и поединков. Что касается третьей категории оценки, представленной в мессиджах – **прагматической**, то она представлена тремя показателями – D, F, J (эта власть/руководство не устраивает, это не профессионал и денежный вопрос). Около трети американских текстов анекдотов касается этой проблематики, причем львиную долю составляют анекдоты, где так или иначе обыгрывается финансовая сторона деятельности человека, направленная на удовлетворение самых разнообразных потребностей, - от самых высоких до элементарных. Финансовый вопрос всплывает втрое меньше в британских текстах и это отражает, по-видимому, знаменитую английскую поговорку «джентльмены о деньгах не говорят», а если в анекдотах, то тема затрагивается лишь слегка.

Подобный расклад сем категорий оценки, актуализированных в мессиджах британских, американских и грузинских анекдотов, вполне прогнозируем в силу особенностей фольклорных текстов, «обобщающих повседневный опыт носителей двух культур и функционирующих в повседневной коммуникации» (Слышкин там же: 2). Тем не менее, он свидетельствует о том, что анекдот, как жанровая разновидность англоязычной коммуникации, исправно выполняет свою функцию – служить средством психологической

защиты и передачи имплицитно выраженной дидактической информации и установок. Эта информация касается в большей мере морально-этической оценки в британских и грузинских и в меньшей степени, - в американских текстах анекдотов.

Заметим, что оценочная информация опирается на базовые ценности бытийного сознания, то есть сознания первого, низшего уровня. Оценки, содержащиеся в мессиджах анекдотов, декларируют и подтверждают эти базовые ценности, несмотря на внешнюю, эксплицитно выраженную карнавальность, заключающуюся именно в переворачивании ценностей в анекдотах. Знакомые незнакомцы по сути и парадоксально-смеховые по форме, тексты постфольклора завораживают и привлекают одновременно, как своей новизной и эвристической неожиданностью, так и пропозициональной узнаваемостью.

3.2. Специфика построения анекдотного текста: взаимозависимость длин реплик в анекдотах постфольклора

Представляется возможным рассмотреть еще одного неисследованного до сих пор аспекта вопросно-ответных единств дискурса адресанта и адресата в рамках анекдота, а именно: количественное распределение и взаимодополнение длин реплик в тексте анекдота, а priori отличающихся взаимозависимостью. Предполагается также изучение структур дискурса смехового текста, наиболее типичных для американской, британской и грузинской лингвокультур. Это сопоставление поможет определить, какой структуры тексты преимущественно адресуются отправителями текстов жанра «анекдот» в американском, британском и грузинском постфольклоре.

Содержательная сторона каждого искусственного диалога в анекдоте различна, форма же «общения», как сторона техническая, имеет больше общих черт, которые мы попытаемся установить на основе анализа фольклорных юмористических текстов.

Существуют наблюдения гарвардского антрополога Э. Чаппла, доказавшего, что живой диалог является процессом ритмическим. При этом соотношение речи и молчания, как чередование тактов диалога, относятся к устойчивой характеристике каждого человека. Мы позволим себе предположить, в том числе и этноса. По выборочным данным ученого, лишь десять процентов людей, прошедших через специальный аппарат - хронограф, обладают ритмом диалога, позволяющим наилучшим образом строить общение (см. об этом: Войскунский 1990: 238, Гойхман и др. 1997). Короткий же юмористический текст имеет свои особенности: такой текст, состоящий из диалога, представляет собой образец идеального коммуникативного текста, по определению представляющего говорящего в

обществе оптимальным образом; при этом слушателю важно, как озвучивается диалог, как и то, что в нем сообщается.

Между диалогом, как таковым и диалогом анекдота существует множество сходств и различий. С социально-психологической точки зрения диалог представляет собой взаимодействие людей. Л. П. Якубинский подхватил мнение Л.В. Щербы о первичности и естественности диалога, утверждая, что с биологической точки зрения речевое возбуждение вызывает мгновенную речевую реакцию, для которой естественен быстрый темп речи. Говорящий торопится досказать свою мысль, пока его не прервали. По той же причине он старается поменьше колебаться, так как паузой может воспользоваться партнер. При этом понимание облегчается за счет того, что реплики взаимообусловлены и тесно связаны с контекстом и ситуацией разговора. Отличие повседневного и бытового диалога от диалога-беседы ученый видит в степени конкуренции партнеров «за право голоса» (Якубинский 1923: 25).

Исследования американских ученых-последователей Чаппла доказали, что длина реплик, как измеряемых показателей диалога, зависит от степени конкуренции между партнерами. Чем короче реплики одного партнера, тем длиннее ответ, и наоборот. Таким образом, полагают, что наблюдается прямая зависимость между длиной соседних реплик в естественном диалоге.

В рассматриваемых нами искусственных диалогах, представленных в анекдотах, партнеры не конкурируют в вопросно-ответных единствах данного типа, так как ответная реплика известна заранее. Это их сближает со сценическими диалогами, где реплики выверены и персонажи имеют полную возможность самовыражения, не вступая в конкуренцию.

На основании вышесказанного представляется любопытным выявить соотношение длин реплик в коротких фольклорных юмористических текстах, содержащих искусственные диалоги. Для сравнения мы взяли по сто американских, британских и грузинских текстов, позволяющих определить модели построения диалогов и их частотность в произвольной выборке. При этом длина реплики колеблется в пределах определенных нами трех приблизительных измерений – реплик: длинной —|—| , средней —|— и сравнительно малой, обозначенной нами астериском - *.

Процентное соотношение встреченных моделей к их общему количеству обозначается под соответствующей моделью в схемах диграмм и триграмм. Как выяснилось, подавляющее количество американских текстов построено по двучленной схеме (42%), им значительно уступают трехчленные вопросно-ответные единства, их 14%. Однако они почти вдвое вариативнее первых (8:15). Что касается более пространственных искусственных

диалогов анекдота, их число незначительно за гранью трех реплик, и они представляют собой ситуации полилога или диалога со слабослышащими или имбецилами (см. рис. № 7).

В грузинских текстах двухрепликовые диалоги состоят из семи моделей, представленных на схеме диграмм. Максимум, то есть почти половина, также приходится на двухрепликовые модели, состоящие из двух длинных реплик; далее - из средней и длинной реплик, короткой и длинной и т.д. Трехрепликовые искусственные диалоги грузинского анекдота представлены двенадцатью моделями на схеме диграмм. Наиболее представлены модели, состоящие из трех длинных реплик, либо из трех средних, либо из длинной, короткой и средней, а также трех коротких (см. рис. № 5).

Рис. № 5

Схема триграмм и диграмм искусственных диалогов грузинских анекдотов

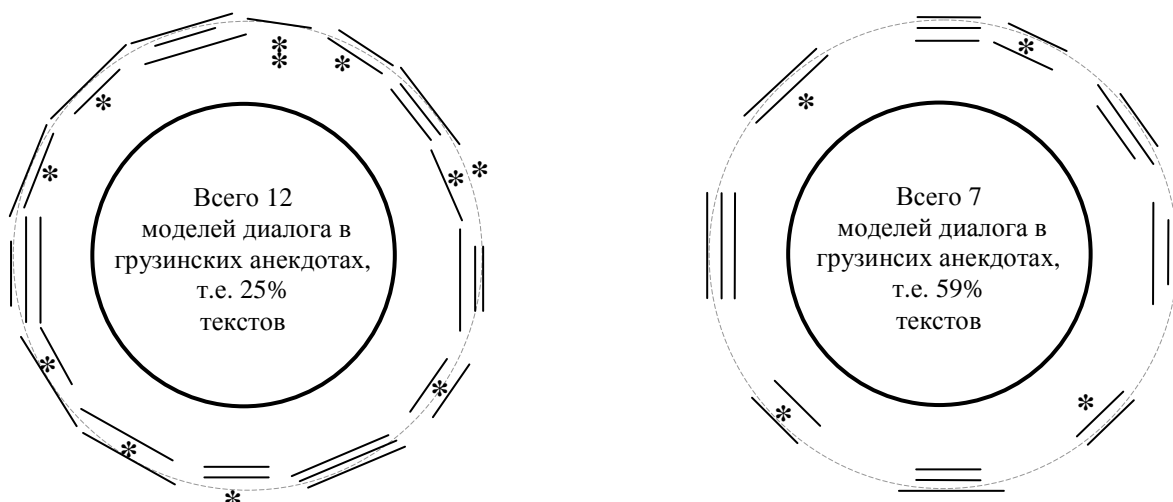

Рис. № 6 Схема триграмм диалогов американских и британских анекдотов

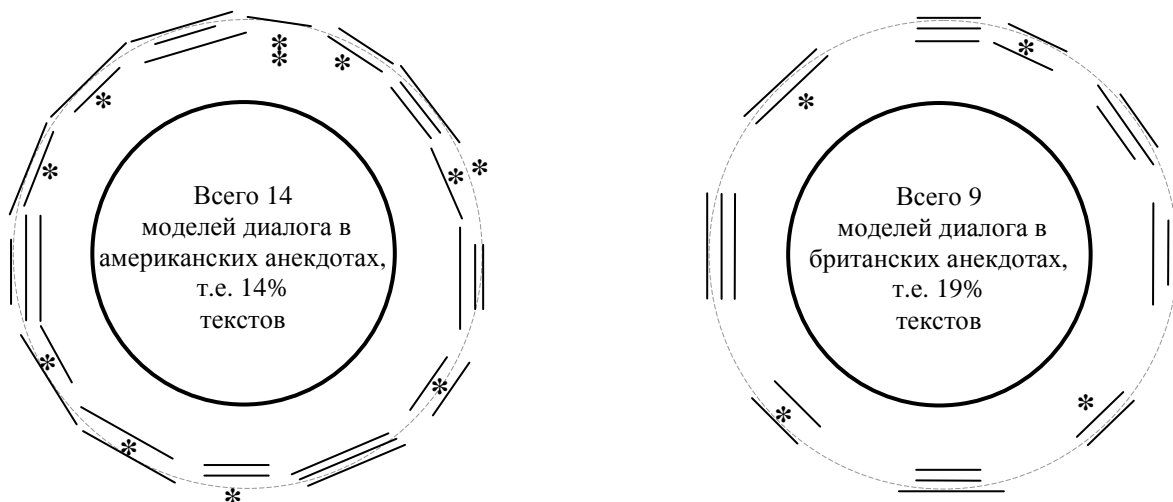
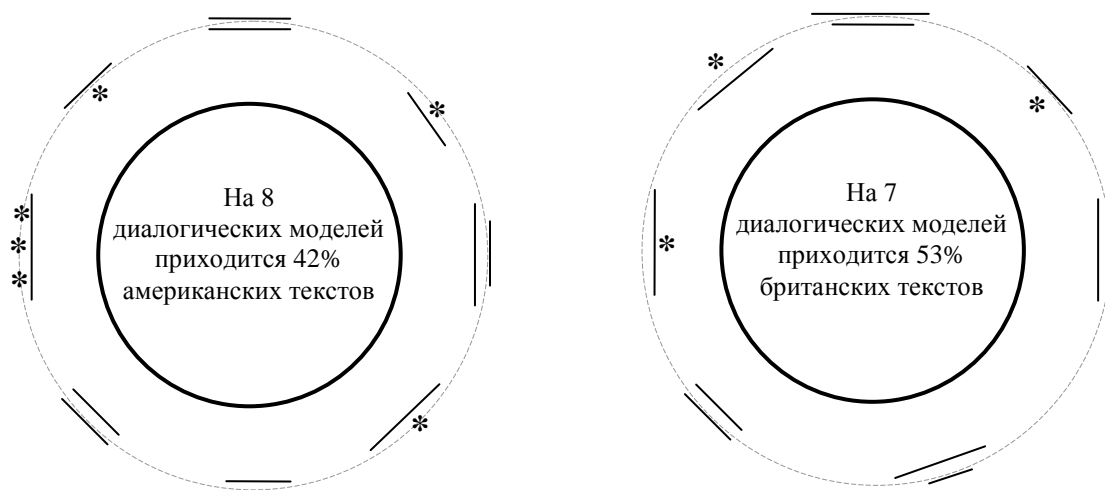

Рис. № 7 Схема диграмм диалогов американских и британских анекдотов

Результаты проведенного исследования британских, американских и грузинских коротких фольклорных юмористических текстов выявили следующие закономерности:

1) Прежде всего, это почти одинаковое количество моделей искусственного диалога, состоящих из двух реплик. Они представлены и в британском, и в грузинском материале семью вариантами, а в американском варианте 9 вариантами моделей диалогов в анекдоте.

2) Отличаясь максимальной частотностью в обоих реестрах текстов, двухрепликовые структурные модели почти вдвое уступают по количеству моделей искусственных диалогов из трех реплик. И это вполне естественно, так как с прибавлением реплик теоретически и практически возрастают комбинаторные возможности реплик различной протяженности.

Следует отметить тот факт, что диалоги, состоящие из трех реплик, намного вариативнее в американских и грузинских анекдотах в сравнении британскими. С другой стороны, их количество почти одинаково с простыми двучленными вопросно-ответными единствами английских фольклорных текстов.

3) Любопытно отметить тот факт, что во всех исследуемых корпусах анекдотов, пик непопулярности приходится на искусственные диалоги из 6-7 реплик. Это почти мертвая зона состязания в остроумии. Отметим, что основная масса речевых дуэлей приходится на двух – и вдвое-второе менее - трехкомпонентные модели или способы построения диалогов.

4) За их пределами, по-видимому, находятся не столько речевые дуэли, сколько ленивые перебранки участников полилога, выговоры полицейских гражданам, явно не желающим вступить с ними в контакт, откровенно нелепые споры с имбецилами и пр. В американском грузинском материале таких минимум (около 6%).

5) Картина разительно меняется при обращении к английскому корпусу занимательных историй. Здесь встречаются не только 7-8 репликовые анекдоты, что само по себе является предел терпения гипотетических американских собеседников. Английские диалоги простираются до необъятных для анекдота контуров, а именно, - от 8 до 11, 15 и даже 20 реплик, что по сути своей отрицает само определение короткой юмористической истории. Но здесь есть одна любопытная особенность: невероятно частотные и повторяющиеся мини-реплики, занимающие весь диалог или его львиную долю. Следует отметить, что временная протяженность в английских текстах фиксируется в затяжных историях подобного рода темпоральными уточнениями («через полчаса», «проходит минут пятнадцать» и т.д.). К тому же, чем объемнее текст анекдота, тем короче составляющее его реплики.

б) В то же время нами не выявлена взаимозависимость длин реплик внутри искусственного диалога. Существует масса примеров, где за мини-репликой следуют такие же по протяженности реплики, или же за развернутой, неторопливо-величавой репликой следует не уступающий ей по протяженности ответ. Иными словами, в американских, британских и грузинских анекдотах не выявлена обратно пропорциональная зависимость длин реплик, констатируемая Чапплом в отношении естественного диалога. Нет также прямой зависимости между длиной соседних реплик, как измеряемых показателей диалога в анекдоте, что говорит об отличии коммуникативного дискурса в его обычном понимании от его искусственного конструкта в тексте жанра «анекдот».

Итак, доминанта двухрепликовых юмористических историй жанра «анекдот» свойственна всем, без исключения, текстам исследуемых этнокультур. Чем более такие тексты отступают от своего кода краткости, т.е. чем более дробится на смысловые отрезки цельный и связный текст анекдота, тем менее популярность текстов жанра, отражаемая в количественных параметрах.

С другой стороны, решающую роль здесь играет и общечеловеческое свойство, заключающееся в следующем. Как уже было отмечено, с 6-7 реплик начинается практически мертвая зона в конструировании анекдотных текстов. Мы объясняем это тем, что число «семь» отражает объективную закономерность, которая ограничивает мир наших восприятий; эта «стена», - один из элементарных и базовых законов восприятия, при котором наше сознание способно удержать однопорядковые явления одного ряда не более семи (Магия цифр 2007 № 12). Далее начинается то, что принято называть «выключенным временем» или «бытовым трансом», к которому относятся многочисленные явления так называемого фатического общения, включая «травлю анекдотов» и сами длинные тексты

жанра «анекдот». В прагматически нацеленном мире подобные «хронофаги», как показывает исследование, малопопулярны.

Таким образом, к параметрам прагматической ситуации и коммуникативным национально-культурным компонентам, можно отнести также сопоставление коммуникации говорящего и реципиента в плане объема текста, предъявляемого адресантом, определяемого общим количеством и длиной реплик.

3.3. Анекдоты-интернационализмы и бродячие сюжеты в британском, американском и грузинском постфольклоре

Исследование современного городского фольклора, представленного в анекдотах, как коротких фольклорных юмористических текстах, может внести определенный вклад в научный анализ национальной психологии. Как известно, одной из существенных сторон этнопсихологической науки является изучение этоса как системы психических и нравственных норм поведения, а также эстетических представлений, зафиксированных в фольклоре. Лингвокультурологическое исследование происходит на базе сопоставления и сравнительного анализа данных этнопсихологии, занимающейся изучением особенностей национального восприятия окружающего мира и лингвокультурологии, описывающей языковую картину мира, поскольку проблемы исследования языкового сознания и образа мира, наряду с проблемами межкультурного общения и онтогенеза речи, занимают все более центральное место в лингвистических исследованиях антропоцентрического направления», как отмечает профессор Д.З.Гоциридзе (Гоциридзе 2005: 49).

Стереотипы сознания, именуемые менталитетом, неизбежно фиксируют сообразно той или иной культуре, - в данной случае, британской, американской и грузинской, - фрагменты реального мира (Матевосян 2007: 137). В жанрово-бытовых сценках анекдотов, запечатлевших статические ситуации, заключен сюжет в его свернутом, зачаточном состоянии. Анонимный или коллективный автор в парадоксальной ситуации анекдотной коллизии высвечивает наиболее типичные черты и отношения между объектами сюжета с точки зрения носителей культурных фоновых знаний: обычно изображаются в качестве объектов «антагонисты» по жизни: муж-жена, лорд-слуга, шеф-подчиненный и пр., поэтому, как правило, приходится говорить о коллизии со стремительной и парадоксальной развязкой-пуантой. В анекдоте, как и в сказке, мы видим пример устной передачи бродячих сюжетов (Лит. энциклопедия 1939: статья «Сюжет»). При этом роль адресанта в коммуникативном процессе сообщения текста трудно переоценить: именно ему по праву

рассказчика принадлежит определение последовательности изложения событий, купюры или дополнительные детали в соавторстве с анонимным автором данного сюжета.

Упрощенный сюжет анекдота, его опора на архетипические структуры взаимоотношений типа гендерных или мифологизированных общностей «наши-не наши» делает этот жанр не только живучим, но и всеобъемлющим, т.е. способным захватить массовую аудиторию. В процессе передвижения литературных бродячих сюжетов большей частью, как установлено, с Востока на Запад, происходит их видоизменение под влиянием различий социально-экономического строя, языка, национальности, быта, культуры, религии (Почепцов 1995: 340). Происхождение и развитие бродячих сюжетов учеными, принадлежавшими к мифологической школе, объяснялись общим культурным фондом. Школа антропологов большое значение придавала одинаковой ступени культурного развития различных народов, явившейся причиной полигенезиса бродячих анекдотов. Школа заимствования не исключает возможности взаимообогащения сюжетными схемами фольклора разных народов (там же). Того же мнения придерживаются современные лингвокультурологи, которые считают, что «процесс анекдотного заимствования стоит в одном ряду с языковым (лексическим и т.п.) заимствованием, их функции сходны» (Слышкин 2002: 2).

Нам представляется, что в данном случае влияют все вышеперечисленные факторы, а именно: общекультурное, бытовое, национальное, религиозное и прочие виды наследования. Различия социально-экономического строя, не носящие ярко выраженного характера, также не дают возможности говорить о рельефно дифференцирующих отпечатках, которые позволяли бы фиксировать варианты бродячих сюжетов исследуемых фольклорных текстов. Кроме наследственного фактора, оказавшего определенное влияние на совпадения в сюжетах британских и американских анекдотов, логичным будет также признать возможность их заимствований путем устной передачи, как результата тесных культурных и экономических контактов. Наконец, невозможно исключить и такое явление, как полигенезис бродячих сюжетов анекдотов в силу культурно-исторической общности. Как известно, американская культура возникла на основе западноевропейской и заокеанский интернациональный «сброд» (<бродить, бродячие) с легкостью ее ассимилировал в усредненном варианте. Как нам представляется, возможен прогноз в сторону постепенного увеличения количества совпадений фольклорных сюжетов в эпоху усиленной глобализации и стирания межкультурных и технологических барьеров: в результате мирового интеграционного процесса происходит неизбежная унификация культур, в особенности это касается культуры англофонии.

Урбанистическая культура постиндустриального общества унифицирует прежде всего бытийный уровень сознания, проявляющийся в поведении и общении людей и наблюдаемый в бытовой повседневной жизни. Несмотря на декларацию и одобрение мировоззренческих ценностей, большинство индивидов и общество в целом сохраняют прежде всего традиционное бытийное сознание и поведение, усвоенные в детстве бессознательно и соблюдаемые также бессознательно (Стернин 2002: 225). Именно к этому базовому уровню сознания апеллирует речевой жанр анекдотов. Последние циркулируют в любой социальной сфере, благодаря универсальному свойству вписываться в бытовое сознание каждого индивида. Соответствие первому и низшему уровню сознания юмористических текстов, позволяет считать их артефактами третьей культуры, в отличие от официально признанных, высокой и традиционно-фольклорной культур. Эту третью культуру относят к постфольклору, созданному в лучших традициях спонтанности, неэлитарности и несанкционированности сверху, столь ценимых на европейском и американском континентах (Неклюдов 2007: 3).

Жанровая близость к другому артефакту устного народного творчества – сказке, позволяет исследователям называть анекдот преобразованной сказкой с лаконичной фольклорной художественной формой, в которой «воспроизводится злободневная ситуация с фиксацией типических и особенных черт» (Голубков 2007). Своей близостью к сказке объясняется кочевая способность анекдотов с бродячими сюжетами. В связи с этим, в эпоху глобализации и всеобщего уравнивания культур и *modus vivendi*, возможно возрастание общего количества межконтинентальных кочующих анекдотов.

Подавляющее количество сходств социокультурной матрицы британского и американского постфольклора предполагает массу возможностей для обмена текстами исследуемого жанра. Именно этим объясняется тот факт, что в рубриках Интернета и специальной литературе под грифом «английские анекдоты» предлагаются англоязычные тексты без дальнейшего нюансирования на британские и американские. Ситуация облегчается благодаря маркерам британской культуры. В частности, почти во всех британских анекдотах упоминаются джентльмены, ирландцы, шотландцы, а также различные топонимы, конкретизирующие источник происхождения текстов. Нам представляется целесообразным говорить, скорее, о **потенциально бродячих анекдотах**, к восприятию которых общество-реципиент созрело, как духовно и интеллектуально, так и на низшем бытийном уровне сознания. При этом необходимо очертить пределы эндемических сюжетов с ограниченной областью их распространения, определив методом от противного сферу действия фольклорной противоположности бродячих анекдотов - эндемиков (по определению, это фольклорный мотив / сюжет, имеющий ограниченный ареал распростра-

нения). Почти все британские и американские анекдоты потенциально способны перейти в разряд бродячих, за исключением сюжетов, эндемичных в силу своей специфики. К этому кругу можно отнести анекдоты, отражающие национальный темперамент англичан (с 7-8-9-компонентной структурой), их уклад жизни (церемонность, правила *sant'a*), отношение к некоторым этническим культурам, нашедшее отражение в так называемом «колониальном» юморе и т.д. В американской же культуре, стоящей впереди планеты всей на страже прав человека, порицается ироничное отношение к полным, неграм, блондинкам, евреям и пр. В американской высшей школе даже был принят особый закон, запрещающий расцветивание лекций анекдотами, поскольку они, предполагают, нацелены на потенциальную жертву (Ерофеев 2007).

Если среди сюжетных анекдотов имеются табуированные или культурно неприемлимые в данном обществе, то подобный запрет снимается в том, что касается несюжетных текстов, содержащих лингвистический юмор. Можно предположить, что такие анекдоты являются потенциально бродячими без исключения, поскольку для них не существует экстралингвистических сдерживающих барьеров и ареал их циркуляции практически безграничен, благодаря многоголосию англофонии.

Бессюжетность – главная отличительная особенность содержания анекдотов, построенных на языковой игре, в отличие от обычных сюжетных анекдотов. Суть бессюжетных анекдотов – не в логически неожиданной концовке, а в непривычно-забавной фонетической или иной языковой особенности пуанты. Функция таких анекдотов заключается в отрыве от зависимости и подчинения языковым правилам и законам.

Как показывает проведенное нами исследование трех тысяч британских, американских и грузинских анекдотов, удельный вес таких текстов сравнительно невелик как в континентальном, так и в островном юморе. При этом зафиксирован некоторый количественный перевес в пользу анекдотов, использующих языковые игры в британских образцах юмора. Подробно о таких анекдотах уже шла речь в предпоследнем параграфе первой главы.

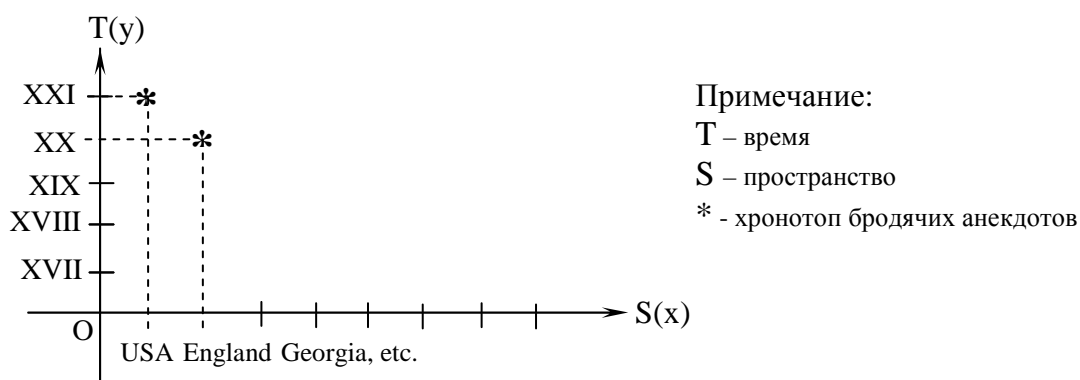
Что же касается сюжетных jokes, то в них происходит переворачивание и карнавализация (по М. Бахтину) иерархических и логических связей. Но цель переворачивания ценностей сюжетных и бессюжетных анекдотов едина: это ослабление иерархических связей в обществе и языке, как средстве коммуникации, согласно принципу: каждому действию есть и должно быть противодействие, ибо так проявляет себя симметрия как условие гармонии бытия. Это хорошо понимали еще в древнем Риме, когда позади прославляемого толпой триумфатора был приставлен служивый, твердивший: «Не забывай, что ты всего лишь смертный!», в то время как в толпе штатные предки современных

пиарщиков, вдохновенно и на законном основании занимались инсинуациями в адрес виновника торжества: в античной римской культуре это воспринималось, как должное. Таким образом, карнавальное переворачивание социально и лингвистически значимых ценностей – не самоцель, а, как мы считаем, необходимое **средство** для восстановления гармонии в изначально двоичной, бинарной, универсальной картине мира, сочетающей как положительные так и отрицательные начала.

«Бродячесть», как особое свойство некоторых анекдотов, является своего рода маркером не только их статуса, но и особого качества: оно свидетельствует о существовании в языке средств поддержания гармонии двоичности мироустройства. Актуальность анекдота почти одномоментна, и если анекдот продолжает смешить далеких потомков, то дело не только в остроумии, но и в том, что в данном анекдоте, видимо, оказался значительным крен в сторону общечеловеческих проблем, понятных в любое время и в любом обществе (Голубков, там же).

Если анекдоты «с бородой» понятны во все времена, то бродячие анекдоты должны быть понятны во многих социумах, преодолевая границы государств и расстояния. Они являются членом бинарной оппозиции по пространственному признаку, тогда как «бородатые» смешные истории им противостоят по временному признаку протяженности в диахронии. И те, и другие занимают соответствующие позиции в пространственно-временной системе координат:

Рис. № 8

Визуально и схематично различие между корпусом «бородатых» и, соответственно, корпусом «бродячих» анекдотов состоит в протяженности оппозиции на оси Y и оси X системы координат, фиксирующей хронологические и топологические возможности тех и других. При этом злободневность – необходимое, но не достаточное условие миграции бродячих сюжетов. Сюда следует отнести также их общекультурную значимость, способность проникать сквозь межкультурные перегородки и стены национальных традиций и стереотипов. Сходный культурный фон значительно снижает уровень барьера

неприятия, создавая все предпосылки для беспрепятственной миграции текстов. Так, если в следующем английском тексте убрать маркер «англичанин» и заменить его на «американец», то особого различия в семантической константе следующего текста не обнаруживается: “A rich Englishman falls into a bed. –Hey Jerry, we have to purchase a hospital. It seems to me I’ve caught a cold” («Богатый англичанин со стоном падает на кровать, - Эй, Джерри, немедленно купи какую-нибудь нормальную больницу, я, кажется, простудился»).

Что касается грузинских бродячих анекдотов, то их обнаружено всего семь из тысячи проанализированных текстов. Прежде всего их отличает иная ментальность, а также то, что ранее аналогичные юмористические истории уже встречались в речевой практике. Так, например, один из них, как минимум, сорокалетней давности: მაღაზიაში: - ქიშმიში გაქვთ? – არა, მაგრამ გვაქვს ქიშმიშიანი ფუნთუშები. – მაშინ ამომიხიხნეთ იქედან ერთი კილო ქიშმიში. («В магазине: - У вас изюм есть? - Нет, но есть булочки с изюмом. – Тогда наковыряйте мне килограмм изюма»). Англофонные шутки Elephant jokes из разряда несмешных анекдотов, то есть анти-анекдотов появились и в Сванетии: სვანს ეკითხებიან: - რამდენი ფული გინდა რომ გქონდეს? – იმდენი, რომ სპილო ვიყიდო. – სპილო რა ჯანდაბად გინდა? – სპილო სულაც არ მინდა, ფული მინდა იმდენი. («У свана спрашивают: - Сколько денег ты хочешь иметь? – Столько, чтобы купить слона. – А слон тебе зачем? – А слон-то мне и не нужен, мне нужно просто столько денег, чтобы слона купить»).

Следующий грузинский анекдот очень напоминает диалог британских охотников о своих гончих: მონადირეთა დიალოგი: - ძალიან ჭკვიანი ძაღლი მყავს... სახლში რომ ბრუნდება, თათს ზარის ღილაკზე აჭერს და მეც კარს ვაღებ. – ჩემი ზარს არ რეკავს. – აბა რას შერება? – თავისი გასაღებით აღებს და ისე შემოდის სახლში. («Диалог охотников. – У меня очень умная собака... Когда возвращается домой, нажимает лапой на звонок и я ей открываю. – А моя не звонит. – А что делает?! – Своими ключами сама открывает дверь в дом»). Католическая и западноевропейская атмосфера поклонения древнему напитку ощущается в следующем анекдоте: გვიან ღამით მღვდლის ბინაში ტელეფონი რეკავს: - ალო, პივნოი ბარია? – არა, შვილო ჩემო, ეს ბარი არაა, მე კი მღვდელი ვარ. – ვაა, რა მაგარი ხარ, მამაო, რას აკეთებ ამ შუადამეზე პივნოიში? («Поздно ночью в квартире священника звонит телефон: - Алло, пивной бар? – Нет, сын мой, это не бар, я – священник. – Ваа, святой отец, какой ты крутой, ты что делаешь ночью в пивной?»). Бродячесть этого анекдота выдает вольное отношение со священнослужителем, несвойственное грузинскому менталитету. Следующий анекдот встречался в русскоязычном материале: - შენ ხომ ახლომხედველი ხარ და რატომ

იხსნი სათვალეს საქმროს მოსვლისას? – უსათვალოდ მეც ღამაში ვარ და ჩემი საქმროც. («- Ты же близорукая, почему снимаешь очки, когда приходит твой жених? – Без очков я красивее и мой жених тоже»). Дело в том, что, согласно грузинскому менталитету, девушка до выхода замуж старается не носить очков, дабы скрыть дефект зрения, поэтому фоновые знания также не позволяют воспринимать этот текст как анекдот грузинского происхождения. Следующий пример: ბიჭებო, ხვალ ჩემთან ვქეივობთ, იქნება ლუდი და თევზი. - გოგონები? – გოგონებს უკვე ველაპარაკე, ისინი არ მოვლენ. («Парни, завтра пируем у меня, будут пиво и рыба. – Девушки? – С девушками я уже разговаривал, они не придут»). Подобного рода предпочтения не свойственны грузинскому стереотипу молодежного поведения. Несмотря на грузинские имена собственные героев следующего анекдота - Назикия и Чичико, следующий анекдот представляет собой реминисценцию уже слышанного на другой территории и в другой версии: - გაგონილა, კაცო, ყოველდღე სამ საათზე ბრუნდები! – ეუბნება ნაზიკია ჭიჭიკიას. – მერე, ვინ გითხრა, რომ დავბრუნდი, უბრალოდ გიტარის წასადებად შემოვირბინე, - პასუხობს ჭიჭიკია. («- Где это видано домой в три часа ночи возвращаться! – говорит Назикия Чичико. – Ну и кто тебе сказал, что я пришел, я только за гитарой и обратно, - отвечает Чичико»). В целом следует сказать, что вышперечисленные бродячие анекдоты «импортного» происхождения. В силу большой специфики грузинских анекдотов с их региональной и межэтнической пуантой, связанной с колоритными деталями, шансы попасть в разряд бродячих представляются проблематичными для многих анекдотов и, как показывает статистика, для британских и американских в равной мере, поскольку в коротких юмористических историях зачастую решающую роль играют детали, а они носят, как правило, специфический для данного этноса характер. Исключения составляют анекдоты, построенные на языковых играх, но их циркуляция также ограничена единым лингвистическим ареалом.

3.4. Общие и частные закономерности порождения специфического анекдотного текста: так называемый «черный юмор» в британской, американской и грузинской лингвокультурах

Черным эту разновидность юмора называют в связи с тем, что это не только цвет земли и земных печалей, но и всего потустороннего - антипода небесного. В европейской цветовой символике черный цвет, - это цвет смерти и горя, тоски и тайны, цвет зла, греха и вины, покаяния и искупления (Cancionero 1987: 636). Как считают психологи, его предпочтение свойственно людям агрессивным и способно, в свою очередь, порождать агрессию. Длительное созерцание черного цвета, как известно, может привести человека к

депрессии. Его антипод белый цвет включает всю цветовую гамму и, напротив, является символом веры, чистоты и свободы, хотя на Востоке тоже был символом смерти и вечности. А.Х. Маслоу, один из психологов, серьезно исследовавших позитивные измерения человеческого, считает, что одной из основных характеристик обычного человека, у которого ничто не отнято, является философское, невраждебное чувство юмора (Маслоу 1954: 25): ибо человек, который не может создавать, хочет разрушать. Этим компенсаторным насилием он мстит жизни за то, что она его обделила и отняла способность позитивно проявлять свои специфические человеческие силы, считает Эрих Фромм, рассуждая о различных формах насилия. Именно деструктивность отчаяния, возникшая в результате разочарования в вере и любви к жизни, делает человека циником (Фромм 1992: 248). Следовательно, черный юмор предполагает и вполне оправдывает свою символику, являясь следствием безверия, ненависти и безнадежности. Добавим к этому «букету» отсутствие свободы и независимости, - словом, всего того, что соответствует «неизжитой жизни», по меткому выражению Фромма. Вспомним пронзительные строки болгарского поэта Елина Пелина о цветах роз: «Есть розы черные, - это розы вечные, потому что никогда не отцветают. У них острые шипы и махровые лепестки. Эти странные розы растут в человеческих душах. Это черные розы тоски» (Елин Пелин 1962: т.2).

«Игра с внеэтическим пространством, которая состоит в нарушении этики смеха в эстетических целях, создает особый жанр – черный юмор», подчеркивает Н.Г.Брагина (Брагина 2007: 623). В жанре анекдота этот «поджанр» занимает особое место, а в некоторых социумах, например, американском, - одно из центральных мест по частоте встречаемости в исследуемых текстах.

Критик и теоретик истории кинокомедии Р. Юренев приводит около сорока оттенков смеха в зависимости от характера эмоций, сопутствующих юмору. Любопытно отметить, что из приведенного списка лишь менее половины оттенков смеха носят положительный характер (Юренев 1980). В то же время юмор по определению, в отличие от смеха, всегда по своей сути доброжелателен и выражает позитивное отношение к предмету осмеяния.

В этом плане появление в XX веке т.н. черного юмора дает повод к размышлению об уровне душевного комфорта и состоянии психического здоровья современной человеческой общности. С другой стороны, смех и смерть неразлучны, ибо это понятия вечные и философские и незря считают философы, что нет ничего ужаснее, чем мир без смеха. Н.Д.Арутюнова отмечает, что «уже в античности смех, вырываясь на волю, соединял в себе безграничные страсти, идущие в противоположных направлениях – к зарождению и расцвету живой жизни и к ее увяданию и смерти» (Арутюнова 2007: 5). Таким образом, черный юмор совмещает в себе две ипостаси бытия, - печальный опыт и неистребимую

жизнерадостность, ибо «наш опыт пессимистичен, но наша вера – оптимистична» (Андреев 1978: 285-286). Именно на почве такого опыта в 60-е годы прошлого века зародилось одноименное литературное течение, одновременно с проявлениями этического и анархичного протеста «поколения aquarius». Поэтике черного юмора романов американских писателей К. Воннегута, Дж. Барта и др. соответствует «разрушенный» сюжет и «разрушенная художественная реальность» (там же). Интересно, что почти в этот же период возник «Театр жестокости», как уникальная система, пробуждающая не востребуемые и невоплощенные возможности человека (Максимов 2001: АДД).

Хотя сам термин «черный юмор» появился в XX веке, корни его тянутся в глубокую древность. Традиция «шутовских» похорон – одна из древнейших в Европе: «Чудак покойник: умер во вторник, в среду хоронить, а он в окошко глядит». Одно из характерных свойств народного смеха – пристрастие к уродствам и диковинкам, вписывается в традиционное искусство «смеяться на собственных похоронах». Корни подобного несерьезного отношения к заповедным темам кроются, вероятно, в древнем ирландском обряде устраивать «веселые поминки», сохранившемся по сию пору. Вряд ли знакомый с этим обрядом, великий комик де Фюнес мечтал снять картину о собственных похоронах, да так, «чтобы на ней зритель хватался за затылок от хохота...». С другой стороны, экс-президент США и бывший актер Р. Рейган, уже будучи тяжело больным, многократно репетировал и оттачивал ход своих похорон, дабы придать им максимальную торжественность. Власть всегда боится показаться смешной, прекрасно понимая, что «от великого до смешного один шаг», как изрек Наполеон, репетируя раз за разом сцену своего произведения в императоры. Обладающий бесценным даром юмора не утрачивает его ни при каких, даже самых трагических ситуациях, как бы подчеркивая этим превосходство силы духа над земными оковами власти и плоти, выпуская легкокрылого мотылька юмора порхать даже среди «черных роз тоски и печали». Трагикомическая «диалектика» особенно свойственна ирландскому народному характеру, давшему Англии ее лучших юмористов. Еще Г.К.Честертон говорил о «страшной трагедии Ирландии, которая, столько пережив, заливадается задорным смехом» (Честертон 1984: 291). Великий мастер парадокса Б.Шоу, ирландец по происхождению, остался верен себе до конца, вписавшись также в анналы черного юмора: после своей кончины он завещал развеять свой прах, предварительно смешав его с прахом своей жены.

Присутствие в народном духе погребального комизма можно объяснить стремлением заглушить свои чувства, чтобы не впасть в уныние, а также в качестве испытанного средства борьбы с состоянием подавленности. В данном случае мы имеем дело с защитной функцией юмора, благотворно воздействующего в трудных типовых ситуациях, поскольку

общение с подавленными людьми может сильно утомлять и вызывать усталость от сочувствия, называемую сегодня медиками «синдромом выгорания». Желанием избежать признаков этого синдрома вызван специфический черный юмор медиков, в особенности связанный с посещением анатомического театра, когда учась властвовать собой, придумываются смешные истории, дабы справиться со стрессом.

Образцы черного философского юмора в живописи и литературе особо представлены в Средневековье. Ни одна эпоха так не навязывала человеку мысль о бренности земного существования, как 15 век с его традиционными изображениями «Плясок смерти». В обычном понимании – это хоровод Смерти со своими жертвами. В таком юморе заключалась не только благочестивое предостережение *Memento mori*, но и социальная сатира, о чем свидетельствуют сопроводительные стихи к данным сериям. Образ смерти популярен также в политической карикатуре, где он олицетворяет собой свободу и протест против насилия. Уместным будет вспомнить также «веселого Роджера» на знаменах пиратов и черносотенцев, символика которого та же – смерть, несущая свободу и освобождение от земных оков.

Таким образом, в отличие от черного философского юмора и соответствующего литературного течения, фольклорный черный юмор является отражением настроений всего народа, включая как его наименее образованные слои, так и средний класс. Вполне вероятно, что сам термин берет свое начало от фразеологизма (*as*) *black as hades*, т.е. «безрадостный, беспросветный; в темном свете» (Кунин 1984: 86).

Что же произрастает на почве британского, американского и грузинского юмора и насколько велик в нем «розарий» тоски и печали, нам предстояло выяснить. Анекдоты не могут не смешить или вызывать улыбку парадоксальностью концовки – это закон жанра, перекликающийся с законом природы. В конце стольких героических усилий и жертвенного труда, как скверном анекдоте, вдруг ставится нелепая и неожиданная точка: сколько усилий увенчались ничем, уходом в небытие, ну чем не горький и не смешной очевидный парадокс вариативного сюжета под названием «жизнь»?!

В корпусе исследованных нами анекдотов, с точки зрения количественного присутствия в них «черного юмора», значителен разрыв в британском и американском материалах. В британском фактическом материале такие анекдоты, которые трудно назвать веселыми историями, составляют всего одну двадцать пятую часть от всего исследованного нами материала.

В то же время, как показывает фактический материал, американский черный юмор лидирует с перевесом вдвое и составляет 9 % от общего количества исследованных текстов. То есть, если в британском островном фольклоре каждый 25-й анекдот можно отнести к

разряду т.н. черных, то в американских фольклорных коротких текстах почти в каждом десятом затрагивается мрачная тематика. Печальный опыт жизненного пути, страх смерти, тревоги, всевозможные фрустрации не могут не депрессировать личность. Британский юмор в этой сфере проливает бальзам на человеческую душу, как бы говоря: «Смотрите, все не так уж страшно». Островной черный юмор, скорее, напоминает Хэллоуин, где участники дискурса затрагивают темы пограничных миров и состояний, сохраняя при этом верность жанру веселого маскарада. На этом аллегорическом представлении, «мертвые, хватая живых», делают это по всем законам жанрового искусства, подменяющего реальность лицеприятным правдоподобием.

Исследуя образчики британского черного юмора, приходишь к выводу, что они не столь черны, сколь серы и подобно лондонскому туману, скрывают очертания тяжелого, мрачного и неприятного до неопределенных контуров. «Чернота» британского юмора носит мягкий, ретушированный характер и достигается это тем, что ни в одном из текстов не обыгрывается происходящее как бы в настоящем прямое убийство или насилие. Печальный исход рассматривается либо гипотетически, либо комментируется *post factum*, как имевший место в прошлом. Лишь в исключительных случаях смерть происходит не в результате акта насилия или агрессии, как это бывает в американских анекдотах, а вследствие несчастного случая (I), воли природы (II) или самообороны (III), к примеру: (I) A coach shouts during a water polo tournament: - Frank, quickly pass the ball to Jack! He repeats it several times. After the game Frank asks the coach, - Why should I have passed the ball to Jack? I myself scored a goal, didn't I?! -Yes, you are right, but if you have passed the ball to Jack he might not have sunk!» («Идут соревнования по водному поло. Тренер кричит:- Фрэнк! Быстро бросай мяч Джеку! И так повторилось несколько раз. После матча Фрэнк спрашивает тренера: - Почему я должен был бросать мяч Джеку? Я и сам отлично забил гол! – Да, но если бы ты бросил Джеку мяч, возможно, он бы и не утонул!»). (II) The Bartons, a quite rich family living in a castle, are visited by their uncle Samuel. After a week the guest suddenly disappears. They look for him for five days and find dead under the bed on the sixth day, "Luisa!" Mrs Barton calls her maid, "That is how you sweep the floor under the bed!" («В гости к семейству Бартонов, которые жили в замке и слыли людьми весьма небедными, приехал дядюшка Сэмюэл. Погостив недельку, гость неожиданно исчез. Его искали пять дней, на шестой нашли мертвым под кроватью. – Луиза! – позвала миссис Бартон свою горничную. – Так вот, значит, как вы подметаете пол!»). (III) A pirates' ship attacks a passenger's ship. Sailors force comes to the end, and the pirates nearly overrun them. One of the sailors addresses to the Captain, "Sir! Let's throw cannonballs to them!" "No, we should not. That is inhumane", says the Captain. "That means, I have fired off them in vain?" («Пиратское судно напало на пассажирский парусник. Силы

моряков на исходе. Вот-вот победят пираты. Один из моряков парусника обращается к капитану: - Сэр! Давайте бросим в них ядро! - Нет, не надо. Это негуманно. – Так что, значит, я зря их зажег?».

При всей любви «доброй веселой Англии» к своим почитаемым призракам, они не лидируют в группе действующих лиц, от которых исходит потенциальная опасность или угроза в анекдотах. С ними, напротив, беседуют, прислушиваются к их советам в карточной игре, вызывают к столику в ресторане, как например, в следующей истории: *Since an old waiter's died, his widow gets keen on spiritism. Once she sits at the table and tries to call out her husband's spirit but the table does not move. She weeps out - Eddy, why don't you appear? - I don't serve that table, - says a weak voice in the darkness* («Умер старый официант. Вдова его увлеклась спиритизмом. Однажды она сидела у столика, стараясь вызвать дух мужа, но столик не двигался: - Эдди, - зарыдала вдова, - почему ты не появляешься? - Я этот столик не обслуживаю, - раздался в темноте слабый голос»).

Источниками потенциальной угрозы в британском черном юморе, как правило, являются обладатели самых обычных профессий: моряк, врач, гадалка, генерал, школьник, спортсмен, лорды, отцы семейств и просто некие Джо, Алекс, Смит. Лишь три места действия из двадцати имеют непосредственное отношение к теме: эшафот, кладбище и похороны, а единственный непосредственный киллер-палач всего лишь исполняет свой служебный долг.

Летальный исход с предварительной страховкой может стать даже предметом «черной зависти»: *“How lucky is that Smith! Two years ago he had insured himself against accidents and he broke his leg. A year ago he had insured his house against fire and a bit later his house was burnt! The day before yesterday he had insured his life – and can you imagine, he died yesterday!”* («- Все-таки везунчик этот Смит! Два года назад он застраховался от несчастного случая – и тут же сломал ногу. Год назад он застраховался от пожара – и тут же его дом сгорел до щепки! - Позавчера он застраховал свою жизнь – и нате вам! Вчера умер!»).

Что же касается топонимики событий, то они происходят в доме, замке, клубе, на светском раунде, в школе, кабинете врача, у гадалки, в ресторане, казино, клубе, а также на шоссе, море и бассейне, иными словами, везде, где нас могут подстеречь случай или судьба. Любопытно отметить тот факт, что в роли информанта о возможной или предстоящей опасности, о произошедшем несчастном случае, в британском черном юморе выступают, как правило, только мужчины. Потенциальные жертвы, пострадавшие либо от несчастного случая, либо тяжелой болезни – тоже в основном мужчины (игрок, пациент, спортсмен, лорды, дядюшка Сэмюэл, школьник, сэр Честер, пираты, друзья, сыновья). Возможно, что в этом проявляется лучшее качество английского джентльмена – не

упоминать дам, дарующих жизнь, в мрачноватом юморе. Для истинного джентльмена немислимо представить себе леди объектом агрессии, как и неприлично обсуждать ее болезни или несчастья в анекдотах. Даже английский призрак, встреченный у ограды кладбища, не утратил манер вежливого обращения с дамами: „Late night a woman passing the cemetery sees a man. She comes to him and asks, -May I come with you? It is dreadful here - Sure, you may lady! - says the man. - I appreciate your help. Aren't you frightened? - asks the lady. - I used to when I was alive...” («Поздно вечером женщина идет мимо кладбища. Увидев какого-то мужчину, она обращается к нему: - Извините, можно я пойду с вами? Тут так страшно. – Конечно, можно, леди! – Очень вам признательна. Скажите, а вы сами не боитесь? – Боялся, когда был живой ...»).

Философская и защитная направленность черного юмора вообще свойственна британскому мировосприятию, носящему, скорее, биофильное ориентирование, согласно терминологии Э.Фромма, который его определил, как «любовь к живому по своей сути» (Фромм 1992: 25). В пользу этого наблюдения говорят также вошедшая в легенду любовь англичан к животным и садоводству, а также отсутствие агрессивной, в широком понимании некрофильной, окраски черного юмора.

Таким образом, англичане оставляют воображаемые неприятности на долю мужчин и, как истинные джентльмены, даже в своем черном юморе осуществляют благородный посыл: жестокие коммуникативные игры – удел только мужчин, похвальный мессидж, чего не скажешь о содержании американского черного юмора, в котором мы встретили нарушения многих табу.

В отличие от британского образца, американский черный юмор носит ярко выраженную специфику. Она заключается в том, что в отличие от британского черного юмора, где чаще всего речь идет о несчастных случаях или естественном летальном исходе, в американских «веселых историях» речь чаще идет о смерти насильственной, притом наступившей в основном от огнестрельного ранения. Угрозы в большинстве случаев осуществляются также с помощью пистолета, кольта, револьвера, например: A cowboy from Texas and his neighbor get off the train to buy a newspaper. When they come back see their seats are taken. The cowboy politely says that these seats have belonged to them, but the strangers do not let them sit. The cowboy takes out his gun and aims to one of the strangers with words “I give you three seconds to free our seats!” And the strangers leave the seats. The cowboy putting his gun into his pocket says, “Such people provoke Texas to fall into disrepute” («В поезде скотовод из Техаса вышел со своим соседом на станции, чтобы купить газет. Когда они вернулись, то увидели, что их места заняты. Скотовод вежливо сообщил, что эти места заняты, но пришедшие их не уступили. Тогда скотовод вытащил пистолет, приставил его к голове одного из сидящих и

сказал, что дает им три секунды, чтобы освободить места. И места, разумеется, тут же оказались свободными. Пряча пистолет в карман, техасец вздохнул: - Вот из-за таких типов, как эти двое, о Техасе идет дурная слава!»). Если в британском юморе речь о смерти идет в плане будущего или прошедшего, то в американском она прочно занимает место в настоящем времени. В подавляющем большинстве случаев речь идет об убийствах, покушениях, каннибализме, отравлении, готовящемся ограблении и даже о ядерном испытании. Главные действующие лица, как и в случае британского черного юмора, - только мужчины, причем в подавляющем большинстве те, чья профессия прямо или косвенно связана с владением оружием – ковбои, охотники, глава банды гангстеров, шериф, бывший зэк, дровосек, плотник и хирург. Если они и не являются непосредственными виновниками, то от них исходит прямая угроза смерти. Стреляют тестя в зятя, шериф в подчиненного, будущий диктатор кладет ногу на кислородный шланг своего больного предшественника, приятель Сэм советует другу Питту столкнуть его сестру с пристани, чтобы научить ее плавать и т.п. Места действия красноречиво говорят сами за себя: тюрьма, больница, госпиталь, лес, прерия, берег Амазонки, ранчо, бар, салун, таверна, ресторанчик, участок шерифа, тюрьма, поле боя, полигон, магазин оружия, бандитское логово. То есть, если в британском анекдоте действие происходит, за небольшим исключением, во вполне мирной обстановке, то в американских анекдотах антураж вполне соответствует происходящему действию. В качестве жертвы в большинстве случаев также выступают мужчины: ковбои, посетители ресторанов, военнослужащие, родственники, подчиненные. Здесь необходимо дать объяснение тесной связи насилия и свойственной ему полярности, поскольку эти явления неразрывно связаны с некрофильной ориентированностью, означающей в широком понимании влечение ко всему неживому, мертвому. «Для некрофила характерна установка на силу, - отмечает Э. Фромм. – Сила есть способность превратить человека в труп... В конечном счете, всякая сила покоится на власти убивать..., отнять свободу., «всего только» унижить... Кто любит жизнь, основной полярностью в человеке является полярность мужчины и женщины, для некрофилов существует совершенно иная полярность... Для них существует только два пола: «могущественные и лишенные власти, убийцы и убитые» (Фромм 1992: 32). И хотя в отличие от английских текстов, в американских образчиках черного юмора иногда присутствуют женщины, дети и животные, это не меняет смысла вышесказанного. Приведем один показательный пример внедрения культа насилия в сознание ребенка: A man from Texas buys a pistol to his son. Some times later the boy says he has changed it for a watch. - You are stupid! - says father. - Now, if someone beats or insults you, you will ask “What time is it?” («Техасец купил своему сыну пистолет. Через некоторое время сын сказал, что обменял пистолет на часы. – Ты осел! –

воскликнул отец. – Теперь если кто-нибудь тебя ударит или оскорбит, ты в ответ спросишь: «Который час?»).

Список может быть продолжен: так, маленький индеец спрашивает разрешения у своей матери на убийство туриста, забавы ради ковбой сиротит девочку, «в шутку» убивая при ней отца. Другой «герой» уложил в салуне четверых, дабы указать на пятого. Во всех подобных случаях присутствует бравлада со смертью и, разумеется, не своей собственной. Смерть происходит «здесь и сейчас», присутствуя в самом сюжете анекдота. Она задевает плащом черного юмора даже детей, что идет вразрез с общечеловеческими представлениями и табу, а также отражает крайне негативное восприятие действительности, в которой почти не остается светлых сторон. Для американского юмора в большей степени характерно нарушение религиозно-этических норм и запретов, к примеру: - A pastor at a frontier church ended a stirring sermon with, “All those who want to go to heaven, put up your hands!” Everybody enthusiastically raised their hands... everybody except a grizzled old cowboy who had been slouching against the door post at the back of the room. All heads turned as he sauntered up to the front, spurs jangling and said, “Preacher, that was too easy. How d’ya know if these folks are serious? I can gar-an-tee to prove who really means it an’ who don’t!” Bemused and not a little frightened the preacher said, “Ok, stranger, go ahead and put the faith of these good people to the test. Ask them anything you want.” At that the cowboy pulled his twin six-shooters, turned to the audience and said, “Alright... who wants to go heaven... raise your hands!”. (Церковь на Диком Западе. Пастор завершает проповедь словами: «А теперь все, кто хочет попасть в рай, поднимите руки!». Все с воодушевлением поднимают руки... все, кроме седого старого ковбоя, который стоит, прислонившись к дверному косяку в заднем конце комнаты. Все поворачиваются к нему, когда он, звякая шпорами, неторопливо выходит вперед и говорит: - Пастор, это было слишком просто. Откуда вы знаете, что эти люди не врут? Я могу проверить и точно узнать, кто говорит правду и кто обманывает. Растерянный слегка испуганный священник говорит: - Хорошо, незнакомец, выходи вперед и испытай веру этих добрых людей. Спрашивай у них все, что ты хочешь. Ковбой вытаскивает пару шестизарядных револьверов, направляет их в аудиторию и говорит: - Отлично... кто хочет попасть на небеса... поднимите руки!»).

Противоречивость и амбивалентность смеха проявляются иначе в грузинском постфольклоре. О его черном юморе можно сказать: «печальное смешное смягчает грусть» (Арутюнова 2007: 8). И действительно, черным его трудно назвать, а скорее, серым, поскольку в нем отсутствует элемент агрессии и состав действующих лиц сам говорит за себя: мальчик, учитель, больной, Михо, Чичико, жена, бабушка, пенсионеры, боксер и т.д. –

всего 6% от общего корпуса грузинских анекдотов, что на одну треть меньше, чем в американском фактическом материале. Лишь в одном случае речь идет о гипотетической гибели на полях сражений: პოლკოვნიკო, სადილი მხოლოდ ნახევარ ასეულს ეყოფა! – გასაგებია, ვისადილებთ შეტევის შემდეგ. («- Полковник, обеда хватит только на полсотни! - Понятно, пообедаем после атаки»). Единичный случай касается также гипотетической гибели на море. Зачин задает тему: გემი იძირება, კაპიტანი გემის მეზღვაურებს მიმართავს: - რომელიმე ლოცვა იცით? – მე ვიცი, კაპიტანო. – პოდა, ილოცე შვილო გუილით ილოცე, სწორედ ერთი მაშველი ქილეტი გვაკლია. («Корабль идет ко дну. – Кто-нибудь умеет читать молитву? – Я умею, капитан. – Ну вот и молись, сынок, сердцем молись, у нас не хватило только одного спасательного жилета»). В подавляющем большинстве речь идет о ненасильственном уходе из жизни: несчастный случай на реке: - ქსენია, სადაა შენი ქმარი? - კატა მდინარეზე წაიყვანა დასახრჩობად, თან ყველაზე ღრმა ადგილი უნდა ავარჩიოთ. – მაღე მოვა? – რა ვიცი, კატა უკვე ხუთი საათია რაც სახლში დაბრუნდა. («- Ксения, где твой муж? - Он кота взял топить на речку, в самом глубоком месте. – Скоро придет? – Не знаю, вот уже пять часов, как кот вернулся»). Подавляющее большинство анекдотов носит, скорее, «серую», нежели черную тональность, но значительная часть, - 1/5 от общего числа, ситуационно «прикреплена» к больнице или действиям медперсонала: ექიმი ექთანს ეკითხება: - ნარკოზი გაუკეთეთ? – არა, რა საჭიროა, ექიმო! პაციენტი ხომ ყრუმუნჯია! («Врач медсестре: «Наркоз сделали?» – «Зачем, доктор, пациент же глухонемой»). В исследуемом корпусе грузинских анекдотов трагическая ситуация обыгрывается или как предполагаемая, или констатирует уже свершившийся факт.

О грузинском «черном юморе» правильнее было бы говорить как о способе видения жизни, в том числе ее трагических начал. «Лучшие» темы – по количеству содержащегося трагизма - тюрьма, болезнь или смерть. Именно трагизмом, по мнению Ю.Карабчиевского, измеряется глубина анекдота; автор отмечает, что «самый глубокий юмор свойствен народам самой трудной и самой страшной судьбы» (Карабчиевский 1990: 84).

Наличие данного явления в той или иной тональности – агрессивной, философской, мрачной и др. в различных социокультурных условиях и у разных этносов свидетельствует о единении человечества перед единственной неизбежной реальностью в жизни.

Необходимо учитывать и мнение этологов, в частности, Лоренца, помогающее пролить свет на связь смеха с агрессией и понять некоторые нюансы черного юмора. Связывая смех с агрессией, ученый утверждает, что смех современного человека происходит из феномена исходной животной агрессивности (Лоренц 1991). Ту же мысль мы находим у

Н.Г.Брагиной, полагающей неслучайным фактом то, что группа слов, описывающих агрессивный смех – самая многочисленная (Брагина 2007: 615).

Таким образом, при сравнении общей массы анекдотов, сообщающих посыл черного юмора, отметим, что в грузинском и британском текстовом материале они составляют всего 6% и 4%, соответственно, от общего количества исследованных текстов. В американском юморе таковых встретилось более чем вдвое. Кроме того, если грузинский и британский черный юмор лежат на периферии других затрагиваемых тем, то в американском юморе он занимает «зрачок», т.е. центральную часть обсуждаемых тем и входит в тройку актуальнейших мессиджей американского городского постфольклора. Если в британском и грузинском юморе смерть присутствует в основном, как явление гипотетическое, либо имевшее место в прошлом, то в американском юморе она как бы присутствует *hic et nunc*, т.е. «здесь и сейчас», соответствуя императивной семантике латинизма; лингвистически это выражается глагольными формами настоящего времени.

Выводы

1. Жанр оценочности, широко представленный в постфольклоре, дополняет описание аксиологической картины мира. Имплицитные послы, которые мы называем мессиджами, содержат одну из сем категории оценок. Чаще всего эти мессиджи передают абстрактные понятия. Последние отражают концепт с семой таких категорий оценок, как рациональной, морально-нравственной, философской и прагматической. Анализ сем категорий оценки в британских, американских и грузинских коротких юмористических текстах дает представление о роли каждой из категорий оценок в британском, американском и грузинском социумах. В частности, количественный перевес наблюдается в области морально-нравственной оценки. Она содержится в 69% из тысячи британских текстов, в 63% из тысячи грузинских и всего в 44% американских текстах постфольклора. Это может свидетельствовать о меньшей актуальности данной тематики в бытовой коммуникации американского социума.

2. Как показало проведенное нами исследование, в анекдотах сохраняется лишь внешняя форма диалога; реплики чередуются, но содержание их типично монологическое, а длина реплик, как правило, не зависит от реплик партнера. Реплики анекдота заранее обдуманы и с композиционной, и словесной стороны, будучи отрепетированы многократными повторениями.

К параметрам прагматической ситуации и коммуникативным национально-культурным компонентам можно отнести также сопоставление коммуникации адресанта и адресата в

плане объема текста, предъявляемого адресантом и определяемого общим количеством и длиной реплик.

3. Существуют определенные предпосылки к так называемому эффекту песочных часов, при котором возможна свободная циркуляция анекдотов и их отнесение к потенциально бродячим анекдотам в ареале англофонии. К ним относятся: 1. культурно-историческая общность; 2. языковая общность; 3. усредненно-приближенный уровень бытийного сознания; 4. поликультурная социальная адекватность. При этом количественные расхождения в их употреблении не оказывают влияния на возможность их циркуляции. Эти факторы влияют на индекс «бродячести» коротких юмористических текстов, иными словами, степень поликультурной социальной адекватности сюжетных анекдотов.

4. Грузинский и британский черный юмор носят биофильную направленность, выполняя защитную функцию, американский черный юмор носит ярко выраженную некрофильную ориентацию, являясь средством демонстрации силы и, как следствие, агрессии. В американских анекдотах зачастую нарушаются общечеловеческие табу, наблюдается бравада игры со смертью. Содержание черного юмора с тональностью мрачного мироощущения не свойственно анекдотам грузинского корпуса текстов и носит весьма гипотетический условный характер. В этом плане британский и грузинский анекдот этимологически ближе к традиционному пониманию юмора, в то время как американский черный юмор балансирует на грани сарказма, иронии и насмешки и его социальная функция состоит в его использовании в качестве иллюстрации негативного или агрессивного поведения.

Заключение

1. В силу активизации интереса к межкультурной коммуникации и межкультурным сопоставительным исследованиям, в частности, и коммуникативному поведению вообще, назрела необходимость в систематизации данных в области межнационального неформального общения. Исследование современного городского фольклора является одним из источников сравнительного изучения поведения коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурным социумам.

2. Текст анекдота является коммуникативной единицей «в квадрате», репрезентируя коммуникацию стереотипных героев в типовой ситуации. Парадоксальность коллизий является не единственным мотивирующим фактором его трансляции адресантом. По своей структуре это единица устной словесности, имеющая трехчастную структуру: метатекстовый ввод, как необязательная часть, зачин, пуанта, содержащая всю соль

анекдота и имплицитно выраженный оценочный посыл-мессидж. Своей субноминальной информацией он способен оказывать воздействие на адресата транслируемого текста. В связи с крайней непопулярностью открытого дидактизма в быту, эта функция выполняется жанром «анекдот», как самым продуктивным явлением современного городского постфольклора.

3. Основные характеристики текста как единицы коммуникации, обладающей относительным единством и относительной автономией, также присущи текстам жанра «анекдот». В силу эмоционального воздействия, тексты исследуемого жанра обладают дополнительной характеристикой: они не только приводят адресата в состояние веселья, но и способны воздействовать с помощью имплицитной информации, содержащейся вне текста. Такой тип информации мы называем скрытыми оценочными послылами-мессиджами, апеллирующими к традиционным ценностям социума.

Выделение универсальных мессиджей, сформулированных лаконично, извлеченных дедуктивным путем из фактического материала, позволило прийти к новым выводам и теоретическому обобщению на основе построения общей модели. Исходя от частного к общему, были определены мессиджи, обладающие обобщающей силой, содержащиеся в трех корпусах анекдотов. С помощью мессиджей стало возможным конструирование общей и частных моделей комического «коллективного эго» трех социумов. Очетания построенного с помощью мессиджей «древа юмора» можно сравнить с защитным щитом, который возникает не случайно и отражает свойства окружающего мира. Психологический щит комического, конкретизированный в анекдотах, используется людьми для гармонизации желаемого и действительного, устранения косных стереотипов, устраняя частично дискомфорт бытия.

Анекдоты осуществляют трансляцию исчисляемого континуума мессиджей, общих для различных культур. Анекдоты, не транслирующие мессиджи, являются лингвистическими, их комический эффект основан на чисто лингвистических приемах.

4. В современном патриархальном андроцентричном обществе логично предположить, что современный городской постфольклор является артефактом асимметричного гендерного творчества трикстеров из среды городской интеллигенции, являющихся зачастую выразителями шовинистического андроцентризма. Об этом ярко свидетельствуют документирующие вышесказанное анекдоты: пик отрицательных послылов всех трех лингвокультурных социумов: британского, американского и грузинского, приходится на негативный посыл женского образа. Эта константа сопровождается иными мессиджами в центральной и маргинальной частях, которые носят вариативный характер. Однако различие между ним носит, скорее, количественный, нежели качественный характер.

Добавим, что нами отмечена особая парадоксальность содержания грузинских анекдотов, перекликающаяся с ирландским юмором, эстетика которых скорее направлена на создание яркого, гиперболизированного образа-впечатления, нежели на передачу скрытого смысла. Поэтому такие немногочисленные тексты не вписываются в созданную нами и «работающую» на англофонном материале схему-классификацию.

5. Общая картина культурологических особенностей британского, американского и грузинского юмора жанра «анекдот» является следующей. Сравнение с заокеанской культурой выявило универсальные и специфические ценности, свойственные сравниваемым культурам: это достаточно высокий показатель мессиджей, указывающих на самокритичность англофонов, женский отрицательный образ, демонстрацию умения владеть ситуацией. Специфика британского юмора состоит в стремлении избавиться от тирании *can't*, в отличие от американского лингвокультурного варианта, где более всего актуальна тематика власти и денег и, как следствие, черного юмора. Для грузинской юмористической традиции черный юмор свойствен в минимальной степени. Ярко выраженная философская позиция отношения к переходу в мир иной, как к неизбежной данности, окрашивает тональность грузинского черного юмора «лукавой грустинкой». Черный юмор и критика правительства доминируют также в американских анекдотах, в то время как в британских текстах анекдотов критические высказывания о власти, как и в грузинских, почти не встречаются.

Британским текстам анекдотов свойственно в большей мере соблюдение речевого этикета вне зависимости от ситуации, поскольку британская лингвокультура характеризуется высокой требовательностью к соблюдению тактичности.

6. Что касается лингвистических особенностей британского и американского юмора, то прежде всего отметим, что на долю лингвистического юмора, в отличие от сюжетного логического юмора, приходится небольшой процент коротких фольклорных юмористических текстов. Это объясняется тем, что с одной стороны, это юмор для посвященных в тонокости родного языка, где отсутствует одушевленный субъект или неодушевленный объект осмеяния. Их цель – получение эстетической радости от искусства владения и удивления богатством и разнообразием родного языка. Особенно это относится к английскому языку, предоставляющему широкие возможности для омонимичной игры слов. Общеизвестна корреляция между краткостью слов и явлением омонимии, поэтому последняя занимает особо почетное место в кругу лингвистических языковых игр. С другой стороны, относительно небольшое количество текстов с лингвистическим юмором можно объяснить тем, что такой юмор порой считается примитивным. Существует различие британского и американского лингвистического юмора в анекдотах в количественном

аспекте. Число названных зафиксированных британских анекдотов превышает более, чем в полтора раза аналогичные американские. Вербальный юмор в грузинских анекдотах количественно представлен следующим образом: тринадцать единиц текстов жанра «анекдот» на тысячу текстов, что свидетельствует о малой популярности такого типа юмора в грузинском лингвокультурном социуме. Что касается англофонного юмора, то существенного различия в языковых приемах создания комического эффекта не наблюдается: перевес в количественном аспекте по отношению к общему числу текстов говорит о большей употребительности лингвистического юмора в Великобритании, нежели на американском континенте.

7. Фольклорные тексты, в том числе короткие юмористические истории современного городского постфольклора, не только аккумулируют морально-нравственные нормы и традиции этноса, но и текстуально «овнешняют» коммуникативные привычки и сценарии определенного лингвокультурного социума. Это явление поддается исчислению и количественному анализу. К параметрам прагматической ситуации и коммуникативным национально-культурным компонентам, можно отнести также сопоставление коммуникации в плане объема предъявляемого текста, зависящего от общего количества и длины реплик.

Культурно обусловленная модель поведения способна диктовать поведенческий сценарий коммуникантов при передаче анекдотного текста. Например, в коммуникативные привычки адресантов американских и грузинских фольклорных текстов не входит испытание долготерпения адресата многорепликовыми анекдотами, чего не скажешь о британских трикстерах, чьи артефакты могут содержать до двадцати шести реплик.

Библиография

1. გოცირიძე 1988: გოცირიძე დ. ფრაზული ტექსტების ტიპოლოგიზაციისა და ინტერპრეტაციის პრინციპები. თბილისი.
2. ღლონტი 1957: აღ. ღლონტი. თავის სადოქტორო დისერტაციაში – “ქართული ხალხური ნოველების ისტორიული ძირები”, გვ. 261, “ანეგდოტის” ნაცვლად იყენებს “ფაცეციას”, ხოლო “იუმორისტული ნოველების” აღსანიშნავად “ფაბილოს”. ფაბილო და ფაცეცია მართლაც კარგად გამოხატავს იუმორისტული ნოველისა და ანეგდოტის შინაარსს, მაგრამ ეს ტერმინები, განსაკუთრებით ფაცეცია, ჩვენში არ გავრცელებულა ამიტომ ჩვენ ვხმარობთ იუმორისტულ ნოველებსა და ანეგდოტებს.
3. ქუთელია 1958: აღ. ქუთელია. “სიცილი და მისი სოციალური ძალა”, ჟურნ. “მნათობი”, № 5.
4. ჩიქოვანი 1956: ამის შესახებ იხ. მ. ჩიქოვანი, ქართული ხალხური სიტყვიერების ისტორია, თბილისი.
5. ჩიქოვანი 1955: მიხ. ჩიქოვანი. სატირა და იუმორი ქართულ ხალხურ სიტყვიერებაში, ლიტ. ძიებანი, ტ. IX.
6. ნოღაიდელი 1936: ჯ. ნოღაიდელი. აჭარის ხალხური სიტყვიერება. ბათუმი.
7. კიკნაძე 1953: გრიგოლ კიკნაძე. ქართული სატირისა და იუმორის განვითარების ისტორიისათვის. თბილისი.
8. ანეკდოტები, “დროება”, 1976, № 36, გვ. 3. თეოფ. კანდელაკის მიერ წარმოდგენილი.
9. ცანავა 1960: ი. ცანავა სატირა, იუმორი მახვილსიტყვაობაში. თბილისი.
10. ანდრეევი. Андреев 1978: Андреев Л.Г. История зарубежной литературы. М. Высшая школа.
11. ანთოლოგია. Антология 1994-1995: Антология мирового анекдота. Киев. Довира.
12. არისტოტელე. Аристотель 1957: Об искусстве поэзии. II т. М.
13. აროშიძე. Арошидзе 2009: Арошидзе М.В. Лингвосомиотический механизм свертывания текстовой информации и проблемы ее декодирования. Тбилиси. Универсал.

14. არნოლდი. Арнольд 1975: Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста. Типы выдвигения и проблема экспрессии//Экспрессивные средства англ. языка. Л. Изд-во ЛГПИ.
15. არუტუიუნოვა. Арутюнова 2007: Арутюнова Н.Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма/Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М. Индрик. С. 5-17.
16. არხიპოვა. Архипова 2001: Архипова А.С. Анекдот в зарубежных исследованиях XX века//Живая старина. М. ГРЦФР. № 1. С. 30 – 31.
17. არხიპოვა. Архипова 2003: Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра. АКД. М.
18. აფანასიევი. Афанасьев 1986: Афанасьев А.Н. Народ-художник. М. Сов. Россия.
19. ბახტოვი. Бахтин 1965: Бахтин М.М. Творчество Ф.Рабле и народная культура средневековья и ренессанс.
20. ბახტოვი. Бахтин 1979: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. С. 237 – 250.
21. ბელიანოვი. Белянин 1988: Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного слова. М.
22. ბელიანოვი. Белянин 2006: Белянин В.П. Психологическое литературоведение. М. Генезис.
23. ბელიანოვი. Белянин 1998: Белянин В.П. Русский языковой анекдот//Русский язык: лингвистические исследования. Часть 2. Вестник ЦМО МГУ. № 1.
24. ბენვენისტი. Бенвенист 197?: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. Наука.
25. ბერგსონი. Бергсон 2002: Бергсон А. Смех. М.
26. ბერგსონი. Бергсон 1914: Бергсон А. Собр. соч. Т. 5. СПб.
27. ბიბლია. Библия 1991: Библия. USA. Asheville.
28. ბორევი. Боров 1970: Боров Ю.Б. Комическое. М.
29. ბრაგინა. Брагина 2007: Брагина Н.Г. Комическое и безобразное. Области концептуального рассогласования//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М. Индрик. С. 614 – 626.
30. ბრუტუიანოვი. Брутян 2008: Брутян Л.Г. Язык и гендер. Ереван. Изд-во «Международная академия философии».
31. ბუტოვსკაია. Бутовская 2004: Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.

32. ვალგობა. Валгина 2003: Валгина Н.С. Теория текста. М. Логос.
33. ვერეშაგობი. Верещагин, Костомаров 2005: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.
34. ვეჟბიცკაია. Вежбицкая 2001: Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. Языки славянской культуры.
35. ვეჟბიცკაია. Вежбицкая 1999: Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.
36. ველმეზოვა. Вельмезова 2007: Вельмезова Е.В. Новые русские пословицы – анекдоты: структурные типы и проблемы классификации//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М. Индрик. С. 499 – 508.
37. ვოისკუნსკი. Войкунский 1990: Войкунский А.Е. Я говорю, мы говорим. М. Знание. С. 238.
38. ვიგოტსკი. Выготский 1980: Выготский Л.С. Мышление и речь. М.
39. გაღვერიბი. Гальперин 1981: Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.
40. გვენცაძე. Гвенцадзе 1986: Гвенцадзе Коммуникативная лингвистика и типология текста. Тбилиси.
41. გინდინი. Гиндин 2005: Гиндин В.П. Психопатология в русской литературе. М.
42. გოლევი. Голев Н.Д. Труды по лингвистике <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z58.html>.
43. გოლევი. Голев 2000: Голев Н.Д. Русский анекдот как игровой текст: внутренняя форма и содержание//Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. Барнаул. Изд-во Алтайского университета. С. 50 – 63.
44. გოლუბკოვი. Голубков 2007: Голубков С.А. Анекдотическое в русской литературе XX века. <http://www.ssu.samara.ru/~nauka/LITER/STAT/GOLUBKOV/anecdote.html>
45. გოცირიძე. Гоциридзе 1988: Гоциридзе Д.З. Принципы типологической интерпретации фразовых текстов. Тбилиси.
46. გოცირიძე. Гоциридзе и др. 2005: Гоциридзе Д.З., Чохонелидзе Н., Комахидзе Р.А. Двухязычные словари в Грузии: история и перспективы// Материалы Международной научной конференции: Русский язык в двухязычных словарях. Магдебург.

47. გოცობიძე. Гоциридзе 2005: Гоциридзе Д.З. Лингвоаксиологическая картина мира и ее описание//Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Тбилиси. Т.Ш. МАПРЯЛ.
48. გოცობიძე. Гоциридзе и др. 2000: Гоциридзе Д., Кверезели-Копадзе М. Коммуникативная организация единиц текста. М. РМАТ. АРЭ. РАЕН.
49. გოცობიძე. Гоциридзе, Комахидзе 2008: Гоциридзе Д.З. Комахидзе Р.А. Языковая и научная сегментация мира//Историко-филологические изыскания. Т. 5. Гос. ун-т Шота Руставели. СПб. ун-т – Батуми. Изд-во Гос. ун-та Ш.Руставели. С. 39 – 45.
50. გრაიცი. Грайс 1985: Грайс П. Логика и речевое общение//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. Прогресс. С. 217 – 237.
51. გრიშაევა. Гришаева 1998: Гришаева Л.И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума//Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск.
52. ჰუმბოლდტი. Гумбольдт 1984: Гумбольдт В. Избранные статьи по языкознанию. М. Наука.
53. დანდესი. Дандес 2003: Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М. РАН Восточная литература.
54. დემენტიევი. Дементьев 2000: Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов.
55. დიასამიძე. Диасамидзе 2005: Диасамидзе Л. Основные характеристики английского анекдота как типа мессиджей.//Intellect, № 1 (21). С. 89 – 92.
56. ძემიდოკი. Дземидок 1974: Дземидок Б. О комическом. Москва.
57. დმიტრიევი. Дмитриев 1996: Дмитриев А.В. Социология юмора. М. РАН. ОФСПП.
58. დობორჯგენიძე. Доборджгинидзе 2008: Доборджгинидзе Д. Функционирование художественного текста в межкультурной среде//Русский язык: система и функционирование. Батуми. Изд-во госуниверситет Ш.Руставели. С. 154 – 157.
59. დომაშნევი. Домашнев 1989: Домашнев А.И. и др. Интерпретация художественного текста. М. Просвещение.
60. ელინ-პელინი. Елин Пелин 1928: Елин Пелин. Черные розы. Сборник стихов в прозе. София. - enc – dic.com/enc – modern/Elin-Pelin 19878.html.

61. ეროფეევი. Ерофеев 2007: Ерофеев В. Апокриф, TV – программа от 2.10.2007.
62. ენუქიძე Енукидзе 1987: Енукидзе Р. Хронотоп. Тбилиси. ТГУ.
63. უანბრი. Жанр. Статья БСЭ, т.9. С. 121.
64. უურავლევი. Журавлев 1976: Журавлев Г.Е. Проблемы применения теории игр в психологии//Психология и математика. М. Наука.
65. ზემსკაია. Земская 1959: Земская Е.А. Речевые приемы комического в литературе.// Исследования по языку советских писателей. М. С. 215 – 278.
66. ზემსკაია. Земская 2007: Земская Е.А. Веселое словообразование//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М. Индрик. С. 642 - 650.
67. ივანოვა. Иванова, Ениколопов 2007: Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Юмор: психология и лингвистика//Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М. РАН. Институт языкознания. Индрик.
68. ივანოვა. Иванова, Ениколопов 2005: Иванова Е.М., Ениколопов С.Н., Максимова М.Ю. Психологические механизмы нарушения чувства юмора// Психиатрия. № 3. С. 60 – 65.
69. საზღვარგარეთი ლიტერატურის ისტორია. 1978. История зарубежной литературы. Под редакцией Л.Г.Андреева. М. МГУ.
70. კაგანი. Каган 2002: Каган М.С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад//Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. С. 5-16.
71. კამენსკაია. Каменская 1980: Каменская О.Л. Текст как средство коммуникации// Сб. научных статей МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 158. М.
72. კარაბჩიევსკი. Карабчиевский 1990: Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского. М.
73. კარასიკი. Карасик 1996: Карасик В.И. Культурные доминанты в языке//Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск.
74. კარასიკი. Карасик 1997: Карасик В.И. Анекдот как предмет лингвистического изучения//Жанры речи. Саратов. С.144-153.
75. კარასიკი. Карасик 2001: Карасик А.В., Карасик В.И. Непонимание юмора в межкультурном общении. – В сб.: Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 1. Воронеж. ВГТУ. С. 13 – 27.

76. კირილინა. Кириллина 1999: Кириллина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.
77. კონდაკოვი. Кондаков 1976: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. Наука.
78. კონევა. Конева 2002: Конева А.В. Анекдот как феномен социального воображения//Анекдот как феномен культуры. СПб. СПб. филос. об-во. С. 70-77
79. კომახიძე. Комахидзе 1995: Комахидзе Р. Парадигма и синтагматика текста. Тбилиси.
80. კოსმედა. Космеда 1997: Космеда Т. Языковая картина мира сквозь призму категории оценки. Материалы международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». Казанский Государственный Университет.
81. ფსიქიატრიული ლიტერატურათმცოდნეობა. Категория: Психиатрическое литературоведение. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
82. კოტოვი. Котов Арт.Ал. Описание речевого воздействия в лингвистической модели. Институт лингвистики РГГУ. Москва//arco@online.ru
83. კოშელევი. Кошелев 2007: Кошелев А.Д. О структуре комического//Логический анализ языка. Под ред. Н.Д.Арутюновой. М.Индрик. С.263-294.
84. კრასნიხ. Красных 1999: Красных В.В. Стереотипы: необходимая реальность или мнимая необходимость// Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г. Доклады и сообщения. М.
85. კრასნიხ. Красных 2004: Красных В.В. Современная научная парадигма: лингвокогнитивный подход//Труды и материалы II международного конгресса исследователей русского языка. М. МГУ.
86. კრასნუხიძე. Краснухина 2002: Краснухина Е.К. Анекдотичность истины//Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола. № 113. С. 77-80.
87. კულინოვი. Кулинич 1999: Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора. Самара.
88. კურგანოვი. Курганов 2001: Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. СПб.
89. კაზიმოვი. Кязимов 2003: Кязимов Г. Теория комического (проблемы языковых средств и приемов). Баку. - <http://www.uludie.gen.arlte> oriya/1.php.

90. ლაპინა. Лапина, Русяев 2002: Лапина Т.А., Русяев А.Л. В Англию с любовью. М.
91. ლივერგრანტი. Ливергант 1986: Ливергант А. Вступительная статья к книге The Importance of Being Witty. Moskow. Raduga. S. 18 – 21.
92. ლირი. Лири 1956: Лири Т. Уровни измерения межличностного поведения. М.
93. ლიპმანი. Липпманн 1988: Липпманн У. Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.
94. ენის ლოგიკური ანალიზი. Логический анализ языка 2007: Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. Ред. Н.Д.Арутюнова. М. Индрикс. 728.
95. ლომოვი. Ломов 1976: Ломов Б.Ф. и др. Некоторые вопросы применения математики в психологии//Психология и математика. М. Наука.
96. ლოსევი. Лосев 1990: Лосев А.Ф. Диалектика мифа//Из ранних произведений М.
97. ლოტმანი. Лотман 1997: Лотман Ю.М. Письма 1940 – 1993. М.: Языки русской культуры.
98. ლორენსი. Лоуренс Д.Г. Англия, моя Англия. М. Худ. лит-ра. С. 173.
99. ლუკი. Лук 1968: Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М. Искусство.
100. ციფრების მაგია. Магия цифр 2007: Магия цифр, № 12.
101. მამარდაშვილი. Мамардашвили 1992: Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.
102. მაქსიმოვი. Максимов 2001: Максимов В.И. Театральные концепции модернизма и система А.Арто. АДД. СПб.
103. მათეოსიანი. Матевосян 2007: Матевосян Л.Б. Языковое сознание. Стереотипный пласт. М. МЯ РАН. Ереван. Авт. издание.
104. მასლოვა. Маслова 2001: Маслова Н. Лингвокультурология. М.
105. მასლოუ. Маслоу 1954: Маслоу А.Х. Мотивация и личность. М.
106. ნეკლიუდოვი. Неклюдов 2007: Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологические и коммуникативные аспекты. - [tr://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov](http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov) 15.htm.
107. ნეკლიუდოვი. Неклюдов 2005: Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции»// Славянская традиционная культура и современный мир. Сб.материалов научн. конференции. Вып. 8. М. ГРЦВФ. С. 22 – 41.

108. ნიკოლუკიანი. Николукин 2001: Николукин А.Н. Анекдот//Литературная энциклопедия терминов и понятий. М. С.34-35.
109. ნინუა. Нинуа 2005: Нинуа И. К вопросу о речевом воздействии//Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Тбилиси. Т. III. МАПРЯЛ. С. 211 – 216.
110. ოლპორტი. Олпорт 1961: Олпорт Г. Модель личности и ее развитие. М.
111. ორნატსკაია. Орнатская 2002: Орнатская Л.А. Анекдот и жизнь//Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт-Петербургское философское общество. СПб. С. 87-94.
112. პაპინა. Папина 2002: Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории М. Эдиториал УРСС. С. 368.
113. პანკოვა. Панкова Л. Анекдот: Особенности формы и сюжетной композиции// С. 242 – 249. http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc-Gum/doksa/2005_
114. პეტროვსკი. Петровский 1987: Петровский А.В. Социальная психология. М.
115. პიზი, გარნერი. Пиз, Гарнер 2008: Пиз А., Гарнер А. Язык разговора. М. Эксмо.
116. პინსკი. Пинский 1967: Пинский Л.Е. Комедии и комическое у Шекспира// Искусственный сборник М.
117. პოჩეპცოვი. Почепцов 2007: Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. <http://culture.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/078.htm>.
118. პოჩეპცოვი. Почепцов 1998: Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М.
119. პროპი. Пропп 1976: Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.
120. პროხორენკო. Прохоренко 2002: Прохоренко Л.Е. Образ автора: автопортрет в анекдоте// Анекдот как феномен культуры. СПб.: СПб. филос. об-во. С. 99 – 103.
121. პუანკარე. Пуанкаре 1990: Пуанкаре А. Наука и гипотеза//Анри Пуанкаре о науке. Москва. Наука.
122. რადბილი. Радбиль 2007: Радбиль Т.В. Природа комического Sub Specie языковой аномальности. В сб.: Логический анализ языка. Под ред. Н.Д.Арутюновой. М., Индрик. С.686-698.
123. რანკურ-ლაფერьерი. Ранкур-Лаферьер 2004: Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. Пер. с англ. М. Ладомир.

124. რედკოზუბოვა. Редкозубова 2009: Редкозубова О.С. Структура смеховой культуры. Электронное научное издание «Аналитика культурологи»// <http://analiculturolog.ru/>
125. როქდესტვენსკი. Рождественский 1979: Рождественский Ю. Введение в общую филологию. М.
126. რუბინშტეინი. Рубинштейн 1973: Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.
127. რუდნევი. Руднев 1997: Руднев В. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М. АГРАФ.
128. სადოხინი. Садохин 2005: Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. Высшая школа.
129. სანიკოვი. Санников 1999: Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.
130. სედოვი. Седов 1998: Седов К.Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М.
131. სოკოლოვი. Соколов 2002: Соколов Е.Г. Русская культура как феноменально-феноменологический анекдот// Анекдот как феномен культуры. Санкт-Петербургское философское общество. СПб. С. 116- 128.
132. სლიშკინი. Слышкин 2001: Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера наивной лингвистики//Социальная власть языка: Сб. науч.тр. Воронеж: ГУ. Воронеж. С. 87-90. <http://www.vspu.ru/raxiology/99s/99sart8.htm>.
133. სლიშკინი. Слышкин 2002: Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота//Гендер как интрига познания (гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации). М. МГЛУ. <http://www.vspu.ru/~aksiology/ggs/ggsart2.htm>.
134. სლიშკინი. Слышкин 1999: Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы//Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград.
135. სლიშკინი. Слышкин 2000: Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных тестов в сознании и дискурсе. М.
136. სლიშკინი. Слышкин 2007: Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт «страшное» в смеховой картине мира// Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. Отв. ред. Н.Д.Арутюнова. М. Индрик. С. 454 – 464.
137. სოკოლოვი. Соколов 2002: Соколов Е.Г. Русская культура как феноменально-феноменологический анекдот//Анекдот как феномен культуры//Санкт-Петербургское философское общество. СПб. С. 116 – 128.

138. სრეგენსკო. Сретенский 1926: Сретенский Н.Н. Историческое введение в поэтику комического. Ростов-н/Д.
139. სტერნინი. Стернин 2007: Стернин И.А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России. - http://sternin.adeptis.ru/articles_rus.html.
140. სტერნინი. Стернин 2000: Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения// Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж://ВГТУ.С.4–20. - <http://commbehavior.narod.ru/RusFin2000/Sternin.htm>.
141. სტერნინი. Стернин 2002: Стернин И.А. Культурные ценности и их отражение в коммуникации//Международное сотрудничество в образовании: материалы III международной научно-практической конференции//СПб ГТУ. С. 224-230.
142. სუნიაგინი. Сунягин 2002: Сунягин Г.Ф. Анекдот как феномен культуры//Анекдот как феномен культуры. СПб. Философское об-во. С. 43 – 45.
143. სტოლოვიჩი. Столович 2002: Столович Л.Н. Анекдот и миф//Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. Санкт-Петербург. СПб.-ское философское общество. С. 45-52.
144. სიუჟეტი. Сюжет 1939: Сюжет. Статья из литературной энциклопедии. Т.11. М.
145. ტოდოროვი. Тодоров 1999: Тодоров Ц. Фрейд о процессе высказывания//Тодоров Ц. Теории символов. М.
146. ტურაევა. Тураева 1986: Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.
147. ტიუპა. Тюпа 1995: Тюпа В.И. Архитектоника эстетического дискурса//Бахтинология. СПб. С. 213.
148. ტიუპა. Тюпа В.И. Три стратегии нарративного дискурса// <http://www.nsu.ru/education/virtualdiscourse34> 15.htm.
149. უზნადე. Узнадзе 1947: Узнадзе Д.Н. Проблемы объективизации. Тбилиси.
150. ფილიპოვი. Филиппов 2003: Филиппов К.А. Лингвистика текста// СПб. Изд-во дом С.-Петербургского университета. С. 336.
151. ფესტინგერი. Фестингер 2004: Фестингер Л. Когда не сбылось пророчество. Стэнфорд. 1957. О нем//Сто великих психологов. М. Вече. С. 367 – 370.
152. ფრეიდი. Фрейд 1991: Фрейд З. Я и Оно. Т. II. Тбилиси. Мерани.
153. ფრეიდი. Фрейд 2006: Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному//СПб. Изд-во Азбука-классика.
154. ფრომი. Фромм 1995: Фромм Э. Душа человека. М. Эврика.
155. ფრომი. Фромм 1992: Фромм Э. Человек для самого себя. Минск.

156. ჩაპლი. Чапли 1997: Чапли Э. О нем: Гойхман О.Л., Надеина Т.М.. Основы речевой коммуникации. М. Инфра. М.
157. ჩესტერტონი. Честертон 1984: Честертон Г.К. Писатель в газете. М. Прогресс.
158. ჩირკოვა. Чиркова 1997: Чиркова О.А. Поэтика современного народного анекдота: Автореферат дисс. канд. филол. наук. М.
159. შიშკოვი. Шишков 2002: Шишков С.М. Абсурдный анекдот в культуре//Анекдот как феномен культуры. Санкт-Петербургское философское общество. СПб. С. 139 – 147.
160. შმელისოვა, შმელიძე. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра. М. 20 – <http://www.shmelev.ru.net>.
161. შმელისოვა, შმელიძე. Шмелева, Шмелев 1999: Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности//Жанры речи. Саратов. С.
162. შმელისოვა, შმელიძე. Шмелева, Шмелев 2002: Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М. Языки славянской культуры.
163. შრეიდერი. Шрейдер 1963: Шрейдер Ю.А. Что такое расстояние. М. Гос. изд-во физ.-мат.литературы.
164. შტაუბერი. Штаубер 2002: Штаубер Г.П. Мозаика остроумия. Кострома: Кострома.
165. შერბა. Щерба 1957: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М. <http://www.lingvotech.com/ruslityazik>.
166. შურიანი. Щурина 1999: Щурина Ю.В. Речевые жанры комического//Жанры речи. Саратов.
167. ჰილი. Хилл 1981: Хилл С. Когда поют и танцуют//Английская новелла XX века. М. Худ. лит-ра. С. 625 – 626.
168. Юмор – это серьезно. В проекте «Психология на RIN.ru.» [http://psy.ruarticle\(1088-103\).html](http://psy.ruarticle(1088-103).html).
169. იუნგი. Юнг 2005: Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск. Харвест.
170. იურენევი. Юренев 1980: Юренев Р. О комедии. М. Искусство.
171. იაგლომი. Яглом 1973: Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. М.Наука.
172. იანოვსკაია. Яновская 1969: Яновская Л.М. Почему вы пишете смешно? М. Наука.

173. იაკუბინსკი. Якубинский 1923: Якубинский Л.П. О диалогической речи//Сб. под редакцией Щербы Л.В. «Русская речь». Л.
174. იაროვიცკი. Яровицкий 2004: Яровицкий. Сто великих психологов. М. Вече.
175. აარნე. Aarne 1930: Aarne A. Die magische Flucht/ Eine Märchenstudie. Folklore Fellows Communication. N 13. N 92.
176. აბრაჰამსონი. Abrahams, Hickerson 1964: Abrahams P.D., Hickerson J.C. Crossfertilization Riddle//western Folklor/ - Berkeley, California.V. 23 № 24. P. 253 – 257.
177. აპტერი. Apter 1982: Apter M.J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. San Diego.
178. ატარდო. Attardo 1994: Attardo S. Linnguistie Theories of Humor. Berlin – N.Y.
179. აუბუანი. Aubouin 1948: Aubouin E. Les genres du risible. – Marseille.
180. ბაროკი. Barrick 1964: Barrick M.E. You Can Tell a Joke with Vigah if it`s About a Niggah//Keystone folklore. Quarterty – Philadelphia, V. 9. P. 166 – 168.
181. ბაროკი. Barrick 1970: Barrick M.E. Racial Riddles and the Polack Joke//Keystone Folklore Quarterty. Philadelphia, V.15. P. 3 – 15.
182. ბენ-ამოსი. Ben – Amos 1973: Ben – Amos D. The Myth of Jewish Humor// Western Folklore/ - Berkeley. California. V. 32. № 2. P. 112 – 131.
183. ბონჰემი. Bonham 1987: Bonham Tal D. The Treasury of Clean Jokes for children. Nashville. Tenessee Broadman press 1987.
184. ბრუნვანდი. Brunvand 1963: Brunvand J.H. A Classification for Shaggy Dog Stories//Journal of American Folklore. – Washington. DC. V. 76 № 299. P. 42 – 69.
185. ბერნსი. Burns 1975: Burns T.A. Burns I.H. Doing the Wash: An Expressive Culture Joke and its Tellers. Pensilvania. Norwood.
186. კანსონიერო. Cancionero 1979: Cancionero popular espanõl. М. Радуга.
187. კოლინზ-სვეი. Colins – Swahey Maric 1961: Colins – Swahey Maric. Comic layghter a philosophical Essay. New Hawen and London.
188. კრეი. Cray 1964: Cray E. The Rabbi Trickster// Journal of American Folklore. Washington. DC. V. 77. № 306. P. 331-346.
189. დევისი. Davis C. Ethnic Humor Around the World: A comparative Analysis. Bloomington. Indiana U.P.
190. დევისი. Davis 1990: Davis C. Jewish Jokes, Antisemitic Jokes and Hebreonian jokes// Ziv A. Jewish Humor. Tel Aviv. Papyrus. Tel Aviv University. P.59 – 80.

191. დრაიცერი. Draitser 1994: Draitser E. Sociological Aspects of the Russian Jewish Jokes of the Exodus// Humor - New York. V. 7. № 3. P. 245-67.
192. დანდესი. Dundes 1963: Dundes A. The Elephant Joking Question//Tennessee Folklore Society Bulletin. - Murfreesboro. V. 29. P. 40-42.
193. დანდესი. Dundes 1971: Dundes A.A. Study of ethnic Slurs: The Jew and the Polack in the United States//Jurnal of American Folklore. Washington. DC. 1971 V. 84 № 332. P. 186 – 204.
194. დანდესი. Dundes 1975: Dundes A., Abrahams P. On Elephantasy and Elephanticide//Dundes A. Analytic Essays in Folklore. Mouton. P. 192 – 205.
195. ფაოლი. Faol S. Xenophobes Guide. To the Amerikans. Oval Books. ISBN 1-902825-18-0. In Internet: <http://misternarold.net/joker/src/jkhumor.htm>.
196. ფერიუე. Ferrieux E. Europe: les frontières du rire. P. Sedes.
197. ფესტინგერი. Festinger 1957: Festinger L. A theory of cognitive Dissonance. Stanford: C.A. Stanford University Press.
198. ფლიეგერი. Flieger 1983: Flieger J.A. The Purloined Punchline: Joke as Textual Paradigm// Modern Language Notes. Baltimore, Maryland. V. 98. № 5. P. 943-967.
199. კაინცი. Kainz 1951: Kainz F. Psychologie der Sprache. Bd. III. S. 112. Stuttgart.
200. კურტი. Kurti 1988: Kurti L. The Politics of Joking: Popular Response to Chernobyl// Journal of American Folklore. – Washington. DC. V. 101. № 401. P. 324-334.
201. იუნგერი. Jünger 1948: Jünger F.G. Über das Komische. 3 Aft. Fr/M.
202. ლეგმანი. Legman 1975: Legman G. Rationale of the Dirty Joke: An Analysis of Sexual Humor. - Second series. New York: Breaking Point. P. 989.
203. ლევი-სტროსი. Lévi-Strauss 1995: Lévi-Strauss C. Oeuvres choisies. P., ADPF.
204. ლონგი. Long 1988: Long D.L., Graesser A.C. Witand humour in discourse processing// Discourse processis. 11. P. 35 – 60.
205. მაილი. Mail A. Milsted D. Oval Books. ISBN 1-902825 – 46- 8 In Internet: <http://xenophpbesguide.com> To the English <http://misterhalo.com>.net/joker/scr/jkhumar 1.htm.
206. მაილი. Mail, Milsted 1962: Mail A., Milsted D. Xenophobes Guide To English. Oval Books. ISBN 1-902825 – 46 – 2 In Internet: <http://www.Langust.ru/review/xeno-br6.shtml>.
207. მერსიე. Mercier 1962: Mercier Vivian. The Irish Comic Tradition. Oxford: The Clarendon Press.

208. მიდლტონი. Middleton, Moland 1959: Middleton R., Moland J. Humor in Negro and White Subcultures: A Study of Jokes among University Students//American Sociological Review. Washington. DC. V. 24. P. 61-69.
209. მინდნესი. Mindess и др. 1985: Mindess H., Miller C., Turek J., Bender A., Corbin S. The Antioch Humour Test. Making sense of humour. N.Y.
210. მიოხელი. Mitchell 1977: Mitchell C.A. The Sexual Perspective in the Appreciation and Interpretation of Jokes// Western Folklore. Berkeley, California. V 36. № 4. P. 303-331.
211. ნილსენი. Nilsen 1990: Nilsen D.L.F. The Social Functions of Political Humor// Journal of Popular Culture. - Bowling Green. V. 24. № 3. P. 35-49.
212. ორინგი. Oring 1975: Oring E. Everything is a Shade of Elephant: An Alternative to a Psychoanalysis of Humor// New York Folklore. New York. V. 1. № 3-4. P. 149-161.
213. პარტრიჯი. Partridge 1953: Partridge E. The "Shaggy Dog" Story: Its Origin, Development and Nature. London.
214. პლესნერი. Plessner 1950: Plessner H. Lachen und Weinen. 2 Aufl. Bern.
215. რასკინი. Raskin 1985: Raskin V. Semantic Mechanisms of humour. Dordrecht. Holland: D.Reidel.
216. რედფერნი. Redfern 1984: Redfern W. Puns. London. Blackwell.
217. რეინჩე. Reinche 1991: Reinche N. Antidote to Dominance: Women's Laughter as Counteraction// Journal of Popular Culture. - Bowling Green. V. 24. № 4. P. 27-39.
218. რაისი. Ries 1997: Ries N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca & London: Cornell UP.
219. სოსურნი. Saussure 1949: Saussure F.de. Cours de linguistique générale. P., Pavot.
220. სულსი. Suls 1983: Suls J.M. Cognitive processes in humour appreciation//Handbook of humour research: Basic issues edited by P.E. Mc Gee, J/Goldstein. N.Y. Vol. 1. P. 39 – 57.
221. სატონ-სმიტი. Sutton-Smith 1960: Sutton-Smith B. Shut up and Keep Digging: the Cruel Joke Series// Midwest Folklore. Bloomington. V. 10.
222. ტეილორი. Taylor 2004. Taylor I. Features. Exploring Englishness Part 2. Out Sense of Humour. Copyright.
223. თურსტონი. Thurston 1991: Thurston R.W. Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935-1941// Journal of Social History. - Pittsburgh. V. 24. № 3. P. 541-562.

224. ვაჟაკოვა. Waszakova 2004: Waszakova Kr. Afiksy, afiksoidy czy czlony zlozeń (O aktywnych obcych czastkach słowotworczych) // Семантика и прагматика языковых единиц. Отв. ред. А.Н.Еремин. Калуга.
225. უაერი. Wyer 1992: Wyer R.S. Collins J.E. A Theory of humour Elicitation//Psychological Rewiew. Octomber. Vol. 99. P. 663 – 688.
226. იურჩარკი. Yurchark 1997: Yurchark A. The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretence, and the Anecdote.// Public Culture. - by the University of Chicago. V. 9. P. 161-188.
227. Английский анекдот как отражение национальной культуры. – [http://arhive. 1september.ru](http://arhive.1september.ru).
228. ენციკლოპედია. Анекдот 1962:Анекдот//Краткая литературная энциклопедия в 9 т. М. Т.1.
229. ენციკლოპედია. Анекдот 1970: Анекдот//БСЭ. Т.2 М. Сов. Энциклопедия.
230. ახმანოვა. Ахманова 1966: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. Сов. Энциклопедия.
231. ბიზნეს-ექსპერტი. Бизнес-эксперт 2003: Бизнес-эксперт, XI. С. 44.
232. ენციკლოპედია. БСЭ 1973: Большой энциклопедический словарь. М. Сов. Энциклопедия. Т.Т. 11, 12, 30.
233. კუნინი. Кунин 1984: Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 4-е. М. Русский язык.
234. ციფრების მაგია. Магия цифр 2007: Магия цифр. Наука и религия. № 12.
235. კრებულები. 2005. 7777 лучших анекдотов со всего света. М. РИПОЛ классик.
236. ლექსიკონი. Русско-английский словарь 1981: Русско-английский словарь. М. Изд-во Русский язык.
237. ფილოსოფიური ლექსიკონი. Философский словарь 1963: Философский словарь. Под. ред. М.М.Розенталя и П.Ф.Юдина. М.Издание политической литературы.
238. ლექსიკონი. 1997. Pocket Oxford Russian Dictionary. Oxford – New York. Oxford University Press.
239. დვორეცკი. Дворецкий 1976: Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М., Изд-во «Русский язык».
240. კონდაკოვი. Кондаков 1976: Кондаков Н.И. Логический словарь – справочник М., Наука.

241. კრისტალი. Crystal 1989: Crystal David. The Cambridge Encyclopedia of language. Cambridge University Press.
242. კრისტალი. Crystal 1996: Crystal David. Encyclopedia of the English language. Cambridge University Press.
243. ლექსიკონი. Hachette 1999: Hachette. Dictionnaire encyclopédique illustré. Paris.
244. ლექსიკონი. Petit Robert 1981: Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris. Le Robert.
245. ლექსიკონი 1956: რუსულ-ქართული ლექსიკონი. I, II, III ტ. საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა. თბილისი.

Источники фактического материала: тексты жанра «анекдот»:

1. Английский юмор. Интернет-сайт - [http://www.abtaod.ru/English leng love/shtmhive](http://www.abtaod.ru/English%20love/shtmhive)
2. Антрушина и др. 2001: Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В, Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. М. Дрофа.
3. Краткая энциклопедия карикатуры
<http://www.soros.korelia.ru/projects/1998/dmoskin/80/80.htm>
4. Муратов 2001: Муратов Э.Н. Политика. Бизнес. Право: сборник юмора на английском языке. М., ЛСТ – Астрель.
5. [http://en.wikipedia.org/wiki/Knock-knock joke](http://en.wikipedia.org/wiki/Knock-knock_joke)
6. <http://en.wikipedia.org/wiki/>
7. http://www.ksu.ru/science/new/lingv_97/n63.htm
8. [http://ru.f260.mail yahoo.com](http://ru.f260.mail.yahoo.com)
9. <http://dlph.mykm.ru/?module=articles&c=new&b=2&a=26.100>
10. <http://www.Englishclub.Com>. (ESL Jokes: Helen`s ESL Jokes (EnglishClub.com)).
11. http://evarist.narod.ru/text_14/03.htm
12. <http://www.soros.kaselia.ru/projects/1988/dmoskin/51/51.htm>
13. <http://psy.rin.ru/articl/1088> - 103 html
14. <http://psy.rin.ru/article/1088-101> html
15. <http://www.zodanet.com/lollerpedia/index.php>
16. http://www.angelfire.com/on/torfen/jokes_16.html.
17. <http://www.ahajokes.com/reg33.html/>

18. <http://en.wikipedia.org/wiki/Shaggy-dog-/story>
19. <http://www.netfunny.com/rhf/jokes/87/2094.27.html>
20. <http://www.english.4u.com.ua/modules.php?name=Anecdotes&page=5>
21. Internet – side: DLPH юмор – Английский анекдот
22. Wikipedia. The Free encyclopedia. – Internet. Yahoo! Mail-ni/cho_r@yahoo.co.
23. Wikipedia 2007: Wikipedia: свободная энциклопедия интернет-сайта: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>